

ПРИСТАНЬ УТРАЧЕННЫХ СНОВ МИФОМИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

- 1.ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ
- 2.СЫН ЛЮБИМОГО МУЖЧИНЫ
- 3.ЦВЕТОК ЗЛА
- 4.СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ. Последнее свидание в Старом Кафе
- 5.СНЕЖНАЯ РОЗА МЕДВЕЖОНКА ОСТАПА
- 6.ЖЕНЩИНА РУССКОГО АДМИРАЛА
- 7.КОРАБЛЬ - ПРИЗРАК ДЛЯ ЛУННОГО АНГЕЛА
- 8.ЯЗЫЧНИЦА
- 9.ЖЕНЩИН ОБИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ
- 10.УБИВШИЙ ДРАКОНА
- 11.ЛИЦО В СТАРИННОМ ЗЕРКАЛЕ Соавтор
И Знания умножили печали.
12. ЗАМУЖ ЗА ПЕРВОГО ВСТРЕЧНОГО
- 13.ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ ЭТО ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
14. ИГРА СТОИТ СВЕЧ Исповедь Феликса ГРУСТНЫЕ ЗАБАВЫ
- 15.СОН РАЗУМА или Ночь откровений
- 16.ДЕМОН СОН РАЗУМА ПОРОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ
- 17.Ночь откровений-2 Никого ни о чем не проси
18. НОЧЬ 3 ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ ТЕНЬ АДМИРАЛА
- 19.НОЧЬ 4 ТАНЕЦ СМЕРТИ
- 20.НОЧЬ- 5 НЕЧЕГО НА КОТА ПЕНЯТЬ

- 21.НОЧЬ 6 МАРТА ИЛИ МАРГАРИТА
- 22.НОЧЬ - 7 И та, что отразилась в зеркалах
- 23.НОЧЬ 8 Сон об Утренней звезде СВЕТОНОСНЫЙ
- 24.НОЧЬ -9 Лирическое отступление. И друзья, и враги в этом зеркале. Послесловие...
- 25.НОЧЬ -10 СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ
- 26.НОЧЬ -11 ПОСЛЕДНИЙ БОЙ - ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ
- 27.Ночь -13 13 июня ПЯТНИЦА
- 28.ВСПОМНИ СКАЗКУ, СПАСИ ПРИНЦА. ЗНАКОМСТВО В СЕТИ?
- 29.ПОГОВОРИМ, БРАТ
- 30.ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ
- 31.НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСТИТСЯ. ВЫ ПОЕДЕТЕ НА БАЛ?
- 32.ЗАВЕТ ВЕЛЕСА
- 33.СМЕРТЬ ИНОЙ РАЗ ОТСТУПАЕТ Я БЕССМЕРТЕН
- 34.ОГНЕННЫЙ ТАНЕЦ, БЕРЕГИНИ. ЕДИНСТВЕННАЯ
- 35.КОМЕДИЯ ОКОНЧЕНА, МОЙ ДРУГ. Тайна шедевра
- 36 АБРИКОСАМИ ПАХЛА ОСЕНЬ. Свидание в полночь
- 37.ТРИ НОЧИ СЧАСТЬЯ. ЛЯГУШКА-ЦАРЕВНА
- 38.БУКЕТ НЕЗАБУДОК ДЛЯ АННЫ. На грани времен
- 39.УПЫРИ ЗА РУЛЕМ. МЕСТЬ АНГЕЛА –ХРАНИТЕЛЯ
- 40.ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАНЬЯК. Никаких собак
- 41.ПЛЕННИКИ ИЛЛЮЗИЙ.. Тайна Незнакомки
- 42.ТАНЕЦ ПРИЗРАКОВ В ТИШИНЕ 31 июля

Грустная песня первой любви

Ангелы бывают разными, как и люди. У этого, прилетавшего, когда ему вздумается и внезапно исчезавшего, был саксофон. И как он играл. Божественно. Разве по-другому может играть ангел?

И маленькая девочка, с детства слышавшая эту восхитительную музыку, счастливо улыбалась во сне. Она верила, что и сегодня обязательно услышит его.

Она почти ничего не ведала о мире, но знала, как прекрасны ангелы и как восхитительна может быть музыка.

И она парила вместе со своим ангелом в том мире, куда не было дороги другим, потому что в небеса по разноцветной радуге могут подниматься только ангелы и маленькие дети.

Они гуляли там, среди звезд, открывали разные удивительные миры, а утром она рассказывала о том, что видела, хотя ребенок не может передать словами всех тех великолепных красот, но в зеленоватых глазах ее отражался тот мир.

Мама тревожилась за своего ребенка, сама она никогда в детстве не видела ангелов, не слышала такой музыки или успела забыть о том, как это бывало когда-то. И ангел, видя, что он доставляет столько хлопот взрослым, стал потихоньку отдаляться. В мире было столько восхитительных детей, которым тоже нужна была его музыка, но чтобы его девочка не особенно переживала, он порой навещал ее. Она ждала его все время.

И тогда она прислушивалась, как только возникали звуки саксофона где-то очень далеко, она забывала обо всем и стремилась туда, откуда они доносились.

Если поблизости были взрослые, он не показывался сам, чтобы не тревожить их, и только музыка парила в пространстве.

Однажды на рассвете, когда все еще спали, девочка тихо подошла к распахнутому окну и увидела его снова.

- Ты вернулся? Я так долго тебя ждала...

Но, едва показавшись, он снова исчез.

- Она снова видит ангелов, - услышала она голос мамы за спиной.

- Но послушай, какая музыка, там вероятно и на самом деле ангел играет, - постарался отвлечь ее от грустных размышлений отец.

- Если бы ты интересовался соседями, то узнал бы, - говорила мама, что к нам переехала интересная семья, там такой талантливый мальчик, о нем еще узнает весь мир, и мы будем гордиться тем, что жили с ними рядом.

Даша не хотела верить маминым словам. Она никогда не видела того мальчика, не слышала, как он играет. У нее был ангел с саксофоном, и она знала, что он обязательно вернется, как только родители немного успокоятся, и зазвучит эта музыка, великолепная, восхитительная, божественная музыка.

№№№№№

Перепополненный концертный зал рукоплескал знаменитому саксофонисту. Он только что исполнил для них «Грустную песню первой любви».

И когда музыкант вернулся к реальности и, наконец, взглянул в зрительный зал, он увидел женщину с грустными глазами.

Он не мог знать многих вещей: того, например, что когда-то очень давно, целую вечность назад, они жили в одном доме в новом микрорайоне. В этом городе она прожила всю жизнь, а он покинул его еще в юности и потом только изредка возвращался сюда на несколько дней, утомленный красотами мира.

Он не знал, что она спешила на все его концерты, для того, чтобы на мгновение вернуться в детство и услышать ту музыку, которую дарил ей когда-то ее ангел.

Иногда ей казалось, что эта та самая музыка, иногда она совсем не узнавала ее. Тот, кто для нее играл теперь, был только человеком, хотя и безумно талантливым музыкантом. И хотя он был профессионалом, но ведь у него было порой плохое настроение, усталость, свои проблемы. И в такие минуты она даже радовалась, и верила, что вернется ангел, что она не обманулась в детстве.

Но сегодня, когда она услышала «Песню первой любви», которую знала от первой до последней ноты всю жизнь, хотя и не знала тогда, как она называется, она поняла вдруг, что ее ангел не вернется больше никогда.

Аплодисменты не смолкали, ему несли цветы, сколько же было цветов. Ему говорили какие-то слова, каждому хотелось прикоснуться к его тонким пальцам, унизанным перстнями - руки музыканта - всегда чудо. И только она ни за что не согласилась бы приблизиться к нему, потому что тогда исчезнет последняя иллюзия.

Грустная женщина возвращалась в свой уютный дом. Она торопливо шла пешком по окутанным тьмой улицам. И вдруг где-то высоко в небе зазвучала музыка. Та самая, как когда - то в детстве.

Ангел решил появиться снова, чтобы она перестала рыдать и улыбнулась. У него как всегда было очень много дел, и дети ждали его появления, но он решил еще раз сыграть для нее «Грустную песню первой любви»

СЫН ЛЮБИМОГО МУЖЧИНЫ

Не улетай, так пусто на земле,
Среди угрюмых и забытых истин,
Пусть вновь поэт проснется на заре,
И песнями и откровеньем писем
Он нас опять пленит и вдохновит,
А в небесах лишь ангелы танцуют.
Не улетай, ведь мир так деловит,
Он не живет, он только существует.

Когда душа пуста и так темна,
Когда весна не радует беспечно,
Поэзия прекрасная нужна,
Она одна нам дарит чело-вечность.

Рано или поздно наступает время собирать камни.

Хорошо, если оно наступает не слишком поздно.

Все началось с того, что в тот день ничего не писалось. Это само по себе было странным происшествием для Леры. Ее как раз упрекали за то, что она была слишком плодовитым автором.

Ни дня без строчки и какое-то количество страниц романа, если не только что сочиняемого то выбиваемого в комп из старой рукописи – это всегда пожалуйста, тут ничего не получалось.

Текст буксовал, как автомобиль за окном. И она понимала, что бесполезно пытаться сейчас его вытащить из паутины скуки, переходящей в уныние.

Так не пишутся романы, о стихах и говорить нечего.

Когда погас монитор, она услышала звонок. Сначала даже подумала, что это произошло из-за того, что выключился комп.

Но нет, просто к ней кто-то пришел.

Этот кто-то ее любимый программист Олег, парень бесподобный во всех отношениях. И даже не потому что он знал ее романы лучше, чем она сама, и вносил в ткань повествования столько неповторимых образов, он сам был неповторим, уникален.

Общение для этих двоих было настоящим даром. В мире, где мужчина и женщина встречаются для секса на ходу, за несколько минут, чтобы бежать снова в разные стороны и даже имя партнера вспомнить с трудом, два эти занятые человека могли беседовать целыми вечерами, когда творчество никак не проступало, и она даже не пыталась насиловать себя.

Вот и на этот раз он пришел как раз вовремя.

Они отправились в старое кафе.

Кафе и на самом деле было старым. Там когда-то они обмывали университетские дипломы, а Олег ходил еще в первый или уже во второй класс в те времена, там она и встретила своего первого мужчину.

И совсем как у поэта:

Все давно сожжено и рассказано,

Только первая снится любовь.

Вот и сегодня Эльдар не могла ей не присниться, потому что сидели они в том же самом кафе, и что совсем удивительно – тот столик у стены был свободен.

Когда она к нему устремилась, Олег понял, что это тот самый столик.

- А не пригласить ли нам сюда этого загадочного полковника, – спросил он, - мне так хочется взглянуть на героя твоего романа. Представляешь, как здорово бы это было.

Лера вздрогнула и произнесла:

- Это невозможно, его похоронили 5 ноября, несколько дней не дожил до своего праздника.

- Прости, я был в командировке, не знал.

- Я тоже узнала позднее, брат не стал мне в тот момент говорить. Как-то заработалась, не слушала новости. Иногда вот за это я и ненавижу творчество, даже взглянуть в последний раз на единственного мужчину, которого любила всегда, я не могла. Но может это и к лучшему. Не представляю его похороны, и не хочу представлять.

Они замолчали, пили потом за то, чтобы на самом высоком небе оказался полковник, который был так похож на короля Сиама в знаменитом фильме. Правда она никогда себя не ощущала той странной учительницей, которой довелось с ним танцевать.

- Остается только фильм, - говорила Лера, - но это другой фильм, хотя когда я его посмотрела, мне показалось, что это наша история, только из

другой жизни. Странно, с той поры я начала верить в то, что мы еще жили, и будем жить в этом мире. Может быть, следующую, где-нибудь в Аргентине мы, наконец, проживем вместе и умрем в один день.

Олег вдруг уселся к роялю, в старом кафе зазвучала «Лунная соната».

Как же вдохновенно он играл в тот вечер. И ей даже казалось, что она здесь танцевала с королем.

А ведь и на самом деле, как он танцевал, этот таинственный полковник...

И как давно это было, целую вечность назад.

№№№№№№№№№№

Но домой они вернулись рано, только что началась программа «Время», Олег попрощался, видя, что Лере хочется побыть одной.

Он просто подумал, что в те времена только что пошел в школу, а она уже любила своего короля и была в его объятьях. А потом ему не было места в той части ее жизни.

Теперь уже она услышала телефонный звонок:

- Здравствуйте, Лера, это Аскарков. Эльдар Аскаев..

Она отстранила трубку от уха, словно мог произойти взрыв.

- Кто вы? - едва произнесла она, словно и на самом деле лишилась дара речи.

Сегодня, звонок оттуда.

А что если и на самом деле теперь уже можно выйти в контакт с тем светом.

Она опустила в кресло, там что-то говорили, но не тот, кто звонил, просто ясно было, что он стоит в людном месте, может быть на пороге рая.

- Я вас слушаю.

- Мне хотелось бы встретиться, сейчас.

Сто лет прошло. Но разве не так говорил Эльдар?

- Да, конечно, - произнесла она и нажала на кнопку – разговор окончен.

Кто так мог над ней издеваться? В каком времени и пространстве она находится? Как бы она была счастлива, если бы это было реальностью.

Как странно все это было сознавать. Она была уверена в том, что пройдет какое-то время 5-10 минут, и раздастся звонок в дверь. Эл никогда не говорил о том, чего не будет. Он всегда был предельно точен, если сказал, что придет, то можно в том не сомневаться, его ничто не остановит. Если бы он был на этом свете.

Кажется, в тот миг звонок и прозвучал.

- Не открывайте дверь незнакомцам, особенно, когда близиться полночь,
- подумала она, открывая дверь.

- Таким молодым я его не видела, - промелькнуло в сознании Леры, она молча пригласила парня войти.

Спрашивать, кто он такой, требовать документы не имело смысла.

- Меня тоже зовут Эльдар, - говорил он, и только это тоже вырвало ее из мистики и вернуло к реальности.

Все очень просто, это его младший сын, ему должно быть лет 20, может чуть больше.

И хотя главное было понятно, но как откуда он узнал, почему сегодня.

Наверное, этому тоже есть объяснение, только Лера его не находила.

И тогда, чтобы совсем уж все прояснить, он улыбнулся таинственно:

- Я сидел в кафе за соседним столиком. Там хорошо было слышно ваш разговор, я понял, что это вы и мой отец, а потом попросил телефон у вашего спутника, он не хотел давать, но, наверное, ему тоже известна эта история.

- Да, конечно...- растерянно произнесла она, приглашая его сесть в кресло напротив.

Все оказалось обычно для оперативника, который, вероятно, был на задании без формы, удалось выяснить попутно что-то из того, что не касалось его работы. И вот они уже сидят здесь, рядом.

- Я не верю в случайности, - говорила Лера, - наверное, так должен был сложиться пазьянс, чтобы все это случилось.

Но это было целую вечность назад, тогда еще он не был женат, - словно бы оправдываясь, говорила она, - это произошло позднее.

- Почему вы оправдываетесь? ведь все, что было - удивительно. Мне казалось, когда я смотрел на отца, что все мы его недостаточно любили. Он сам этого не замечал, у него ведь кроме работы ничего не было. Он и сторел на ней, до пятидесяти не дожив, но когда вы начали говорить о нем, я был так потрясен...

Теперь эти двое сидели молча.

Лера чувствовала, что между мистикой, с которой она связывала все последние события, и реальностью всегда есть какое-то расстояние.

Все, что происходило с ней и Эльдаром даже после его ухода, можно объяснить как-то с точки зрения реальности. Но когда это происходит, то открываются еще какие-то удивительные грани, которые ей снова кажутся необъяснимыми. Как и то, что она снова вернулась в юность и перед ней сидит тот, кто сторел от страсти, и заставил ее парить не только в минуты их сумасшедшей близости, но и потом, почти всю оставшуюся жизнь.

Парень смущенно простился и исчез, словно его и не было. Только после этого она вспомнила, что не предложила ему даже чашку кофе.

Хотя может и хорошо, что не предложила.

Все, что было до сих пор красиво и волнующе, а то, что могло стать продолжением – ужасно. Нет, нет, и нет.

Дед всегда ее хвалил за то, что она может остановиться вовремя.

Она медленно подошла к старинному зеркалу, взглянула на взрослую женщину на той стороне стекла, и решила, что она может остановиться вовремя.

Но там отражалась любимая картина «Разбитые мечты». Клоун в красном с полу потушенным фонарем тяжело опустился в проем стены, кажется он никогда, не сдвинется с места. Гениальный художник отразил и ее душу тоже. Она сразу поняла, как только взглянула на картину, что моделью для живописца была ее собственная душа.

И вдруг ей показалось, что шут на миг снял маску и улыбнулся.

Что это?

№№№№№№№№

Лера знала, что тот осенний вечер она не забудет никогда.

В обычной суматохе прошло несколько дней, она написала главу о встрече со взрослым сыном своего любимого мужчины, когда Эльдар снова появился на пороге с желтыми розами и шампанским.

- Не прогоните, я читал рассказ, мне хотелось бы побыть немного с вами, думаю, отец был бы рад.

Что она могла сказать после этих слов?

Золотистые листья кружились за распахнутым окном. Шампанское странно кружило голову.

Она видела Эльдара, молодого и великолепного. Ей тогда казалось, что таких не бывает, вот и теперь, она переживала те же чувства, таких мужчин не может быть в реальности. Ее только на миг покажут ей и снова заберут навсегда. Но ведь когда ты хоть одно мгновение был рядом с ним, другого уже и не нужно.

Тот же блеск в совершенно темных глазах, которые не улыбались, даже когда он сам улыбался. Об этом она и сказала сыну.

- Я не помню, как он улыбался, голос помню, глаза, губы, но не улыбку, как странно.

Парень улыбнулся, у него была великолепная улыбка.

- Говорят, мы с ним похожи, как две капли воды, бабушка твердит, когда прихожу к ней, то чувствую, что она видит не меня, а его, и с ним говорит,

вспоминает детство в деревне. Я там почти никогда не был. Это странно, пережить детство собственного отца, но иногда мне кажется, что я там был.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих, на пороге стояла незнакомая женщина. Хотя Лера точно знала, кто она такая.

Они молча смотрели друг на друга. А когда за ее спиной появился Эльдар, Гульнара просто передернулась.

- Мама, почему ты здесь? – спросил парень.

- Я тебя хочу спросить, почему ты здесь? Ты все-таки разыскал ее? Как я этого боялась.

Снова мистика или реальность.

Но нет, конечно. Он приехал на машине, и мать увидела его машину, когда возвращалась домой.

Но как она могла понять, у кого в огромном доме он находится? Вот в чем вопрос.

- Мне хотелось верить, что ты пошел в любую другую квартиру в этом проклятом доме, - в ярости говорила она, - но я убедилась в обратном.

Он попытался оттеснить ее в коридор и увести, но она не уходила, и Лера остановила его.

- Не надо, Эльдар, проходите, - глухо произнесла она.

Женщина стояла в прихожей, плотнее прижимаясь к стене спиной, и странно смотрела на нее.

Не в силах этого выдержать, парень взял сигареты и вышел на лестничную площадку.

- Ты увела моего мужа, он никогда не был моим, хотя я родила ему трех сыновей, ты и сына моего забрать хочешь.

Она не спрашивала, она была уверена в том, что это так и есть.

И столько гнева и боли было в ее глазах, что же ей на это ответить. Отрицать все – глупо, она не поверит, подтвердить, не правда. Да и зачем причинять еще большую боль этой красивой женщине. Все эти годы она была его женой, хорошей женой, и подарила трех сыновей...

Но могла ли подумать Лера когда-то о том, что ей будет судьбой уготовлено два таких свидания?

Хотя ей, вероятно, надо пережить и это.

- Я просто любила его всю жизнь и люблю, - только и смогла сказать она.

А что тут еще такого придумать, почему она должна оправдываться.

- А сыну вашему ничего не грозит. Хотя мне приятно его видеть, но не больше того.

- Тебе приятно его видеть, а о мальчике ты подумала, он всегда во всем хотел быть похожим на своего отца. Он все время упрекал меня за то, что я

любила его недостаточно, но как я могла его любить, если мне там просто не было места.

На пороге стоял Эльдар:

- Мама, нам уже пора, эта женщина ни в чем не виновата.

- Она виновата во всем, - очень тихо произнесла Гульнара.

Вероятно, и мать и сын были оба правы, или правда где-то посередине между двумя их утверждениями?

Она поднялась и все-таки бросила в ответ:

- Он погиб из-за тебя, и я пришла, чтобы сказать тебе это. Но я не отдам тебе сына, и не надейся.

-Мама, меня никто никуда не собирается забирать, с чего ты взяла, - тихо говорил он, когда они спускались по лестнице вниз.

Дверь гулко хлопнула.

Лера закрыла глаза.

Дивная музыка звучала где-то рядом. Английская учительница, оказавшись в чужом мире, танцевала свой прощальный танец с королем Сиама, мальчик смотрел на них, и ему хотелось быть на месте отца. Он знал, что пройдет много лет, и они встретятся в старом кафе, и он пригласит ее на танец, который видел в детстве, а может только во сне.

No No No No No No No

И снова старое кафе, только на этот раз столик был заказан заранее.

Лера согласилась туда прийти, как она могла ему отказать?

Олег сидел за роялем, музыканты уже считали его своим.

Юноша пригласил ее на вальс. Как же он классно танцевал. Да, конечно, ему во всем хотелось быть похожим на отца.

- На той поляне была перевернутая лодка, мужчина и женщина, сгоравшие от страсти и такой солнечный день, - шепнул он, склонившись к ней.- А с неба в воду упала птица, совсем рядом, сорока, она была ранена, и ее пришлось забрать с собой.

-Откуда тебе это известно?

- Не знаю, сегодня мне снился сон.

Музыка окутывала их туманом.

Они не видели женщину, нерешительно застывшую в дверях старого кафе.

Разбуди меня на рассвете,

Я запуталась в мире снов,

Пусть подхватит холодный ветер

Этот мир так легок и нов.

Только в мороке старых истин,
Все душа томилась, ждала
Не хватило мне слов и писем,
Я тобой так долго жила.

И зачем пространство пустое,
И деревьев голых возня,
Это осень стала весной,
А весна не мила для меня,

Сны печальный, порой ужасны
Только знаю, что это сны,
Разбуди меня, будет праздник,
Нашей встречи, любви весны.

Почему-то пустое место
Не заполнить тобой опять,
Горько плачет твоя невеста,
Ей женой не хочется стать.

Я ее теперь понимаю,
Как тогда не могла понять,
Гулкий голос: - Я улетаю,
Проводи же в небо меня..

ЦВЕТОК ЗЛА

Они мчались по проспекту в тот момент, когда Анна получили СМСку. Ее любимый художник, давно ставший знаменитым, просил заскочить к нему.

Он никогда не тревожил ее напрасно, они были в двух шагах от мастерской, и Анна уговорила мужа и брата заехать за ней через часок на обратном пути. Им пришлось согласиться, легче отпустить ее, чем объяснять, почему ты не хочешь этого делать, тем более, если речь шла об этом художнике.

- Она летит к нему на крыльях, - проворчал Сергей, но он не ревновал, как можно ревновать к такому типу?

№ № № № № № № № №

Этот цветок был великолепен.

На полотне любимого художника он благоухал. И сам художник, огромный, ироничный и словоохотливый гений, смотрел на нее, не скрывая своего восхищения, и внимательно следил за ней.

Он знал, что Аннушка долгие годы восхищалась его полотнами, и не просто восхищалась, она так тонко и точно оценивала то, что он делал, что он просто не мог отпустить ее от себя.

Вот и нынче, что это было? Почему она так долго и заморожено смотрела на этот рисунок.

Этот цветок ему приснился. Он пробудился после веселой пирушки, сначала даже не понимая, что заставило его не только подняться, но и тянуться за кистями и красками, и рисовать почти во сне и бреду.

А потом Олег понял, что он рисовал свой сон, который забудется, как и многое из того, что он посмел забыть, раздарить друзьям, когда они страдали от тоски, и никогда ничего не просил взамен.

Но на этот раз он чувствовал, что должен запечатлеть иллюзию сна, вопреки всему, даже если умрет через минуту от усталости или истощения чувств и сил. Впрочем, последнее ему вряд ли грозило.

Вот и тут, он пригласил ее, а разыскал именно потому, что смотрел на полотно утром, и сам никак не мог понять, что сотворил, почему в незамысловатом рисунке была такая сила и такая власть над реальностью. Это непонятно даже для самого творца.

Он с самого начала для себя решил, что никому цветок не покажет, может быть только самым близким, тем, кто и на самом деле все понимает, очень хорошо его знает и ценит.

Анюта, появившаяся в мастерской первой, удивила его. Она слишком долго смотрела на рисунок, и казалась грустной и задумчивой, при ее-то веселом нраве и желании говорить с ним часами.

Олег боялся ее о чем-то спрашивать. Ожидание длилось. Она молчала. Наконец она повернулась и показалась ему такой же бледной, как и цветок на полотне.

- И что же ты скажешь, моя дорогая.

Он обнял ее и ждал, теперь они смотрели в одну сторону, на цветок, на иллюзию, на странный сон.

- Я не знаю, - призналась она, - он меня пугает, я вижу, как бы это точнее сказать, иное пространство и время. У тебя никогда не было такого грустного творения - поляна, веселая девушка, отделившись от своих подруг, сейчас сорвет его и ...

- И ты подумала про Аида и Персефону, - обреченно спросил он, и незаметно повернул ее от рисунка в другую сторону.

Его поразила ее догадка, хотя она прекрасно знала мифы и любила творить иллюзии, но на этот раз было что-то совсем иное, странное, невероятное.

Он долго смотрел в ее глаза, надеясь отыскать в глубине темных зрачков ответ на свой вопрос.

Персефона наклонилась перед цветком, заморозившим ее, и сорвала его. И в то же самое мгновение, рассекая воздух, черные кони появились перед ней, и грозный мрачный незнакомец пронесся мимо и подхватил девушку на руки. Чувство полета, еще мгновение и она оказалась во тьме, в его объятиях, и не могла больше вырваться из мрака. Она помнила о том, что ничего нельзя есть в подземном мире и все-таки прикоснулась к гранату и проглотила одно его зернышко, так участь ее была решена.

№№№№№№№№№№

Участь ее была решена.

Анна и художник еще смотрели друг на друга, каждый на свой лад повторял старую легенду, из которой вырвался в сон, а потом и на полотно ее любимого художника цветок зла.

В тот момент и затрещонил ее сотовый. Она вздрогнула и взяла в руки трубку.

Одно слово «Авария!» отпечаталось в СМС-ке, а потом брат рассказывал, что на перекрестке в них врезался КАМАЗ, ее муж мертв, остальные в больнице.

Это случилось через пять минут на повороте, после того, когда они высадили ее около мастерской художника.

Прежде, чем она рванулась туда, в жестокий мир людей, Аннушка еще раз взглянула на удивительный рисунок.

Она не знала, что думать, пока она вообще не могла ни о чем думать, но каким же таинственным и странным он казался этот цветок зла, цветок смерти.

Художник остался в мастерской, она не позволила ему довести ее на своей машине до больницы.

Он стоял и смотрел, как она убегала, и надеялся, что все скверное уже случилось, ей больше ничего не грозит.

- Случайность это или я спас ее, она была в той самой машине, и если бы я не позвал ее...

Но лучше не думать о любимых людях и о том, что могло с ними быть в сослагательном наклонении. Он точно усвоил это теперь.

Бледный цветок, который сорвала Персефона, и погрузилась во тьму, оставался на его полотке, он не посмел спрятать его, и все время оглядывался на цветок зла, который той странной ночью после веселой пирушки ему приснился и оказался на полотне.

Спасите наши души. Последнее свидание в Старом Кафе

Ванечке с любовью

Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.
В. Высоцкий

Горячая точка. Закат. Сообщение о захваченном в доме, в котором старики и дети. И те, кто меньше всего думал о стариках и детях, у них были какие-то свои высшие соображения о мести, справедливости, власти, собственной персоне, обо всем, что позволяло им расправляться со стариками, детьми и всеми, кто стоял на пути.

Парни шагнули к этому дому, но отодвинув их, сам майор пошел первым.

Он всегда и везде был первым, да и как могло быть по-другому?

Тогда и раздались выстрелы, град пуль. Озверевший захватчик мазал, но половина все-таки попала в майора, ранило еще кого-то, его смертельно.

Но перед смертью он успел спросить, не пострадали ли заложники.

Заложники не пострадали, они молча стояли перед ним. Да и что тут можно было сказать.

Мне не стало хватать его только сейчас,

Когда он не вернулся из боя.

Да что там - не стало хватать – мир опустел. Но мы, как и спасенные им, продолжали жить в этом пустом мире.

№№№№№№№№№№

Наполним музыкой сердца....- пел ее любимый бард, может быть самую главную в ее жизни песню, когда самолет оторвался от земли, набрал высоту.

Алина словно бы вернулась в дни своей юности.

Наполним музыкой сердца...

А что еще им оставалось тогда, и музыка была прекрасная, и стихи проникновенные, но что и когда в их жизни пошло не так. Хотя в небе об этом лучше не думать, а думать надо о доме, о близких, о том, что любимо и дорого.

Двое мужчин – ее самых близких мужчин заключили пари о том, что в первый раз на дюжину лет в этот вечер 22 июня Алина не пойдет в Старое кафе.

Просто потому что она была в столице в это время, а там какие-то презентации, конференции и другие важнейшие дела.

- Думаешь, у нее есть более важные дела, чем майор и годовщина его гибели? – спрашивал Олег.

Андрей пожал плечами:

-Может, и нет, но твоя мать достаточно трезвомыслящий человек, чтобы из-за этого не бросать все. Ты же знаешь, как она боится летать на самолетах.

№№№№№№№№№№

- Мы на роли предателей, трусов, иуд,

В детских играх своих назначали врагов, - пел тот, кто перевернул все ее жизнь. Он всегда добавлял сил, даже когда они были на исходе, стоило только услышать голос, эти неповторимые интонации, мощь этих стихов, и усталость исчезала.

- Мы на роли героев вводили себя.

Алина посмотрела на землю - ее совсем не было видно, но тревога прошла. Он, как любимый мим из другого стихотворения, украл все печали и оставил себе

Слишком много он взвалил на плечи

Нашего, и сломана спина.

Но почему сегодня она все время переключалась на какие-то трагические и страшные строки.

Нет, надо что-то другое срочно вспомнить.

Внизу не встретишь, как не тянись,

За всю свою счастливую жизнь,

Десятой доли таких красот и чудес...

Но и эти строки куда-то в сторону ее уводили.

Алина закрыла глаза и заснула. Ей снился майор. Он упрекал ее за что-то. Он пытался ей что-то сказать или показать, но она не слышала, не видела того, на кого он указывал. Она смотрела по сторонам на шумной площади, менялись люди, но она не понимала, что он хочет.

В тревоге проснулась, вспомнив, что они все еще на страшной высоте остаются.

№№№№№№№№№№

Олег промолчал. Когда на его Сотовом загорелся дисплей, он повернул его к отцу.

- «Белый аист» за тобой, я не хочу чего-то более дорогого, этого достаточно.

Тот только пожал плечами. Они помчались в аэропорт. А ведь и сам Андрей чувствовал, что это может случиться, вот и машину он не поставил в гараж, хотя дел больше не было в этот вечер..

По дороге они молчали. Да и что говорить. Это был явно не их день. Интересно, как она смогла от всего там отвертеться, и купить билет на самолет, хотя последнее не так сложно нынче. И снова лететь сюда, для того, чтобы весь вечер просидеть в одиночестве в Старом кафе.

Не могло быть и речи о том, что с ней пойдет кто-то из них.

Они когда-то рвались составить компанию, объясняя, что при живом любящем муже и взрослом сыне просто неприлично оставаться одной в кафе.

Но все напрасно. Она ничего не хотела слушать.

А все потому, что когда-то в юности, однажды они столкнулись в том самом кафе, курсант милиции и вчерашняя школьница, отмечавшая там с подругами свое восемнадцатилетие.

Потом, когда она завалила экзамены на юридический из-за своей первой и неземной любви, она пошла работать в милицию, ни о чем другом отец и слушать не хотел.

Лейтенант оказался в соседнем кабинете. Так они и встретились во второй раз и проработали рядом дружно и весело несколько лет. Она довольно поздно пошла на филологический уже не желая становиться юристом, он стал командиром отряда особого назначения или быстрого реагирования, их по-разному в разное время называли.

Тяжело заболела любимая бабушка, тогда Алина уехала к ней, перевелась учиться в столицу да там и проводила большую часть времени. А майор все чаще был в горячих точках, он все время рвался туда.

Он оставался в своих командировках, пока в такой же вот летний день не привезли его тело в цинковом гробу.

Для него горячая точка оказалась и последним местом службы, он пошел первым в заминированный дом, где были старики и дети, и погиб там первым.

Остальные остались живы, все живы, майор успел об этом узнать, прежде, чем уйти в мир воинов и богов с вечными их праздниками и пирами.

Об этом рае для воинов у викингов, а он был из этой породы, редкой и прекрасной, постоянно ему говорила Алина, и сетовала на то, что из-за этого им в вечности не быть вместе – это страшнее, чем разлучиться на земле.

Впрочем, тогда она была уже замужем, и у нее был сын, которого она назвала его именем.

№№№№№№№№№№

Алина обняла Олега, прильнула к мужу, пытаясь понять, что же его так волнует сейчас.

- Не говори, что вы меня не ждали, даже не подозревали, что я могу заявиться, - предупредила она.

Но настрой было грустным и у нее и у мужчин. Она рвалась не к ним, когда боролась с обстоятельствами и страхами.

Они не спрашивали, она ничего не сказала, когда накинула бирюзовый костюм, поправила косметику и улизнула из дома.

Что тут говорить.

В Старом кафе на набережной звучала дивная музыка.

Кафе казалось самым маленьким и незаметным среди современной помпезности кабаков, выросших повсюду, как грибы после дождя. Но та публика была так пуста и чванлива, она дико устала от них в столице, и

радовалась, что здесь только видит их через стекло и даже голоса не слышит. Сюда бы они и по приговору суда не заглянули, вот и славно.

Столик у стены. Она договорилась еще в самолете с администратором, что его в этот вечер не станут занимать.

Теперь он был свободен.

Алина улыбнулась, когда вспомнила, как сын намекнул, что очень хочет посидеть с ней в старом кафе.

- Сейчас дамам моего возраста модно быть с молодыми парнями, представляешь, что желтая пресса написала бы в столице, но даже ради такого случая, ради пиара не могу и не хочу. В другой раз обязательно, или тебя интересует только этот день и старое кафе? А с матушкой в свой клуб слабо пойти?

- Да не слабо, - как - то не очень внятно заявил Олег. Но она невольно рассмеялась, представив себя там с ними со всеми. Какая пропасть все-таки пролегла. Хотя ведь и они тоже наполняли музыкой сердца....

Алина рассмеялась, в первый раз за этот день. В первый и последний. Она и на самом деле очень боялась перелетов, три часа пытки в воздухе, при ее перепадах давления. Но когда и что могло ее остановить, если очень хотелось или было необходимо.

Но на этот раз Алина чувствовала и еще что-то, связанное не только с майором, будущее в прошедшем, эта фраза еще в столице не давала ей покоя.

Хотя в старом кафе все было как обычно – этот уголок из ее прошлого никак не вписывался в ту столичную реальность, из которой она выпала несколько часов назад.

Алина подумала о том, что Олег, вероятно, где-то поблизости ждет ее, и даже пожалела, что не позвала его с собой. Но нет, она не могла нарушить традиции.

И вдруг, словно в ответ на ее мысли кто-то плюхнулся рядом на немного оставленный стул.

Вероятно, ее возмущению не было предела, парень-администратор направился к ним, помня, что она просила его, чтобы никто не садился, даже если не будет мест.

Но когда она взглянула на парня, то так и осталась с открытым ртом. Говорил администратор, то ли извиняясь, то ли объясняя ей что-то. Но она жестом попросила его не волноваться.

- Вит, что ты тут делаешь?- спросила она наконец.

Он не слышал ее, не реагировал на собственное имя, словно бы он был глух, хотя глухой человек смотрит на губы, и пытается понять, что вы ему

говорите. Конечно, если он вменяем, если не ушел в свои мысли, а то и иллюзии.

Эти широко открытые глаза, все еще красивые и совершенно пустые, взгляд выше головы. Для него мира этого не существовало, его не было тут, только, как же он дошел до кафе и до столика. Упал, как снег на голову, так говорят о подобном явлении. Только упал, кажется в прямом, а не переносном смысле.

Она не боялась, что он станет разговаривать, как пьяный Мармеладов в кабаке и расскажет ей всю свою историю. Нет, скорее всего, он не скажет ни слова, но как он дошел до такого состояния? Красавец в белой одежде, на которой никогда не было ни пятнышка.

Впрочем, к одежде и нынче трудно придраться, а все остальное.

Если бы она не была с ним знакома несколько лет, то наверное, ничего бы и не поняла. Но они давно общались, сталкивались, с ним дружила дочь ее подруги, и подруга возмущалась страшно. Тогда собственно она и решила с ним поговорить, случайно столкнувшись на набережной. Он был совсем один в тот вечер, хотя такое при его общительности и круге знакомых даже трудно представить.

Он на самом деле оказался немного замкнутым и одиноким. Хотя был обычным парнем двадцати с небольшим лет, почти ровесник - ее сына.

А вот сейчас ей показалось, что майор где-то выхватил и толкнул его сюда. Не об этом ли он просил ее накануне в странном сне?

Но сил у Вита хватило только на то, чтобы добраться до стула.

Он не слышал даже музыку, хотя у него был абсолютный слух, он смотрел куда-то, и казалось, что на противоположной стене показывали самый захватывающий фильм.

Но там ничего не было, только в его воображении, вероятно, что-то происходило, иллюзии не отпускали ни на минуту.

Когда он немного очнулся, то пристально посмотрел на нее, словно пытался понять и вспомнить, где они встречались. Но память не выдавала ему никакой информации. И все-таки он сказал что-то медленно, словно вспоминая перевод иностранных слов. Так она говорила даже не на английском и польском, а на испанском, который почти не знала.

Алина слышала, что они разбежались с Оксаной, но чего не случается у молодых, только теперь поняла, почему это случилось. И он остался совсем один.

№№№№№№№№

Вечер оборвался на этот раз неожиданно. Алина успела подумать, что майор защитил стариков и детей, а она нет, и, кажется теперь уже поздно.

Если он не скулил, не ныл,
Если хмур был и зол, но шел,
А когда ты упал со скал

Он стонал, но держал, - предательски звучала песня, от которой рядом с парнем в первый раз ей стало неудобно.

И самый уж горький вопрос из другой песни:

Ты бы пошел с ним в разведку,
Нет или да?

Но вопрос не к Виту, а к ней самой относился в первую очередь. И ответ не был утешительным, увы..

Она вспомнила, в свое оправдание, как в прошлый раз Вит говорил:

- У каждого своя жизнь, оставьте нас в покое. Это вас не касается.

И она подчинилась без всяких слов. Хотя глупо было бы вмешиваться дальше, но кто-то ей хотел показать, что из этого вышло.

И на самом деле, не было никакой явной опасности, никто не минировал, ни стрелял, не захватывал заложников? Тогда она была уверена в этом, теперь начала сомневаться.

Он все-таки вышел вместе с ней из кафе. Шел словно пьяный, но никаким вином, водкой, пивом от него не пахло вовсе.

Олег сразу же шагнул к ним. Он видел, как Вит заходил в кафе и не сомневался, что теперь и она его увидит таким.

Несколько раз, сталкиваясь внезапно то в одном клубе, то в другом, приходилось ему дотаскивать парня до дома. Кто-то стал спрашивать, не принимает ли он дозу и сам. Но может быть, радуясь тому, что с ним такого не может быть, Олег упорно доставлял его в дом на набережной.

Вот и на этот раз, они прошли пешком до того самого дома. Олег попросил мать подождать его на лавочке и поднялся вместе с ним на пятый этаж.

- Ты оставил его одного? - спросила Алина, растерянно. Она никак не могла понять, что же делать.

- Ему давно никто не нужен, никто и ничто, не грузись, мам, поезд ушел.

- Да я никогда не грузилась особенно, знаешь. Может и хорошо, что майор не дожид до этих дней? Он так переживал за них за всех.

- У каждого своя жизнь. Его никто не заставлял это делать. Он видел тех, кто были до него. Они Кастанеды начитались, решили, что магами станут,

летать начнут, а летят в сторону кладбища быстрее всех. Их больше нет, хотя они не дотянули и до тридцати, он всегда оставался с ними, а не с нами. Но он не ребенок, не глупый пацан – это стиль жизни...

Она слушала сына, радовалась тому, что он говорил, а не тупо молчал, был рядом. Но глаза того другого., пустые и безучастные, забудутся ли они когда-то?

Мы всегда были так сентиментальны порой, наполняли музыкой сердца, рыдали о прошлом, а когда настоящее отстранилось и уходило в другое измерение, - это вроде нас не касается.

Я пою – и значит , я люблю,

Я люблю, и значит – я живу...

Олег прав, с ним теперь уже поздно что-то делать, но немного раньше, когда он только решил уйти в иллюзии, ведь можно было вырвать его оттуда или это сразу было не реально?

№№№№№№№№

Спасите наши души, мы стонем от удушья,

Спасите наши души, придите к нам...

Наш стон все глуше, глуше...

Алина шагнула на набережную, когда раздался страшный грохот, визг старушек, какие-то истошные крики, лай собаки, переходящий в вой. Тишина нарушилась мгновенно.

Олег резко затормозил на машине своей, но Алина бросилась от него в другую сторону.

Еще до того, когда она это увидела, она поняла, что он шагнул из окна пятого этажа, не понимая, что творит. Решил, что сможет полететь или просто разом захотел избавиться от иллюзий?

Олег сначала не понял, почему она туда, к дому побежала. Но по суете старух и крикам догадался, что там что-то такое произошло.

Окно его комнаты было открыто.

Он видел, когда привел его, что там никого не было. Комната была пуста.

Резко зазвонил телефон. Отец спрашивал, где они так долго гуляют.

- Она прилетела, чтобы увидеть это? – говорил по телефону отцу Олег, - черт знает, что творится.

Скорая помощь уехала почти сразу, спасти было некого.

Но почему? Что такое творится в мире иллюзий, и в реальности, которая и ей порой казалась иллюзией.

Лунный свет упал на тело парня, до которого она так и не смогла докричаться.

Машина за ним приехала довольно быстро.

Они молча отправились домой. В первый раз за все время ее мирный город, утопавший в тополином пухе, показался ей горячей точкой, хотя их и грабили, никого не брали в заложники, никому не угрожали. Она просто провела июньский вечер в старом кафе и возвращалась домой.

Будет в старом кафе снова музыка дивная таять,
Это строчки стихов нам напомнят сомненья и чувства.
И какие-то пары кружатся, над прозой взлетая,
Эта юность и радость уже в этот мир не отпустят.

Будет в старом кафе эта женщина плакать устало,
А веселый майор опоздает на целую жизнь.
Он лежит в Кандагаре, но ждать ли его перестала,
Снова танго стихает, и радостный вальс нас кружит.

И сюда заглянул на минутку отчаянный парень.
Усмехнулся, кому-то махнул и растаял во мгле,
Снова в старом кафе и себе и тебе благодарен-
Тот угрюмый чиновник коньяк проглотил в тишине.

Было все, только было ли, это мужчине не ясно,
И забытая юность несется в объятья, шутя,
Звездопад за окном, понимаем –реальность прекрасна.
За окном тишина, только плачет во мраке дитя.

Этой музыки бред и речей и страстей переливы,
Этот свет или мрак, нам сегодня с тобой все равно.
И какой-то юнец, то угрюмый, то снова счастливый,
Затерялся в тиши, пьет, забывшись во мраке, вино.

Ну а нам танцевать надоест в этот вечер едва ли.
Мы беспечно легки, словно не было прожитых лет,
И в объятиях музыки снова про все забывали,
Задыхаясь от счастья, как бабочки, снова на свет

Мы порхали, смеясь, и любили и песни и грезы,
Хриплый голос певицы, дыхание осени вновь.
И мой спутник сегодня печальный и слишком серьезный...
Нас окутала нежностью эта беспечная ночь.

Р.С. Строчки любимых песен принадлежат перу В. Высоцкого, Ю. Визбора

СНЕЖНАЯ РОЗА МЕДВЕЖОНКА ОСТАПА

Осенние сказки. Светлой памяти Алеши Черепанова

Та осень выдалась теплой.

Тихо и ясно было в заповедном лесу.

Даже когда в середине октября духи стали собираться в Пекло, еще светило ласковое солнышко. Можно было погреться и покружиться вместе с паучками, упорно плетущими свои паутинки.

Это была первая осень в жизни медвежонка Остапа, родившегося прошлой зимой, уже пережившего и половину зимы, и весну и жаркое веселое лето. Вот теперь он с волнением встречал золотистую осень.

Берегиня Анфиса очень не хотела расставаться с медвежонком Остапом и решила что-то оставить ему на память о себе и о теплых деньках.

А что можно было подарить медвежонку? Конечно, самый красивый цветок.

Анфиса поколдовала немножко. И на лесной поляне, в самом ее центре, перед озером, где любили беседовать в летние лунные ночь Леший с Водяным, появилась красавица роза.

Она была такой бардовой, бархатной и красивой, что глаз не оторвать. Сама Берегиня невольно залюбовалась своим творением, вороненок чуть с ветки не свалился, так на розу засмотрелся.

Первым из лесных духов розу заметил черт Стас – он вообще был поэтом и романтиком, а тут такая красавица роза, да поздней осенью.

Черт долго тер глаза кулаками, решив, что роза ему приснилась.

Но она гордо сияла перед Поэтом, слегка раскинув своим нежные лепестки.

Сверху удивленно свистнул Соловей Разбойник, без него ничего в лесу не обходилось. Но черт его тут же остановил:

- Чего рассвистелся, ты мне тут розу убьешь, она такая нежная и хрупкая.

- Да ты не черт, а какой-то хлюпик, везде тебе розы мерещатся, да еще в такую пору, поэт одним словом, - стал надсмехаться над ним Разбойник.

Соловей спрятался в кроне дуба и со своей ветки пока еще не мог видеть розы, и решил, что черт просто фантазирует, а может, простудился, заболел и бредит.

Но когда появилась Анфиса вместе с ведьмой Ажбетой, и направились к ним, он понял, что роза может и быть на самом деле, уж если они тут оказались, то заколдовать могут не только цветок, пусть и самый красивый, а что угодно, ведь они настоящие чародейки.

Соловей спрыгнул на землю, подошел к черту и тоже стал разглядывать великолепный цветок.

- Наверное, он и правда очень красивый, - услышала эта парочка голос Ажбеты, - раз не только Стас, но и Соловей присмирел и цветок разглядывает.

А потом Ажбета увидела розу, отодвинув Соловья в сторону, он что-то заворчал про себя, - она готова была подпрыгнуть от радости – таких цветков здесь в лесу Ажбета никогда не видела.

Но даже когда она говорила, лепестки розы так дрожали, так что попрыгать, поднимая ветер, а то и бурю, ведьма не решилась, не могла же она в один миг погубить такое чудо.

Ведьма стала просить берегиню, чтобы та научила ее творить такие цветки.

- Вот на следующее лето и займемся, а сейчас не время. Просто этот один родился для медвежонка, чтобы ему не было так тоскливо без нас в зимние холода.

Сначала ведьма обрадовалась, но скоро слезы появились у нее на глазах.

- Но ведь Остап очень огорчится, когда его цветок от холода погибнет, роза уже сейчас дрожит, а разве переживет она такие лютые морозы, которые тут зимой бывают?

- Но это случится не нынче, а пока он успеет полюбоваться своей розой и запомнит ее такой.

Берегиня не сказала им о маленькой тайне своей розы, пусть это будет ее сюрпризом, и для Ажбеты и для медвежонка Остапа.

Роза только казалась нежной и хрупкой, на самом деле она была очень стойким и сильным цветком, и еще неизвестно, на что такой цветок

окажется способным, хотя зимы и на самом деле были лютыми. Иногда, когда Кащей разбушует, птицы замерзают на лету и падают заледеневшие в снег.

Так ведь это птицы, а не чародейский цветок.

Хотя с Кащеем и морозами, которые он с собой приносит, не поспоришь, но еще неизвестно, кто и кого одолеет в эту зиму.

№№№№№№№№№№

Медвежонок Остап появился чуть позднее, черт Стас сбегал за ним, ему очень хотелось, чтобы медведь скорее увидел подарок Анфисы. Можно было представить, как Остап обрадуется.

Соловей был прав в одном, Стас был совсем необычным чертом, ему очень нравилось смотреть на то, как радуются другие, и он готов был защищать тех, кого обижали – не черт, а поэт одним словом.

Но даже он не мог представить себе радости медвежонка. Еще бы – у него появилась своя роза – живая и такая красивая.

Только Соловей не мог ни кинуть ложку дегтя в бочку с медом, такая у него была сложная и противоречивая натура.

- Ты не радуйся особенно, - говорил задумчиво Соловей, - не так долго ею любоваться придется. Вот заявится Кащей, а я уже слышал, как его волк – буран выл, и ничего от твоей розы не останется, с Кащеем шутки плохи и не таких он губил, глазом не моргнув.

- Это мы еще посмотрим, - заявил медвежонок.

Он готов был со всем миром за свою розу сражаться.

- Смотри, не смотри, а уж если медведь - буран ему подчинился, и как собачонка у него на поводке ходит, то ты и твоя роза перед ним бессильны.

И сколько не останавливала ведьма Ажбета Соловья, он не унимался:

- А я что не правду говорю, это вы медведя утешаете да обманываете, никто ему правды кроме меня и не скажет, пусть он знает, что может случиться. Лучше моя горькая правда, чем ваша сладкая ложь.

До самого вечера медвежонок оставался около своей розы, он аккуратно подрезал всю траву, заставил чертей принести самый красивый мох и укутал им всю землю рядом с розой, да и все вокруг нее было особенное, уютное, ухоженное.

Роза только поворачивала свой бутон и гордо смотрела вокруг.

Наверное, никто не решился бы причинить ей никакого вреда, видя, как медвежонок старается все для нее сделать.

Если только Змей Горыныч захочет их навестить, да неудачно на цветок приземлится. Но на этот случай на ветке соседнего дерева всегда оставался

ворон, и он бы предупредил Змея, что сюда ему отпускаться запрещено. Змей добрый, он капризничать не станет.

Медвежонок все для своей розы предусмотрел, только вот с Кашеем трудно было договориться.

А вьюга уже завывала где-то в Пекле, готовая вырваться наружу и заморозить весь мир.

Медвежонок с тревогой смотрел в ту сторону, откуда раздавался жуткий вой. Он думал, думал, но ничего не мог придумать для того, чтобы спасти свою розу.

Ежик в то время уже мирно спал в своей норе и видел красивые разноцветные сны. И только Остап не смыкал глаз. Как он мог бросить свою розу совсем без защиты. Он устал немного, но хлопоты были приятные.

- Не бойся, я тебя не оставлю, мы будем вместе, - уговаривал он розу.

Но она ничего и не боялась, хотя кокетливо усмехалась и притворно дрожала от холода. Ей нравилось то, что медвежонок так о ней заботится, да и кому не понравится ласка и забота.

№№№№№№№№№№

И вот наступил тот день, когда Кашей порвал цепи и вырвался из Пекла на землю. И таким холодом дохнул он в ярости на заповедный лес, что все голые ветки деревьев и еловые лапы покрылись белым инеем, задрожали от холода, протяжно и жалобно завывали волки, переключаясь друг с другом.

Медвежонок бросился к своей розе.

Только Кашей опередил его, он уже бежал по той поляне, где росла роза к избушке Яги.

Так повелось с самого начала творения, что навещал он сначала свою любимую тетюшку, а уж потом отправлялся в чистом поле погулять, да на весь остальной мир взглянуть.

И уже белым бело было там, где проходил Кашей, но что за черт - на поляне около озера что-то алело. Как когда-то черт Стас, Кашей не поверил своим глазам, осторожно приблизился к цветку. Он был подслеповат и не особенно хорошо видел, особенно то, что было рядом с ним. Кашей мог бы и наступить на розу, но пронзительно закричал ворон – наверное, охранник, и он не стал этого делать.

Ссориться с Ягой и котом Баюном в самом начале зимы Кашею не хотелось.

Но он смотрел на розу с разных сторон, то так наклонив голову, то этак, но она даже и не дрогнула перед ним.

В тот момент медвежонок прибежал по снегу к своему цветку и закрыл розу от грозного старика.

- Ты чего, медведь, совсем страх потерял? - спрашивал Кащей.

Он видел, что Медведь Буран подчиняется и верно ему служит, а этот был какой - то мелкий, но такой наглый.

- Отойди от моей розы, не дыши на нее, - топнул лапой медвежонок, он и правда, ничего не боялся.

- Так она еще и твоя, - задумчиво говорил Кащей, соображая хорошо ли это или плохо, то, что розу не Яге, а медведю подарили.

Но он догадался, что это все равно может неприятностей прибавить, Яга наверняка будет защищать медвежонка, если Кащей что-то натворит, и все шишки на его голову посыплются.

Кстати, одна уже упала, как только он об этом подумал. Это ворон, чтобы помочь медведю и отогнать Кащея от розы кинул ближайшую из шишек на елке, и она полетела в макушку Кащея.

Тот почесал скрюченными пальцами ушибленное место, махнул рукой, и решил, что сначала надо Ягу навестить, а потом уже с этой розой разбираться, там он и решит, морозить ее или не морозить.

У старика было много времени в запасе, все он успеет сделать, а Яга может и обидеться, из-за того, что он с каким-то медведем и розой возится, а про нее и думать не думает.

Так Остап и ворон пока защитили розу. Но медвежонок понимал, что Кащей вернется назад. Простит ли он им такой отпор? Старик злопамятен и грозен порой так, что весь мир ледяным становится, а как он спасет хрупкий цветок?

Остап нашел шишку, которой ворон пульнул в старика, покрутил ее в лапах и сказал ему:

- Ты осторожнее с Кащеем, он злой и память у него хорошая, заморозит.

- Это мы еще посмотрим, кто и кого, - гордо отвечал ворон.

Он не первую зиму с Кащеем проводит, знает, что тот плохо видит. Для него все вороны черны и одинаковы, он если и захочет, то не отыщет своего обидчика.

- Нас много, - говорил ворон, - это роза у тебя одна - единственная, она всегда на виду, ее так легко в белом поле отыскать.

Ворон был прав, медвежонок всегда гордился тем, что роза была только одна, а сейчас очень об этом пожалел. Если бы роз, как и воронов оказалось много, то Кащей мог и не найти его розу, она бы сохранилась, а так уж точно он с ней расправится.

Роза слышала мысли медвежонка, и такая обида в ней вспыхнула, что она только еще выше подняла свой бутон.

Тогда медвежонок и заметил, что на лепестках ее появились темные пятнышки и белый иней.

Он своим дыханием растопил снег, который успел подарить его розе коварный Кащей. И она стала прежней - словно бы никакого мороза и не было вокруг. Только потемнела немного, но жила и боролась отважно.

№№№№№№№№№№

Яга встретила своего старого друга не особенно радостно. Она все видела и все знала, а потому и спросила удивленно:

- И чего ты к медведю пристаешь, делать больше нечего?

- А чего он с тем цветком возится, мне угрожать вздумал, маленький, а какой противный зверь у вас тут завелся.

- А тебе цветка не хватает. Весь мир захватил, а цветок у тебя на дороге стоит не обойти, не объехать? – упрекала Кащей Яга.

- Могу, конечно, обойти, - ворчал Кащей, только непорядок это, когда роза на снегу остается, нечего ей делать в моем мире.

- Помещала, значит, - отозвался кот Баюн, - да ты совсем черствый сделался, если маленькая роза у тебя как кость в горле.

Если упреки от Яги Кащей еще и мог вытерпеть, то наглость кота, хоть и ученого – да ни за что на свете.

- А ты чего там мяукаешь, Рыжий, смотри у меня, а то быстро снова в сугроб превратишься.

Кот думал, что Кащей забыл о том, как в прошлую зиму его помощник Зюзя, - этот злой старикашка обратил его в снежного кота. И если бы не храбрый черт Стас, с которым мы уже познакомились с вами в начала, то трудно даже представить, что было бы с бедным котом, сколько бы ему под снегом томиться пришлось.

Но Кащей уже решил сменить гнев на милость, - медведь, кот и Яга – это уже могучая сила, если они объединятся, то забот у него прибавится.

- Да чего раскудахтались, не нужен мне ваш медведь и цветок не нужен, я вам своего медведя да еще волка в придачу подарить могу.

- Раздарился, - усмехнулась Яга, - а сам совсем один остаться готов?

- И останусь, что мне привыкать что ли? – храбрился Кащей.

Но было видно, что одному Кащею оставаться совсем не хочется, это он так только просто сказал, чтобы поворчать и позлить их немного.

№№№№№№№№№№

Зима в том году была не такая лютая как обычно. Это заметили все, кто оставался в заповедном лесу и всем остальном мире.

Кащей старался обходить заповедный лес стороной – зачем ему было собирать неприятности на свою голову. Роза почти не замерзла, потому что Медвежонок Остап все время согревал ее своим теплом и никогда не забывал навестить и посмотреть, как она себя чувствует.

Только в самом конце зимы, когда Ярила проснулся и уже собирался возвращаться, Кащей вспомнил о розе и медвежонке, и снова заглянул в заповедный лес.

- Хотя бы она не замерзла, - подумал он, - а то от Яги вместо горячего блина с медом подучишь тумака хорошего.

Кащей проголодался, и очень он любил блины, которыми всех своих гостей Яги потчевала.

На то место, где наткнулся он на розу, Старик смотрел с опаской. Но она по-прежнему гордо стояла среди снега, только потемнела немного, больше не казалась такой алой, но ведь это уже не так страшно, главное, что цела и невредима.

Медвежонок сидел рядом (птицы его предупредили о приближении Кащей) и готов был прикрыть цветок своей теплой шкурой.

Усмехнулся Кащей, да и прошел их стороной.

А когда он совсем исчез, то появилась Жива – светлая и прекрасная богиня Весны и Жизни.

- Я слышала о твоей розе, - говорила она, - пришла на нее полюбоваться.

Она подхватила медвежонка, видя, что он сильно озяб, и они с Остапом стали кружиться в танце.

Как же весело было вокруг, вороны слетелись, чтобы на них посмотреть, волки со всех сторон сбежались, и роза гордо красовалась в самом центре поляны.

Даже кот Баюн по сугробам к ним добрался, хотя чуть не утонул в одном из них. Но так ему хотелось взглянуть на богиню и медвежонка, что жизнью он готов был рискнуть, а дома не усидел.

Потом Яга говорила, что это был последний день зимы.

- Мы победили, - радостно шептал Остап. - Наша роза выстояла, нам больше ничего не страшно.

№№№№№№№№№№

Ярила – бог весны и страсти, еще с небес видел этот снежный цветок, который не тронул даже Кащей. А когда спустился на землю, он сразу же к нему отправился – надо было взглянуть на него.

Роза была прекрасна.

Только Ярила решил, что он всю поляну такими цветами украсит. Ведь и медвежонок хотел, чтобы цветов было много.

Когда медвежонок как обычно пошел к своей розе, то растерялся даже, сколько же там было цветов.

Потом он возмутился, только на первый взгляд это было красиво, а ему хотелось добраться как всегда до своей розы.

Хорошо, что она оказалась с самого краю, и не нужно было топтать другие цветки.

Он легко дошел до нее, и удивился. Рядом со свежими, благоухающими цветами Ярилы, она казалась немного уставшей, не такой яркой. И что удивительного, те цветы только народились, а она зиму перезимовала. Но для медвежонка Остапа его снежная роза была одной-единственной, никакой другой розы ему не было нужно.

Напрасно старались обратить на себя внимания юные красавицы, он смотрел только на свою розу и шел к ней.

Ярила немного обиделся на медведя. Какой он странный, ведь бог страсти подарил ему самые красивые цветы, почему же он даже спасибо не сказал, не оценил его подарок, а все к той невзрачной и старой розе рвется?

- Что же такое особенное есть в твоей розе, чего нет в моих, - обиженно спросил юный красавец.

- Они прекрасны, - говорил Остап, - кто же спорит, - но с этой розой мы столько всего пережили вместе, она выстояла, от нее даже Кащей отступился. Черт Стас говорит, что вместе мы пуд соли съели, вот и вся разница. Твоими розами пусть любят берегини, а у меня есть моя – единственная.

- Ну может ты и прав, только ты все-таки странный какой-то, - не унимался Ярила.

Но он постарался забыть про упрямого медвежонка, Берегини окружили его со всех сторон и благодарили за чудесные цветы.

Тогда Ярила и подумал, что если бы не медвежонок, он бы не догадался сделать им такой подарок. Наверное, медведь все-таки прав, надо быть добрее и внимательнее и к этому миру и ко всем его обитателям.

А с небес уже летела пленительная музыка. Это к ним спускался бог любви Лель, и всем стало понятно, что весна в разгаре, надо жить, любить и радоваться жизни.

Только дивную сказку о снежной розе кот Баюн рассказывал даже в летнюю жару. Под музыку Леля она звучала особенно красиво.

Так и до нас дошла

Снежная роза. Красавица и чудовище

Она цвела упорно до мороза,
Страх потеряв, чего еще бояться?
Прекрасная, изысканная роза,
Морозу продолжала улыбаться.

Когда Кащей пронесся над полями,
От древней дикой лютости зверя,
Над белыми, холодными снегами,
Вдруг роза заалела, для Кащея.

Сначала он виденью не поверил,
Умерил пыл, спустился к ней поближе,
И боль, и ярость вдруг в душе Кащея
Обнажена: - Люблю и ненавижу...

Коснулись пальцы скрюченные розы,
Глаза его бесцветные слезились,
И тихо побелела от мороза,
И лепестки от холода скрутились.

- Вот так весь мир, - хрипел Кащей устало,-
Меня завидев, умирал внезапно.
Но роза и жила и трепетала
В каком - то сне и пламенном азарте.

Чудовище становится добрее,
И схлынули ужасные морозы,
Когда в тумане, где поля белеют,
Вдруг поступает пламенная роза.

Зачем она опять пылать готова?
Чтоб усмирить жестокого Кащея?
Но ондохнет, и заморозит снова.
И все-таки она в снегах алеет.

И мечется опять в бескрайнем поле
Старик усталый, ветер обгоняя.
Что стало с ним? Тоска, найти он хочет,
Цветок прекрасный, пусть тот засияет.

Прекрасная, изысканная роза,
Кащею продолжала улыбаться,
Она цвела спокойно и в морозы,
Она умела с холодом сражаться...

ЖЕНЩИНА РУССКОГО АДМИРАЛА

Алел закат, ветер распахнул плохо прикрытое окно.

Алина невольно подпрыгнула на широкой постели. Замерла на миг. Огромное алое солнце выплывало из тумана.

Какая красотища, только и тревога витала где-то рядом.

Почти мгновенно алое солнце начало желтеть. Если бы она пробудилась чуть позднее, то не увидела бы всей этой красоты.

Но что это? Знак или случайность? Кто мог ее разбудить в пустой квартире? А потом она вспомнила сон. Странный и удивительный сон. Она стояла на берегу моря, и прямо на нее двигался огромный корабль. Страшный корабль-призрак. Она читала о таких в старых мифах.

Он врезался в песок и замер перед ней. Ей показалось, что кто-то зовет ее туда. Но в тот момент она и проснулась, чтобы увидеть алое солнце и встретить новый день.

Ей показалось, что должно произойти нечто необычное после такого сна и такого рассвета. Но день был обычным - суматоха, звонки, рукописи, экран монитора.

Она даже забыла врубить свет, когда стало темнеть, и все сидела перед экраном монитора, читала и читала то, что было написано.

- А не прогуляться ли нам, - услышала Алина хриловатый голос за спиной. Это могло удивить и испугать любую, но она решила, что ей и на самом деле надо отправиться на прогулку.

Сборы были недолги. Хлопнула входная дверь, и она вырвалась из квартиры на простор.

Лунная соната звучала из какого-то окна. Какие чистые и печальные звуки музыки.... Как все-таки прекрасен этот странный мир.

Любинский был залит разноцветными огнями. Она порадовалась тому, что так долго тут не была и двинулась дальше к берегу реки, к причалу. Уж если гулять, то по набережной.

- Вот и я о том же, - услышала она уже знакомый голос, - если ты заметила, сегодня день исполнения желаний.

- Самых, самых? – поинтересовалась Алина.

- Любых, - выпалил ее таинственный спутник.

Она успела только подумать о том, чего бы хотела, и уже услышала:

- Ничего невозможно нет, здесь не Питер конечно, и век не тот. но если уж я обещал, то исполню.

Тогда Алина поняла, что он читает ее мысли, или делает вид, что умеет это делать. Ну что же, если ей не надо долго объяснять, в чем состоит ее желание – это даже лучше. Вдруг не сбудется, тогда и жалеть нечего, его вроде бы и не было.

- Сбудется, сбудется, - подтвердил Тарас, - так она его назвала, сама не зная почему, может быть, он мысленно подсказал ей это имя. Удивляться ничему особенно не приходилось.

Они, не сговариваясь, поднялись по высокой лестнице, как еще могло такое желание исполниться, и оказались в полумраке знаменитого ресторана.

Сколько раз днем она проходила мимо этой лестницы и даже не представляла себе, что вот так неожиданно может там оказаться. Зачем? Что там можно было делать? Но жизнь удивительна и непредсказуема.

Нет, в заведениях попроще она бывала, конечно, в молодости, да и позднее, но этот выстроен был не для среднего класса. Да и бывали там, по ее разумению, существа из иного мира. Они никогда не передвигались по проспекту, не могли просто встретиться на шумной улице. Они откуда-то неожиданно появлялись и в назначенный час растворялись в пустоте. Они не были ей особенно интересны, и это надо было признать.

№№№№№№№№№№

Огромный многоцветный зал проглотил бы без труда и более опытного посетителя.

Алина растерялась.. Это было таким чужим и шумным местом, что лучше отстраниться и обойти стороной. Но если ты тут оказался, то надо хоть что-то делать и куда-то двигаться?

Ее спутник чувствовал себя здесь как дома. Как ни странно она в первый раз смогла разглядеть его лысую голову, каким бы он еще мог быть интересно, пытливые, темные глаза, дорогой костюм. Но что самое удивительное, и ее джинсы и свитер исчезли, она была в каком-то замысловатом наряде. Фея исполнила ее первое желание. Да так незаметно, что можно было диву даваться, но она не успела. Снова его голос. Он помнил пока, что она не умела читать его мысли, ей нужно было обо всем говорить вслух.

-Прощу, пани, здесь шумновато, и поэту не особенно понравится, хотя он привычен к подобным заведениям. И все-таки тогда масштабы были поскромнее.

Тарас подтвердил, что он знает точно, о каком желании идет речь.

Ничего не оставалось, как только двинуться туда, к столику у стены, на который он указывал небрежным жестом.

Представив себе, сколько здесь все может стоить, Алина решила, что она ничего не станет заказывать и есть. Ведь они здесь не для того.

Она не видела усмешки Тараса, он на шаг отстал от нее, и улыбался, когда понял, о чем она думает.

Как странно устроен мир, когда сбывается самое заветное желание, человек думает о такой мелочи, как деньги. Вот и всегда так.

Конечно, ради исполнения желания она готова была на многое, но что-то совсем уж необычное приходилось переживать.

Невольно Алина взглянула в зеркало, решила, что она там не отразится вовсе. Но нет, все нормально, бледная, как призрак, немного заторможенная, загруженная, как говорил ее молодой друг, но на себя похожа вполне.

Она не успела и рта открыть и посмотреть не сидевшего как-то сбоку Тараса, надо же знать, с кем ты сюда явилась, как перед ней опустился бокал с черной розой. « Я прислал тебе черную розу в бокале золотого как небо Аи»- готова была прочитать она, но снова не успела. Она в последнее время как-то медленно думала, или все просто происходило слишком быстро?

Было отчего вздрогнуть.

-И этот влюблен, - прошептал Тарас, что еще интересно он мог сказать? Но у него это лучше получалось, он все успевал вовремя.

№№№№№№№№

Расстрел был на берегу реки. Во мраке они двигались медленно, запинаясь, страшно ругались матом. Адмирал шел молча и прямо. Он не слышал этих пьяных, перепуганных героев. Их и палачами - то не назовешь,

так себе, тупые безграмотные мальчишки, дорвавшиеся до власти. Но эти лоб расшибут, а в живых его не оставят, хотя наверняка они даже стрелять не умеют.

Нет, он слышал шум моря, хотя перед ними была только река, да и то ее не было видно, но море, могучее, бескрайнее, должно было вырвать его и забрать навсегда.

Не может же он умереть просто так, дожидаясь, пока этот, с дрожащими руками не промажет, наконец, убьет его. Что за бред и пошлость. Такое не могло присниться в самом дурном сне. Но вот кажется, становилось реальностью. Нет, не может быть.

Они суетились, перепирались, готовы были подраться. И это его последние минуты жизни?

Время остановилось. И вдруг страшный рев какого-то громадного чудовища остановил и оглушил всех, и горе-палачей, и видевшего виды адмирала. Но что это могло быть. Как вообще можно что-то разглядеть.

Почему замертво падали на песок эти людишки?

Какие-то невиданные руки подхватили его и подбросили вверх.

Наверное, сны о корабле призраке снились всем капитанам во все времена во всех странах. Какого-то они вот так же забирали навсегда, в последний миг вырвав из мира людей.

Адмирал ничего не боялся, ему нечего было терять, потому он улыбнулся, когда оказался на палубе этого жуткого корабля, впрочем, этого в тот час он еще не мог увидеть – было слишком темно.

А когда увидел, они были уже далеко от того проклятого берега, где должен был состояться его расстрел. Непонятно только жив он или мертв. Только какая теперь разница? Расстрел отменили по независящим от живых причинам.

Адмирал оставался в своей стихии, никаких красных, никаких пыток, никакой войны - море, корабль, наводящий ужас на всех, матросы - тени и бесконечность вселенной.

№№№№№№№№

Черная роза была так близко. Она казалась такой страшной и таинственной. Хотя может ли быть цветок страшным? Алина пыталась понять это. Но человек в каком-то старинном костюме уже садился напротив нее за столик.

-Меня все еще хотят видеть и слышать? – очень тихо спросил он.

- Да вот и угораздило так прославиться, что и через сто лет все такой же фанатизм, - заявил Тарас.

Он только потом понял, что последнее слово вряд ли понятно поэту. Но объяснять не стал. Они уже смотрели друг на друга, и пытались о чем-то говорить.

Хотя сделать это было вовсе не так просто. Его отвлеченные и странные фразы тонули в шуме, в который провалилось и сознание Алины. Она не особенно понимала, о чем должна говорить, но главное, она никак не могла понять то, что говорит он, терялась, не зная, что и как ответить.

Если бы она о чем-то еще смогла подумать, то поняла бы, что нужно бояться своих желаний, ведь они могут исполниться, даже самые фантастические.

Только какое-то странное ощущение тяжести и неловкости. А ведь она верила, что беседовать может с любимым.

И словно бы за какой-то помощью потянулась она к Тарасу. Но тот сделал вид, что не собирается подслушивать их беседу, и рассматривал какую-то даму перед окном.

На самом деле до той странной дамы ему не было дела, он видел совсем другое, и надо сказать, что приближавшаяся опасность испугала даже его. Хорошо, что все остальные о ней еще и не подозревали.

№№№№№№№№

Когда Адмирал перестал радоваться спасению и понял, насколько он устал скитаться по морям, преследуя живых людей, он решил узнать, есть ли выход из этой безвыходной ситуации.

Ведь выход всегда должен быть. Тогда он узнал от своего капитана, что по старинному обычаю, те, кто хочет приобщиться к миру живых, такое редко, но случается, они могут спуститься на берег, и попытаться найти невинную и прекрасную девушку, которая полюбит их, и тогда, эта любовь и спасает несчастного скитальца. Ему не нужно будет возвращаться на свой проклятый корабль.

В тот самый день, а это вообще был день исполнения желаний, и истек срок, и мог адмирал спуститься на берег, чтобы встретить девушку и остаться.

Желание это было так велико, что всем сердцем он рвался туда, считал часы и минуты до того момента, когда можно ступить на землю и наконец вернуться к людям.

Огромное здание ресторана, в граде, где он когда - то бывал, поразило его своими размерами и пышностью. Но оно было рядом, и он направился туда, не особенно раздумывая. Он точно знал, где может найти свое освобождение.

№№№№№№№№

Откуда возникла уверенность, что любимую он может встретить там, Адмирал не ведал, просто пошел и все.

Остановился в центре зала, огляделся вокруг. Конечно, это был другой мир, но разве люди особенно изменились? Да нет, они были прежними.

- Анна, - вырвалось у него, когда он подошел к столику у стены, и та, сидевшая напротив сначала подняла глаза, а потом поднялась и сама к нему навстречу.

Ее глаза становились все больше и печальнее. Двое мужчин, бывших вместе с ней, один из которых Незнакомцу кому-то напоминал, словно был из его, а не из этого времени, затерялись в тумане.

- Анна, - повторял он, - я пришел к тебе, ты можешь спасти меня от страшного плена, я устал скитаться, - очень тихо говорил он.

Его могла слышать только она и тот, кто умел читать мысли. Но что Тарасу было слушать, он обо всем знал заранее, ему интересно было другое, поэта или адмирала выберет Алина

Девушка оторопела еще больше. Она понимала и знала, кто перед ней стоит, у нее кружилась голова оттого, что он узнал в ней свою возлюбленную. История этой любви была уникальная, о ней писали книги и ставили фильмы. Но могла ли она его обмануть и выдать себя за другую.

Она повернулась на миг к Тарасу. И произошло то же самое, что и в подземном мире у Аида, когда Орфей бросился туда за своей возлюбленной – как только он оглянулся, Эвридика исчезла.

Как только она посмотрела на Тараса, Адмирал исчез, словно минуту назад он не стоял рядом с ней, не называл ее Анной, так тихо, ласково и нежно.

Она поднялась и пошла из зала, забыв о поэте, о Тарасе, обо всем, что было в этом мире.

Она поспешно спустилась вниз по высоким ступенькам и вышла на набережную, в надежде, что еще успеет догнать его, в последний миг заскочить на уходящий корабль.

Но там больше никого не было. Только вдали покачивался черный, словно провал в пустоту парусник, увозивший ее адмирала.

Тарас снова встал рядом на причале.

- Не переживай, у тебя много дел, надо роман дописать, твой парень скучает, а это все только иллюзии и призраки.

Алина молчала. Ослепительно алое солнце опускалось в мутную воду.

Ослепительно алое солнце опускалось в мутную воду.

КОРАБЛЬ –ПРИЗРАК ДЛЯ ЛУННОГО АНГЕЛА

Явился ангел - лунный мальчик,
Такой прозрачный и красивый,
-Прости, не мог с тобой иначе,
Но ты хотела быть счастливой.

Луна медленно плыла над головой.
- Где я?- удивленно спросила Алина.

Ее звездный плащ переливался в лунном свете, а тело казалось таким стройным и юным, словно и ей досталась баночка с мазью от Азazelло.

Нет, она определенно ей досталась. Какое же сладостное ощущение юности, силы и неотразимой красоты. Она и забыла, как это бывает.

Ангел с внешностью ее любимого красавца-китайца, который был хорош и в роли короля Сиама, и в образе наемного убийцы, стоял перед нею и загадочно улыбался, так улыбаться мог только ангел.

Он приблизился, коснулся смуглой ладонью ее щеки. Она прильнула к ладони, но ничего не почувствовала. Совсем ничего.

На том (этом) свете нет никаких ощущений. Память мгновенно напомнила ей о самом главном.

- Конечно, он ангел, они бесплотны, они ничего не чувствуют, - пронеслось в голове Алины.

- Ответ не верный, - раздался рядом противный голос. Хотя ангел молчал, его прекрасные губы были плотно сжаты.

Зато он протянул ей руку, и она доверчиво вложила в нее ладошку.

Алина не умела ходить по воде, но это было не море, а небо.

Они рядом пошли по облакам к белой глыбе – небесному перекрестному камню.

У нее все еще был выбор? Она так и не успела выяснить на земле, есть ли выбор на том свете.

-Выбор есть всегда, - повторил тот же скрипучий голос.

Алина оглянулась, не сомневаясь в том, что никого там не увидит, только одна пустота зияла рядом.

Облако-камень и на самом деле был похож на глыбу мрамора, лежавшую около ее ног, она казалась твердой и устойчивой, другие облака оплывали ее со всех сторон.

Она склонилась, чтобы получше разглядеть то, что там было начертано.

- Налево пойдешь, прошлое вернешь, - прочитала Алина и замерла на месте.

И сразу материализовался Евгений – ее первый муж, любивший ее всегда, значительно сильнее, чем надо было. И уж точно сильнее, чем она его, но есть ли у нее время для того, чтобы размышлять о своем прошлом.

Конечно, кто же еще мог вернуть их общее прошлое. Да и она потом, когда они расстались, много раз убеждалась в том, что куда бы ни шла, с кем бы ни была, все дороги приводили назад, к нему. И он всегда откликался на зов, даже когда она его не звала, он все равно неизменно откликался. Спокойствию и выдержке этого парня можно было позавидовать, но она не смогла бы остаться с ним до конца даже земной жизни, уж не говоря о вечности. Не потому ли неизменно убегала от него, недолго размышляя, не оглядываясь.

Может быть, надо было оглянуться, чтобы потерять его навсегда.

Но она боялась превратиться в соляной столб, потому и не оглядывалась.

№№№№№№№№№№

- Направо пойдешь – настоящее встретишь, - между тем уже читала Алина.

Сергей, конечно, еще вчера на том свете, где бурлила жизнь (она уже запуталась, где был тот свет, а где не тот). Он был ее настоящим – этот богатырь спокойный и рассудительный. Они случайно столкнулись в каком-то учреждении, куда она ворвалась внезапно, а он там работал, вот и отправились они домой вместе.

Хотя попали совсем не домой, а в старое кафе, домой она попала в тот вечер в полночь, и только черный кот Бегемот презрительно фыркнул.

-Все мужики на одно лицо, а всем говоришь, что ты любишь высоких и худых, если этот худой, тогда какой же толстый.

Да так всегда получалось, она любила худых, а попадались богатыри.

Он был страстен и нежен, и уверен, что она если не единственная, то последняя его любовь...

Но это он так считал.

Ведь у каждой женщины есть прошлое, настоящее и вечное. И как редко все три составляющие совпадают.

У Алины не совпало ничего, и это были три мужчины, а не один.

К вопросу о вечном, как вы, наверное, уже догадались, третий вариант выбора был такой:

-Прямой пойдешь – вечную любовь найдешь.

Вот тебе и дороги, вот тебе и выбор, а где обычное, сказочное: коня потеряешь, кошелек потеряешь, жизнь потеряешь. А в итоге, куда бы ни пошел, все равно героем станешь.

Нет, сказки ей нравились значительно больше, чем этот странный сон с лунным ангелом.

Алина убедилась в том, что это было все-таки сон, странный, необычный, но сон, и когда она проснется (если проснется), там все будет так, как всегда.

Придет Сергей, позвонит Женя, а третий, вероятно, после этого сна и двадцатилетней разлуки он появится снова.

Ведь еще при первой встрече она сказала ему, что они созданы друг для друга, а он не поверил, а если поверил – испугался, ему хотелось стать академиком, а не любимым и любящим мужчиной. Потому он женился на той, которую любил меньше всех и был уверен, что расчет его правильный.

Алина не стала спорить, она просто подумала о том, что ни чужая женщина, ни звездная карьера не смогут разлучить влюбленных.

Но она его отпустила, не сомневаясь в том, что он вернется.

И накануне именно так все и случилось.

Снова заговор, теперь уже воплотившийся белый бесенок, совсем такой, как у нее в любимых сказках был.

- Ты столько раз мой портрет писала, ведь знала, что я тебе ту могу пригодиться, от твоего Лунного ангела не много толку, немой он, как и все его братья лунные, это мы должны были научиться с людьми разговаривать, а им этого не требовалось..

Чертенок поковырял немного копытом облако, проделав в нем приличную дыру, и продолжал:

-Те, кто нас гонят, отрешиваются, боятся, как огня, только с такими парнями(он кивнул на лунного ангела) тут и остаются. А им что в лоб, что по лбу все одно.

-Ты бы с ним осторожнее, он такой красивый и такой печальный, - заступилась за ангела Алина.

- Да он от меня и не такое слышал, - снова возник чертенок, - только никогда ничего не отвечал – нем, как рыба.

- А почему?

- А почему я знаю, века молчит, наверное, ему так положено. А тебе надо дорогу выбирать, заболтались мы с тобою, а Ангела баснями не кормят.

- А ты мне поможешь? - вкрадчиво спросила Алина.

- Не уполномочен, - торжественно и гордо заявил черт.

Алина приуныла, он помаялся немного и, решив сменить гнев на милость, прибавил:

- Ну, так, слегка. Но выбор ты все одно сделаешь сама, чтобы потом на чертей не пенять.

- Но подскажи, кого из них мне нужно выбрать, я никогда этого не решу.

- Да что тут сказать. Они все одинаково и хороши и плохи. Дама ты у нас свободная, но на этом свете, - он ткнул пальцем в облако, у каждой души должен быть верный и преданный спутник, бой-френд, любовник, как хочешь, так и называй. Мужья и жены тут ждут тех, с кем на земле обручились, тебе ждать особенно некого, потому и надо выбрать спутника для вечности раз и навсегда, и никаких отговорок больше не пройдет.

Алина оторопела, про вечность она как-то не задумывалась, все казалось игрой, сном, и хотя не хотелось просыпаться, но ведь рано или поздно это случится.

- Это что, за первого встречного меня отдаешь, - пыталась заморочить черту голову она, помня все сказки.

- Зачем же за первого, ты их там, - он указал пальцем на землю, уже встречала, сама выбирала на какой-то срок, так что не морочь мне голову, и на жалость не дави, не выйдет, голубушка. Одного из трех и выбирай, и весь сказ.

- А ты значит уклоняешься?

- А ключи от квартиры, где женихи ждут тебе не принести? – передразнил ее бес. Думай сама, я передохну, а то совсем с тобой замаялся.

Вот и помощничек. Белый улегся на облако и тал размахивать нагой с белым копытом, закинув одну ногу на другую.

Алина стала снова медленно и внимательно читать надписи.

Прошло еще какое-то время.

Евгений любил ее всегда – это ее не такое уж страшное прошлое, он был надежным и терпеливым, что для нее не мало важно.

Но дальше она подумать не успела, взглянув пристальнее на Лунного ангела:

- Эльдар! – только и прошептала она, и как только сразу не заметила этого, просто мысли о красавце китайце сбили ее с толку.

Но она гнала от себя эти коварные воспоминания.

- Настоящее,- метнулась Алина в другую сторону.

- Я тебя обожаю, - читала она СМС-ку от Сержа.

Сколько он тогда наделал шуму этими своими ухаживаниями и признаниями. Страсть, которой она никогда не боялась, он не успел разлюбить ее, и с ним тоже будет в вечности не так плохо, с ним невозможно поругаться, а это, наверное, самое главное.

Но червячок сомнения подсказывал, что она плохо его знала, и в вечности он может оказаться не таким прекрасным, а это все-таки вечность.

Хотя, Евгений она знала хорошо, и это тоже ее пугало. Нет, пожалуй, вечная любовь на то и вечная, чтобы оставаться с ней, забыв о том, что было в этой жизни на этот раз.

Высок, голубоглаз и белокур, творческий парень, с которым у них так много общего, что становится даже страшно. Она не настаивала тогда, потому что сама хотела развиваться, чего-то добиться, понимая, что он сотворит с ней, превратив всю ее жизнь в кладбище идей, но это там, а тут ведь все по-другому.

Черт из-под закрытых век внимательно следил за ней, не спускал закрытых глаз. Он немного злился, понимая, что не может проникнуть в ее мысли и понять, о чем она думает.

- Прошлое - настоящее - грядущее, - повторяла Алина.

Наверное, время истекло – три всадника - черный, красный и белый неслись к ней навстречу.

Она призналась себе, наконец, в том, что ей нужны были все три.

- Я никогда не оставлял тебя, - услышала она знакомый, родной голос черного.

- Я никогда тебя не оставлю, - говорил красный.

- Я бы не смог оставить тебя, если бы и захотел, - вторил им белый всадник.

Первая фраза немного смутила Алину, вторая немного испугала, третья - встревожила.

Это был последний миг перед выбором.

Все замерли, там, где они оставались. Она с какой - то невероятной решимостью метнулась к Ангелу.

Бросилась она к нему так резко и неловко, что ангел тут же рухнул на облако, где и стоял.

Алина сначала показалось, что она убила его.

Такой сон приснился ей недавно, она кого-то убила в своей квартире, а потом не знала куда бежать и что делать, и сжималась от ужаса.

На этот раз она не думала о побеге, потому что на небесах это было бесполезно.

Вот она и остановилась около прекрасного тела юноши.

Три всадника приближались к ней, словно женихи Пенелопы. Они требовали от нее решения.

Рядом с ней стоял черт. Она не видела его и даже не пыталась понять, что же он думает обо всем этом.

Алина все вспомнила в один миг.

Горящий ночной клуб, толпу, давку. Она была в центре этой толпы, задыхалась, кажется, уже и не дышала, и понимала, что никуда не сможет оттуда выбраться.

Майор милиции, как две капли воды похожий на короля Сиама подхватил ее, вырвал из толпы и понес над головой, как папа, когда-то в детстве любил носить на параде маленькую девочку, посадив ее себе на плечи.

Как это ему удалось, наверное, даже бес не смог бы понять, а она и подавно.

Он положил ее на какую-то лавку и бросился назад. Она же очнулась и дышала холодным ночным воздухом, и каким чистым, каким спасительным он ей казался в тот страшный миг.

Нет, она так и не могла поверить, что осталась жива в том кошмаре, где погибли сотни людей. Потом она искала его везде, но так и не нашла. Он не сумел уцелеть в этом аду, когда обвалилась крыша, и придавила всех, кто еще пытался спастись.

Тогда, узнав о гибели короля, Алина отказалась от своего прошлого и настоящего, резко раз и навсегда отказалась.

- Мне нужен он, тот, кто спас меня. Если нет его, то никакой другой не нужен.

Сейчас она просто повторила те слова.

Черт подошел к ним и заявил:

- Ну что же ты победил, безумный капитан.

- Кто? Как ты его назвал? - удивленно спросила Алина.

- Не мне рассказывать тебе историю о корабле-призраке, о безумном капитане, обреченном на скитания, потому что он нарушил все мыслимые и

немыслимые морские законы. В тот день он спустился за борт своего корабля, ступил на сушу в последний раз, чтобы найти невинную девушку, которая сможет спасти его, подарив ему свою первую и вечную любовь. История стара, как мир.

- И что дальше? - стала пытаться Алина беса.

- Дальше он увидел пожар, и вместо того, чтобы искать ту самую девицу, начал вас спасать, безумец, что с него возьмешь, я его предупреждал, что какие бы он подвиги не совершал, больше его не пустят на землю, участь его решена, но разве кто и когда меня слушался?

Тогда все мы вернулись на его корабль, не солоно хлебавши, и должны были там до конца оставаться.

- Но небеса, как он сюда попал?

- Да один лунный ангел, узнав эту странную историю, взял и поменялся с ними местами. Он теперь на том корабле и парится. Станный такой ангел оказался, все говорил, что никто его не любит, никому он тут не нужен, а капитан хороший парень и если не на земле, то на небесах он может встретить ту, которая его спасет и избавит от проклятия.

Алина удивленно смотрела на беса:

- Тогда камень, всадники зачем?

- Но как бы ты его узнала и спасла, ведь тебе надо было все вспомнить.

Прошлое, настоящее и будущее – это не так мало, на этот раз не там, так здесь ты его все-таки смогла спасти.

- На этот раз? – переспросила Алина, - а разве была попытка прежде?

Но в тот момент тело вздрогнуло, и ангел поднялся.

- Не всегда все сразу получается, но влюбленных невозможно разлучить, - только и произнес на прощание белый всадник, остальные промолчали.

Три всадника, каждый из которых был дорог Алине на земле, здесь оказались отвергнутыми.

Это стало для каждого из них страшным разочарованием. Кто же не считает себя единственным и неповторимым и достойным любви и счастья?

Но каковы женщины. Можно ли остаться в вечности с тем, кто однажды спас тебя, но был рядом только несколько мгновений, а свидания при луне, годы жизни, совместное творчество – все это отвергнуто в один миг?

В каждом из них в тот миг ожил Сальери. Они не могли понять и никогда не поймут вдохновенного Моцарта.

Но этого никто от них и не требует.

Они бы отпустили его без всякого сожаления, если бы вместе с ним не уходила их любимая женщина. Если бы она осталась с одним из них, то

остальным пришлось бы смириться, таков был договор между ними с самого начала. Но безумный капитал ворвался в их мир и перепутал все карты.

- Она вернется, - говорил черный.

- Она вернется не скоро, - возражал красный

- Она не вернется никогда, глухо произнес белый всадник.

Тьма упала на мир. Нет, это был не конец света. Просто на земле наступила обычная ночь - это была ночь страсти для влюбленных, и ночь , дарившая отдых всем остальным.

Всадники растаяли вдали

Явился ангел - лунный мальчик,

Такой прозрачный и красивый,

-Прости, не мог с тобой иначе,

Но ты хотела быть счастливой.

И я попробую исправить,

Тот мир, в котором ты жила.

Легко не будет, и лукавить

Не стану, как твори дела.

- Мои дела, да так, мой мальчик,

То густо, а то пусто вновь.

Там детство - разноцветный мячик,

А здесь уж умерла любовь.

-Она умрет теперь едва ли,-

Сказал он, крылья распрямив,

И мы пошли, и мы взлетали

Уже оставив этот мир.

-Пошли,- сказал он ночью лунной

У самой бездны на краю,-

Ты станешь радостной и юной.

- И жизнь я снова полюблю?

-Конечно, если три мужчины

Там попросили за тебя,

Какою стать должна ты сильной

Все страсти, муки все пройдя.

-Но кто они?- я вопрошала.

- Один – любовник вечный твой,

Второй – отец - начал начало,

А третий, впрочем, бог с тобой.

Я говорить не полномочен,

Его сама ты угадай.

Пошли, и этой звездной ночью

Ты им долги свои отдай.

И я пошла за ним спокойно,
Как будто на прогулку в лес.
И оглянувшись вдаль невольно
Я видела сверканье звезд.
Четыре прадеда смотрели
На нас с незримой высоты,
Была тогда я в самом деле
Юна, и нежность красоты

Он подарил мне на мгновенье
Конечно, радостный полет
Опять подарит вдохновенье
И мой любимый подает
Мне руку: - Как же ты прекрасна,
Хотя, наверно, как всегда,
Будь осторожна, здесь опасно.
- Но ты ведь был со мной всегда.
Теперь меня ты не оставишь.
- Не мне сегодня выбирать?
- Не любишь больше и лукавишь?
- Соперник есть и проиграть

Я чувствую, что мне придется,
- Ты лучше так не говори.
Он обнимает и смеется,
Мой мир вдруг страстью озарив.
А папа смотрит удивленно:
Конечно, он меня узнал,
Но в этой девочке влюбленной
Не видит он страстей оскал.

Такой меня любил когда-то
И к деду гордо приводил.
Спасибо, Ангел, я крылата
И мне лететь хватило сил.
Но там, за снежной пеленою,
Кто третий, я спросить хочу.
И снова в вечность дверь открою,
Стою пред ними и молчу.

Король Сиама, как знакомо
Красавца дерзкое лицо.

И в бездну грез уже влекома
Не вспомню больше ни за что,
Как тень незримая спасала
Меня из ада и огня,
Когда там пламя бушевало,
Ведь он же вытащил меня.

В тот день погиб в огне полковник -
Твердили новости с утра,
Но нет, я ничего не помню,
Что правда там, а что игра?
- Ты просто помнить не хотела,-
Мне папа строго говорит.
Холодный снег, лишенный тела
Его вовек не ощутит.

- Он спас меня, - я повторяю.
И проступает все ясней,
Та бездна света и печали.
И я прильну к нему скорей,
Так вот откуда память это,
И дюжина в подарок лет,
Мы говорили до рассвета,
Был ал и яростен рассвет.

Мой выбор сделан, ангел лунный,
Со мной прекрасный капитан,
И в этой страсти многострунной
Он так изверился, устал.
Мой выбор сделан, и спасая
Себя от скуки и тоски
Я слышал, как там звучали
Мои забытые стихи,

И где-то за чертой у края,
Тот Лунный ангел машет нам
- Почто меня мой друг оставил?
Корабль несется по волнам.
И где-то в мутном лунном свете
Легенды старые живут.
И нам их снова на рассвете
Все ангелы в тиши поют...

ЯЗЫЧНИЦА

Они случайно оказались в доме этой 100 летней старухи. Ехали в дальнюю деревню, чтобы подготовить материал о происшествии. Сергей не понимал только одного, почему вечно спокойная и невозмутимая Анна так волнуется. Сколько в их жизни было таких командировок в горячие точки местного масштаба. И вдруг, такие волнения, странно. Но в тот день было слишком много странного.

Шефа только происшествия и интересовали. И вдруг дом на окраине, другой мир, и дочка Ажбеты Карловны и сама давно старуха, показала ее паспорт, ей в этот день исполнилось ровно 100 лет. Но была она совершенно спокойна, и о прошлом помнила не меньше, а может и больше, чем 40 летняя Анна. Оператор торопился и странно нервничал, а она так хотела еще побыть здесь.

- Оставайтесь до вечера, придет Володя, и заберет вас, - говорила дочь, имени и отчества которой она так и не запомнила.

О том, что он точно придет, возвестил телефонный звонок по мобильнику. Как странно было его видеть здесь, в этой избушке. И Анна осталась.

Оператор Сергей посмотрел на нее, словно она обьяелась мухоморов, о которых они недавно говорили, и поспешно уехал. Он никак не мог и не собирался задерживаться, и без того, и мама, и жена и теща обрушатся с тех сторон и обвинят его черт знает в чем. Эти три грозные дамы уверены, что если он без них отправился куда-то пусть и с 40 летней вертихвосткой, то это может кончиться только одним единственным способом, машина съезжает с трассы, и пошло и поехало.

- Да и съезжать не надо, и останавливаться, - твердила теща.

Вероятно, она знала способ, как не съезжая с трассы и не останавливаясь, да еще за рулем оставаясь, проделать это. Но сколько он не пытал ее, своими секретами не делилась. Иногда ему хотелось, ворвавшись домой к этим трем женщинам, закричать:

- Я сделал это, то, чего вы так долго ждали, совершилось.

Но он останавливался все время, потому что представлял себе, а вернее, даже и представить не мог, что могло потом случиться.

Анна была свободным человеком, и ему даже показалось, что она хотела ему продемонстрировать, что такое свобода и непредсказуемость.

На самом деле ничего она ему демонстрировать не собиралась, хотя и считала его размазней, который не может быть хозяином в бабьем царстве, где рядом с ним все время мама, жена, теща.

Да ей хотя бы одну из трех рядом поселить. Но она тем от него и отличалась, что никого с собой рядом селить не хотела.

Но он торопился, и последнее, что видел, сочувствие на ее все еще красивом и спокойном лице. Вот и попробуй, угадай, кому повезло в этом мире.

На самом деле Анна очень часто видела эту деревню во сне, и не случайно, здесь была могила ее деда. Она не стала говорить о том Сергею, хотя и сама не знала почему. Боялась привести его на могилу, где все заросло и сравнялось с землей, так, что ничего не найти. Он умер через несколько лет после ее появления в мире, и последние три десятка лет она ни разу здесь не была. И когда ее оператор уехал, она объяснила все старухе и отправилась на кладбище, обещав скоро вернуться.

- Она и на самом деле его внучка?- спросила старуха у дочки своей, и ничего больше не сказала.

- А зачем такое придумывать?- ответила та, но сама дивилась тому, какие вещи происходят в день ее 100 летия. Она любила Николая и так и не могла его забыть, хотя не на что было ей рассчитывать вовсе. Да и он не помышлял изменять своей жене.

Анна оказалась на деревенском кладбище, и порадовалась тому, что здесь сложно заблудиться. Со дня смерти отца двадцать лет прошло и 38 со дня его смерти, и только теперь она оказалась здесь. Каково же было ее удивление, когда она не только могилу нашла, но та была такой ухоженной и такой уютной, словно они похоронили его год назад и все время сюда приходили и приезжали.

На кладбище она была одна. Потому можно было и не скрывать своих чувств.

Ей показалось, что он стоит рядом и улыбается. Анна разрыдалась. С фотографии, которую она никогда прежде не видела, и дома у них ее не было, смотрел на нее молодой ее дед. Он был ровесником ее - уж точно не старше.

Какой странной может быть такая встреча. И она не могла найти слов для того, чтобы объяснить, почему она так долго шла к нему.

Нет, она общалась с ним, уверенная, что без связи с душами предков они слишком слабы в этом мире - она оставалась язычницей, и только эту веру и признавала. Но разве не к курганам приходили язычники, чтобы убедиться в том, что мертвые видят живых, что могут с ними разговаривать, делиться каким-то важными воспоминаниями, советовать что-то. Они приглашали их на свои праздники, и всегда чувствовали их присутствие.

До заката провела она на кладбище, пока человек среднего роста в модном джинсовом костюме не появился на старом кладбище. Седые волосы, борода усы, ей показалось, что по аллее идет ее дед. Но не было жутко, в глубине души она хотела, чтобы это было так.

- Бабушка Ажбета волноваться начала, а меня зовут Володя, - говорил он.

Но когда она отвлеклась от своих мыслей, в которые погрузилась слишком глубоко, и наконец, посмотрела внимательнее на этого человека, она поняла, что они знакомы, вернее не то, чтобы были хорошо знакомы, но о нем снимали сюжет, потом она еще пару раз встречала его на каких-то мероприятиях. Он был классным музыкантом, и хорошим поэтом.

- Это вы? - удивленно спросил он первым.

- Это я, - отвечала Анна

И показалось ей, что они были знакомы всегда.

- Это Ваш дед?

- Да, это мой дед.

Но она испугалась расспросов почему-то, а он и не спрашивал.

- Моя бабушка любила его всю жизнь.

То же самое она могла сказать и о своей бабушке, которая умерла, когда она была уже взрослой и видела, как часто слезы появлялись на глазах, когда она его вспоминала.

Но как же все это странно. Она с музыкантом стояла здесь и говорила о любви, которая длилась при его жизни и много лет после смерти оставалась в сердцах двух женщин.

Лицо Анны окаменело, она подумала о том, что ее никто никогда так не любил и вероятно этого уже не будет.

Музыкант улыбался.

Она поспешила уйти от могилы. Молча шагала она рядом с ним, потому что почувствовала, что задерживает всех, и этого человека в том числе.

Он шел и улыбался, все еще не веря, что, вырвавшись к своим родственникам в такой знаменательный день, он встретит ее тут, в забытой богом деревне.

За столом шумели гости, вся деревня отмечала столетие бабушки Ажбеты, и они уселись среди всей этой шумной и веселящейся толпу.

Володя перепутал стаканы с припасенной газировкой (он был за рулем) и спокойно выпил самогон, еще не понимая до конца, что произошло. И заметил путаницу слишком поздно. Возможно это Анна, чтобы не пить самогон, что-то поменяла, но он с ужасом взглянул на нее после тоста. Она не сразу поняла, что так его испугало, а потом к собственному ужасу догадалась - они не смогут уехать этим вечером. Сначала она замерла, а потом решила, что гулять, так гулять. А кто сказал, что ее что-то там, в городе, интересное ждет, тем более что завтра выходной.

Это было настоящим безумием, но ей показалось, что старуха усмехнулась, глядя на нее с другой стороны стола.

Если бы кто-то из подруг рассказал ей, что такое может случиться, она никогда не поверила бы, и сказала, что все это фантазии, бредовые сны и иллюзии, в которых не может быть никакой логики. Но она даже не задумывалась о том, почему собственно в жизни должна была быть какая-то логика? Она просто перенеслась в другой мир, и судьбой управляют ее предки - это нормально, так и должно быть у людей, просто они больно далеко от этого ушли, но разве иногда не стоит вернуться назад.

Когда Анна поднялась из-за стола, Володя был рядом, он извинялся из-за того, что подвел ее.

- Вы можете искупить свою вину,- вдруг произнесла она, - если прогуляетесь со мной.

Он с радостью согласился. И пока еще не было особенно темно, они пошли в другой конец деревни на соседнюю улицу. Она и не думала, что вспомнит то место, где был дом деда, но нашла его сразу. И что самое удивительное, он был цел и невредим. Она сразу узнала его. Там жили другие люди, скорее всего дачники. Но женщина со дня рождения бабушки уже возвращалась сюда.

- Я слышала от бабки Ажбеты эту историю, - говорила она, - Вы хотите здесь остаться?

Она распахнула дверь.

- Я пойду к дочке, старуха просила меня позволить вам тут переночевать. Мы ни в чем не можем ей отказать.

Как удивительно все просто всегда было в наших деревнях. Но разве это не настоящее чудо - фантастика.

Хотела ли этого Анна. Сколько чувств в душе ее возникло, она даже порог переступить боялась, потому что знала, что Домовой там остался, и неизвестно как он воспримет ее вторжение.

- Но как?- спросила она улыбающуюся женщину

- Да там нечего воровать особенно, ведь вы ничего не украдете.

С этими словами и ушла, махнув им на прощание рукой.

Анна оглянулась на Володю, и хотела признаться, что очень боится, но еще больше хочет провести ночь в доме деда. Она была здесь и проводила много времени и после его смерти, пока бабушка не уехала к ним в город, а потом ни разу не появлялась, хотя этот дом так часто ей снился. И дед улыбался в ее снах.

Ее спутник уже о чем-то говорил с женщиной, а потом вернулся к ней.

И вдруг странная сила втокнула ее туда. Она вошла в сенцы, на кухню, и прошла по комнатам. Там стояли чужие вещи, но это был его дом. Почти ничего не изменилось. Может ли быть такое? Могла ли она тут прожить всю свою жизнь, и какой бы была эта жизнь? Странно даже представить себе.

Но когда Володя уселся рядом на скамейку около печке, ей на миг показалось, что она просто вернулась в свой мир, из которого ушла когда-то. Тогда казалось, что навсегда.

И вдруг она вспомнила тот сеновал, который строил ее отец. Она сама тем летом видела это удивительное строительство. Он один возводил его и так быстро, что все приходили смотреть, как же здорово это у него получалось.

И она захотела прикоснуться к тем бревнам. Они потемнели, но это была та постройка. И отец стоял и улыбался, каким же молодым и сильным он был тогда, а она такой счастливой и веселой. И сейчас там было сено. И запахи, самые удивительные в мире вспомнились сразу и заставили ее душу трепетать от восторга.

Силы оставили Анну, и вдруг, когда они вошли туда, и она просто рухнула на это сено, началась страшная гроза. Ливень был невероятный, хотя в крошечной тьме они не могли заметить ее приближения, просто звезды исчезли на бескрайнем небе, пока они из дома шли сюда. Но столько было потрясений, что и этого она не заметила.

Потоки воды шуршали по крыше и проникали в сарай. Но как же прекрасно, как невероятно все это было. Она вздрогнула, когда почувствовала его руки, его дыхание, его близость. Реальность ли все это было, или только самые невероятные фантазии. Ни о чем уже думать она не могла и не хотела. Она понимала, что второй такой ночи просто не может быть в ее жизни.

Мужчина был чужим, но лучшим в мире. Она с самого начала проявлявшая странное легкомыслие уже не могла остановиться.

Страсть оказалась сильнее всего, даже грозы, которая не утихала там за стенами, Молния осветила его лицо. Она с ужасом подумала о том, что это дом ее деда. И почему она была так грешна и так свободна именно здесь?

Она и на самом деле была свободна от любых обязательств, но он? Она не знала этого, и знать в тот миг не хотела.

Страсти, чувства, настроения на миг совпали. И они были счастливы.

Когда Музыкант вырвался из города и понимал, что он не сможет не поехать на день рождение своей бабушки, что бы ни случилось, и как бы он не был занят, он представить себе не мог, что такое может быть. Он редко там бывал, и никогда ни в какие похождения не пускался. Просто побыв недолго в родной деревне, и всегда имея при себе бесцветный газированный напиток, он был трезв, потому что сотню километров надо было вести машину. Даже если он и подвозил каких-то девиц, то и мысли не возникало ни о чем таком. Он беседовал, радовался тому, что можно поговорить о том, о сем, и вежливо прощался.

Когда старуха сказала ему, что у них гостя, внучка Николая, и отправила его на кладбище, и тогда он ни о чем не думал, девушку надо было проводить домой к ним, потому что жутковато на закате одной на кладбище оставаться. Но он не мог знать, что там не девушка, а та, с которой они были немного знакомы, журналистка. В городе судьба несколько раз случайно их сталкивало. Но с кем он только не сталкивался и не был знаком.

А потом, когда он это выяснил, он уже ничего не знал и ни в чем не был уверен. Но он подозревал, что в таких глухих деревнях, человек уже не принадлежит себе и ничем не может управлять. Там по-прежнему живут духи и души предков, жизнь течет по-другому. И прекрасные, неведомые боги, пробуждают невероятные желания и страсти.

Когда во мраке он обнимал это гибкое тело, и желание только нарастало, он прекрасно понимал, что в пределах бетонного города с ним такого просто не могло никогда случиться. А здесь было, и более того, он не только не чувствовал греха, и не считал себя в чем-то виноватым, а может быть впервые за многие годы был счастлив, совершенно счастлив.

Старуха, засыпая, спросила о внуке и о ней.

- Они пошли в тот дом, - ответила ее дочь

Она больше ничего не сказала. Но о чем она могла вспоминать и думать в те минуты.

- Горемычный, но у него будет хоть эта ночь.

Дочь не расслышала ее слов, уставшая, она уже давно спала. Сколько суеты было в этот день.

В этом доме однажды мы укрылись от мира,
Это был день влюбленных, и гроза бушевала,
Мне казалось тогда, что другого любила,
А с тобой я общаться любила сначала.
Только в день этот странный все стало иначе,
Откровенье стихов, и немая улыбка,
И мелодия дивная «Лунной сонаты»,
Все казалось, что это оплошность, ошибка.

В полумраке, в кольце этой музыки рядом
Мы стояли, и ждали чего-то напрасно.
Только пристальный взгляд, даже слов нам не надо,
И все было и ясно, и странно опасно.
Вдруг мне бес подсказал: « Он женатый мужчина».
- Ну, спасибо, мой друг, я об этом забыла,
Догорал день влюбленных, и дождик лавиной,
Этих рук колдовство и сближения сила.

Как я вырвалась вдруг и самой непонятно.
Но не стоит лукавить, все тогда и случилось.
И утихла гроза, мы вернулись обратно,
Ни о чем, не жалея, не надеясь на милость.

Анна пробудилась на рассвете. Он спал, обнимая ее. Как удивительно пахло сеном. И ей не хотелось шевелиться.

Еще немного, и они сядут в машину, и отправятся в город, и займутся делами. И все будет по-прежнему. Сергей потребует, чтобы она рассказала ему, все, что с ней случилось после того, как он уехал.

Все так и будет. Не надо быть ясновидящим, чтобы угадать это. Анна не была ясновидящей. Она не могла знать о том, что Сергей ее ни о чем уже не спросит. Потому что на той самой трассе случилась такая авария (он очень торопился к своим женщинам), что там никто бы не смог выжить.

И чудом оказалась даже не ночь страсти, хотя такой не было в ее жизни больше, а то, что ее дедушка сумел как-то удержать ее в своем мире, она знала, точно, что « наши мертвые нас не оставят в беде».

Но она только что проснулась в объятиях самого прекрасного в мире, хотя и чужого мужчины и пока еще ничего этого знать не могла.

ЖЕНЩИН ОБИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

Однажды в конце весны в огромном граде произошло странное событие.

Правда, для большинства граждан оно прошло незамеченным, но сотни курьеров разнесли по важным офисам заказные письма, на которых были указаны фамилии конкретных парней.

Сами по себе эти заказные письма были совершенно неожиданными и даже очень странными. Но совсем уж удились те серьезные парни, когда раскрыли конверты.

Некоторые из них проверили, нет ли там порошка какого или пакетика с наркотой, чтобы так глупо не вляпаться, не лишиться своего места заветного, за которое столько было заплачено и в прямом и в переносном смысле.

Но нет, ничего такого там не было. Лежал листок, на котором было напечатано только одно предложение:

ЖЕНЩИН ОБИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ.

Вот именно так, без знака препинания.

Ниже предлагалось поставить запятую, и кто-то намекал на то, что всем, поставившим запятую правильно, будет вручен билет в Сочи.

Ну что можно делать с такими посланиями, на письма счастья и обмана вечного смахивающими?

Да выбросить их в корзину и забыть.

Странно только, что они были заказными, а не обычным спамом, присланным по электронной почте. Кто-то за это платил, да еще и курьерам тоже. Но каких только чудаков нет в этом мире.

Чаще всего серьезные мужи их выбрасывали, но еще одна удивительная вещь происходила, помимо своей воли, прежде, чем бумажку странную выбросить, каждый из них все-таки запяточку ставил в нужном на его взгляд месте.

Так, даже сами не знали почему, бабах, и уже проверяя свою грамотность или еще что, они ее на определенное место и ставили, а потом выбрасывали бумажку с чистой совестью и забывали.

Когда некоторые из них с тем же посыльным получали в конвертах билеты на самолет в Сочи, настало время уже по-настоящему удивиться. И хотя они были людьми не бедными и сами могли бы себе такое позволить, но кто же откажется от бесплатного сыра, особенно если мышеловку не разглядеть пока. Да и кто о мышеловке думает, когда тебе что-то дарят. Дареному коню в зубы не смотрят. Только вот за что такие подарки не детишкам из детдома, а состоятельным парням? Если много думать, голова быстрее заболит.

Правда самые подозрительные из них проверяли те билеты, настоящие ли они, не фальшивка –шутка какого-нибудь обиженного программиста.

Когда убеждались, что не шутка, билеты подлинные, на их имя купленные в агентстве, решали, чем черт не шутит, и собирались в дорогу.

Правда, это был тот случай, когда послушного судьба ведет, а упрямого тащит, но тащить никого не пришлось. Эти парни оказались на диво послушными.

В день вылета чуть раньше или позднее они все собрались в аэропорту.

№№№№№№№№

И какой черт вам сказал, что после того, когда что-то не особенно хорошее совершил, то тебе той же монетой отплатят.

Чушь это все, вот хотя бы Геннадий Латунский отвоевал на своем редакторском посту со всеми графоманами, которых развелось море, а теперь в Сочи летит – отдохнуть.

Наградили его за тяжкий труд путевкой – творческим отпуском, надо же и свое гениально творение доработать, не все чужими заниматься.

А что это значит?

А значит, не зря трудился, раз наградили и оценили. Работа, конечно неблагодарная, страшная работа, но не в учителя же идти. Лучше графоманов читать, да свои оценки им раздавать. Дети они народ страшный, кнопок натолкают на каждом шагу, в туалете запрут, крысу дохлую притащат и тоже засунут на тот самый стул, если с размаху сел, то

ужас тихий потом. Нет, дети это не графоманы, с ними так просто не разделаться.

Правда, говорят, что женщин обижать не рекомендуется, но кто такую чушь вам поведал, если речь о творчестве идет. Да и вообще, они все вон то с веслом, то с серпом, то с молотом, только и остается уворачиваться.

А почему серпы и молоты и весла все исключительно ему достаются, этого Геннадий никак понять не мог. Не жаловали его женщины, но им же хуже, они не могут знать, что в его лице теряют.

Правда, не стоит жаловаться на судьбу, вот Сочи уже замаячил где-то на горизонте.

А там девицы серпы и молоты дома забыли, поэтессы скрывают свои таланты и рукописи тоже с собой не везут, можно и о другом подумать.

Хотя в пылу работы, когда стораешь на своем месте рабочем, как-то забывается вся премудрость камасутры. Она вообще кажется чем-то далеким и совершенно ненужным для дела, а то еще какую графоманку пропустишь ненароком, заглядевшись на ее большой объем не только рукописи. Нет, пусть этим султаны со своими Шехерезадами занимаются, хотя та тоже вроде его сказками своими умирjala. Сколько она их за тысячу ночей сочинила, бедный шах или кто он там был, слушать ему не переслушать эту графоманку.

Вот так, куда не помотришь, сплошь только одни литераторы и были и жили, и нечего больше делать – только сказки сочинять.

№№№№№№№№

Уже угнездившись в кресле самолета, Геннадий вспомнил про неприятную стычку с одной из самых злобных фурий.

И надо же, как тесен мир, угораздило ее в тот самый день, на том самом самолете лететь.

А тут она его и разглядела в очереди. Да и не заменить такого солидного парня трудно было.

Он отвернулся, хотя настроение испортилось, вдруг у нее и место рядом окажется, чем черт не шутит. Вот тебе и подарок.

Но печалился Гена напрасно, она своему молчаливому спутнику такую истерику закатила, ногами топала, кричала, что никуда не полетит если тут всякие Латунские рядом.

Парень ей объяснял, что он не проверял всего списка пассажиров, в голову ему такое не пришло даже.

В очереди уже оглядываться стали.

Но она решительной походкой к кассам направилась, чтобы билет сдать.

- Прости, дружище, - на ходу бросил парень, - я ее такой не видел.

- Так вот увидел, чего ты за ней плетешься, - начал заводиться Геннадий, ему хотелось и парню парочку дельных советов дать.

Но тот его особенно слушать не стал. Геннадий замолчал, немного опасался, что еще кто-то с ним лететь откажется.

Но нет, все на месте стояли.

Только сейчас он заметил, что в очереди были исключительно парни и мужчины, больше ни одной девицы и дамы.

Это показалось ему странным, но чего только на свете не бывает. А если такие дамы, как эта, так лучше пусть их вообще не будет, спокойнее лететь. Все бабы дуры, а на самолете и корабле они к беде.

Парни все были деловыми и серьезными, словно они не на отдых, а на съезд какой партии летели. Но это только на три часа или сколько там им в небесах висеть, а потом все будет замечательно.

Немного озадачило его то, что и бортпроводниками были молодые парни. Что за чертовщина такая, что у них там женщины перевелись что ли? Хотя по большому счету, какая разница, но хотелось бы взглянуть краем глаза на изгиб женской фигурки.

Да ладно, терпеть недолго осталось. А там будет столько этих изгибов – смотреть замучаешься.

№№№№№№№№№№

Тарас заглянул в салон самолета.

Все как обычно. Спокойно и тихо.

«Как хорошо без женщин одному, сидеть и пить крутой шотландский виски» - распевал он низким голосом и страшно фальшивил.

- Рад, доволен, - услышал он голос Захара.

- А на кой черт ты Алину подсунул в этот самолет, - сразу же набросился на товарища своего Тарас.

- Да так, шутка программиста, мы бы конечно с борта ее удалили, даже если бы она Латунского не заметила, нечего ей там делать.

- Шутки твои становятся идиотскими.

- Зато у тебя крутые шутки.

Теперь Захар выглянул в салон.

- Нормальные парни, спокойные, прикид у них классный. Я понимаю, что месье, закуска, которую в холодном виде подают, я понимаю, что за Алину свою ты любого на доскутки порвешь, но зачем так сурово?

- Да это еще мало. Каждый из них получил листовку, где предлагалось в предложении поставить запятую:

Женщин обижать нельзя любить, они сделали свой выбор и очень радовались, когда получили награду.

- Но это же очень жестоко, - не унимался Захар, кажется, ему по-настоящему было жаль этих бедняг, хотя Тарас не помнил, чтобы его друг когда-то и кого - то жалел.

- А экипаж, первый пилот, по-моему, славный парень.

- Славный, даже очень, только он больную жену один раз за полгода в больнице навестил, а остальное время развлекался.

- Он ей изменял?

- С женщинами он ей не изменял, - тяжело вздохнул Тарас.

Про остальных членов этого экипажа Захар спрашивать не стал, он уже и сам приблизительно знал ответы на свои вопросы.

- Ну что же тебе виднее, - он подхватил напитки и понес их по салону, пристально вглядываясь в лица своих пассажиров.

№№№№№№№№

Геннадий достал рукопись романа века, своего романа, конечно. Чужой он никогда бы так не назвал, да и кто мог сравниться с ним. Почему –то подумал о том, что рукописи не горят – странная ассоциация.

Полистал ее немного, убедился в том, что все еще лучше, чем ему казалось издавека, когда он вольно или невольно сравнивал свое и чужое.

Парень с напитком перед ним склонился, заглянул в текст.

- Рукопись придется спасти мне, хотя она и не стоит того, но такая не сгорит, - произнес он.

Мурашки побежали по спине писателя.

Но если проводник вам говорит такое, то, что же делать остается.

Не особенно приятно знать, что ты оказался на Летучем Голландце – Господи, откуда эти образы.

Конечно, это так его назвала та истеричка, которая отказалась с ними лететь, и у нее какой-то стих там был в стиле Гумилева « как смерть , бледны его товарищи, у всех одна и та же дума, так трупы смотрят на пожарища, невыразимо и угрюмо»

Помнится, он и тогда эти строки вспомнил и что-то ядовитое твердил ей о том, что женщине так писать нельзя, что место ее у плиты и коляски, а не литературой заниматься, и в таком же духе.

Странно, почему здесь, сейчас он думает обо всем этом, что за чертовщина такая.

А все этот сумасшедший парень, или совесть ему не дает покоя.

Но почему собственно его должна мучить совесть, если сражается он за литературу. Священная война с графоманами – даже его подружка верная сказала, что это цинично звучит, но зато точно.

И в этом самом месте самолет тряхануло так, что он едва не вывалился из кресла.

Потом еще и еще. Дальше - пустота.

№№№№№№№№№№

Говорят, что кто-то на морском берегу видел, как в море на приличном расстоянии валился самолет.

А какой-то сумасшедший утверждал, что два каких-то темных типа, отделившись от него, парили в воздухе без всяких парашютов.

Правда, они куда-то пропали, как только приземлились.

Но чего только люди не придумают, особенно, когда жара такая страшная.

Новости молчали, словно ничего такого не случилось . А может, и не было никакого самолета.

Только на пустынном берегу немного взъерошенные Захар с Тарасом раскидывали листы какой-то рукописи, кто дальше забросит.

- Такая точно не сгорит, но пусть они попробуют собрать и восстановить ее – не выйдет.

На последнем листе того гениального труда было только одно предложение.

ЖЕНЩИН ОБИЖАТЬ, НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ

Тарас повертел листок, показал его Захару и спросил:

- И ты хотел, чтобы после этого я оставил его в живых?

-Мало чего бы я хотел, когда это ты с другими считался? – задиристо спросил тот.

- Да ты не бес, а хуже человека уже стал, чистоплюй.

Он поднялся и пошел по берегу.

Захар бросился догонять своего боевого товарища.

А может он и прав? Кто его знает.

Нет, это жестоко, из-за одной запятой, которую не в том месте поставил, остается только **КАЗНИТЬ, НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.**

Жестоко, но в этом что-то есть определенно

Жестоко, но в этом что-то есть определенно

УБИВШИЙ ДРАКОНА

(МОЙ БЛОК)

Тайна поэта всегда непостижима. Говорят в детстве того, кого назовут скоро влюбленные женщины, а влюблены были все, кто видел и слышал его, и яростные мужчины, любившие этих женщин, влюбленных в него, они все так и назовут его Снежным королем.

Он часто вспоминал о том, что именно сказка о снежной королеве - повелительнице метелей, околдовала, заморозила в самом начале его душу.

Сон смешивался с реальностью, невозможно было разобрать, где то, а где другое, и только снежная королева неизменно врывается к нему в метельные Петербургские зимы, а летом и осенью, он томился и ждал ее прихода. Весна вообще казалась самым унылым и печальным временем для Поэта, потому что до свидания с ней была еще целая вечность.

А потом, когда он сложил слово «вечность» из льдинок, и готов был погибнуть в пору своей юности, в последний момент он вдруг опомнился, вырвался из ее объятий и убил в себе эту холодную, эту снежную страсть.

Ему удалось уничтожить своего дракона, обольстительного и великолепного, хотя он уже тогда прекрасно понимал, что убивший Дракона, сам становится Драконом.

Сознавать это было и жутко и весело, а если природа тебе подарила уникальную внешность самого прекрасного из принцев и великий поэтический дар, что же остается, как не расправить плечи и не стать первым.

И в такую же метельную зиму Снежный король стал первым поэтом. Это признали сразу и все. Глупо и бесполезно было спорить и профессорам - филологам, и юнцам, мнившим себя богами и гениями, они услышали его:

Дыша духами и туманами,
Она садилась у окна,

И пахли древними поверьями

Ее волнистые шелка

И отступились, и отступили. Они много кричали и много пили, а он видел в то самое время иные пространства и миры и смог передать их красоту и великолепие. Сначала они думали, что он человек, пока не разглядели не только божественное тело, но и божественную улыбку. Между ними появился Ангел, потому он и победил Дракона - Снежную королеву. Разве смертному это по силам?

Он не только видел иные миры, он научился показывать их в своих стихах, а еще там была музыка, не земная, не та, которая звучала в гостиной профессорского дома, и даже не гениальный Пианист, его отец, создавал и дарил ее - они почти не виделись и не общались и были странно далеки. Она приходила к нему и ко всем нам из тех миров, куда не дотянуться простому смертному.

Потому и любили женщины, и были заворожены, покорены и готовы идти на край света, только он не звал ни Анну, ни Наталью, ни Валентину. Он знал, что не смогут они одолеть земное притяжение, что гибель грозит им. Покорял пространства и миры поэт всегда в гордом одиночестве, и оказывался вдруг там, «где кажется земля звездой, землею кажется звезда». От такого полета в любой мир могло разорваться на мелкие кусочки сердце. А когда он появлялся среди них, такой отрешенный и далекий, они не могли отпустить его так просто, не замечали остальных. И отрицавший любую религию, он невольно возвращал их к язычеству, к тем колдунам и ворожеям, которые владели умами и душами людскими. Распятый и замученный Бог не мог быть для него той путеводной звездой, за которой он бы устремился, и в начале была Королева метелей, стихия страсти, а не покорности и слепой веры в то, что убогие и сирые достигнут блаженства. Он никогда не смел даже мечтать о том, чтобы стать немощным и убогим. И бунт, порожденный в душе Дракона, толкал к жуткой пропасти и его самого, и всех, кто видел и слышал его, и через много лет после его ухода, что уж говорить о том времени, когда он одиноко бродил по земле, укутанной метелями.

И тогда произошло невероятное, те из Прекрасных Дам, которые приблизились на страшно близкое расстояние, не желая оставаться идолами для поклонения, они постарались оживить его, привязать к себе, сделать мужем.

Романы рассыпались в прах, один за другим, все их усилия были напрасными, но они снова и снова брались за дело.

И Дракон какое-то время был рядом, казался послушным, а потом вырывался на свободу и поднимался высоко в небо.

Что же делать, если обманула,

Та мечта, как всякая мечта,-

Напишет он той, которую звали Любовью, и которую единственный раз он повел под венец и выделял среди остальных. Но кроме слов прощения ничего не осталось и для нее:

Милая, безбожная, пустая,

Незабвенная, прости меня.

Тот, кто в самом начале любил Снежную королеву, не сможет быть покорным мужем не для одной из женщин. Но они тоже считали себя королевами, играли королев, но никогда не были ими, потому оставались только засохшие розы и разочарования.

Побежденная королева отступила тогда, но она унесла с собой и его душу, хотя даже сам Дракон долго не знал, не чувствовал этого, и пытался доказать всему миру, что он такой же как им все, только пишет гениальные стихи. Всей трагедией своей дальнейшей жизни он доказал, что нельзя писать гениальные стихи, слышать музыку иных миров, и оставаться таким, как все.

А карнавал продолжался, они переодевались снова и снова, маски скрывали их лица, и это на какой-то срок было для него спасением, он мог оставаться среди них, чувствовать себя живым, переживать какие-то страсти и страдания. Хотя когда маски были сорваны, появились пронзительные строки «Песни ада», он навсегда оставался в аду, и в реальности прошелся по всем его девяти кругам.

И только Снежному королю, в отличие от юного несносного гусара, удавалось свое одиночество нести достойно в этом мире, не обвиняя всех и каждого в собственных провалах и неудачах. Просто он был рожден королем и рыцарем, и никогда об этом не забывал.

Мистика окружала его повсюду, но был особенный символ, перебравшийся из самых страшных видений безумного Эдгара - черный ворон, которого оставляет Повелитель Тьмы тому, с кем заключена была сделка. Оставляет он его как напоминание о совершенном. Этот странный ворон на любой его вопрос, на любой порыв произносил одно только слово: «Никогда». Он понимал, что именно так все и будет.

Ни жизни, ни любви, ни бессмертия, ничего в его реальности не было реально. Так и любовь, и страсть, и жизнь сама превращается в странную игру с судьбой, словно он мог в один прекрасный момент все изменить, если

сделать еще один шаг. Но шаг делался, а вместо странного и прекрасного света была снова метель и крошечная тьма.

А когда он видел своего Ангела, тот спрашивал его:

- У тебя есть стихи, разве этого недостаточно?

И вечный противник его отвечал на тот же безмолвный вопрос:

- Пред гением судьбы пора смириться, сер

Ему не суждено было стать Фаустом, или Донжуаном, или Гамлетом, все они были слишком земными и, в сущности, ничтожными созданиями. А он никогда ни у кого, ни о чем не просил. Боги не просят, и ангелы не просят. Это к ним обращаются с молитвами и мольбами. И обращались, все время, на каждом шагу. Первая поэтесса, влюбленная в него с первого до последнего мгновения своей жизни оставалась богомолкой, и та, которая никому не подчинялась, и не решилась приблизиться, молилась:

Плачьте о мертвом ангеле, - призывала она, и рыдала вся страна, все, кто мог в те августовские дни понять, кем для них был тот, который ушел, едва переступив свой сорокалетний рубеж.

Они молились, но в жизни его не было любви, и он расставался с ними безжалостно.

- Ты уйдешь, - говорил ему бес, но и через много лет после ухода, каждая девица, которая хоть что-то смыслит в поэзии, будет мечтать о том, чтобы провести с тобой ночь.

- Это должно меня радовать?

- Как хочешь, но так будет, никто из предшественников не мог и мечтать о таком.

А он меньше всего мечтал о ночах с женщинами - ночь предназначена, для старинного дела - поэзии, после того, как лихо прокатишься на рысаках с самой обаятельной, и возникнет признание:

Нет, я не первую ласкаю,
И в четкой строгости свой,
Уже в покорность не играю,
И царств не требую у ней.

Они были, конечно, но они растворялись в той самой метели, оставляя след на страницах его творений, но не заснеженной душе.

- Почему все так? - спрашивал он у того, кто должен был знать ответы на все вопросы.

- А ты не забыл, что сделал два дела когда-то, убил дракона и сложил из льдинок слово «вечность». Он не забыл этого, хотя и хотел забыть. Но как это сделать, если потом этому и была посвящена вся оставшаяся жизнь, и не было, и не могло быть никакой другой.

- Я не умру никогда?- спрашивал Поэт.

- Я не сказал этого, но останутся стихи, и страсть, и любовь, да- да, тот, кто не умел любить так смог рассказать об этом чувстве, что даже старый бес прослезился, и захотел понять, что это такое.

Он понимал и любил юмор, но на этот раз даже и не улыбнулся, потому что все было так важно, так серьезно, как никогда прежде не бывало.

И бес решил, что пока не стоит шутить, он сделает это потом, когда его настроение станет другим.

А потом он показал ему Париж, который выплыл из старинного зеркала.

- Что это?

- Париж, тебя там нет, не ищи, тебя там уже не будет к этому времени.

- Но зачем ты мне показываешь этот мир?

Они приблизились к какой-то скамейке, прекрасная девушка, читала томик его стихов, по щекам ее текли слезы.

- Разве это не бессмертие, не то, о чем я тебе говорил?- удивленно спросил он.

Лицо поэта оставалось совершенно неподвижным, он ничего не ответил. О нем говорили незнакомый адмирал, и слишком хорошо знавший его поэт, вернувшийся с войны.

- Ему ничего не надо было делать, чтобы остаться в литературе и в жизни и после ухода, все мои женщины были влюблены в него.

Там была только одна неувязка. На зеркальной поверхности все еще оставался Париж тридцатых, а может и сороковых годов, но там никак не могли оказаться те, кто был расстрелян. Один из них в том же месяце, когда умер сам Король, а второй чуть позднее. Но это было только грядущее, потому бес и не заботился особенно о правдоподобии, а поэт просто не мог еще знать, как это будет.

Он мог пофантазировать, и потом, ему так хотелось сохранить им всем жизнь. Конечно, он не был от них в восторге, но точно знал, что те, кто придут им на смену будут просто страшны и никчемны, да такими, что у него от ярости аж зубы сводило.

- Она и на самом деле была влюблена в меня, - очень тихо говорил он.

- А в кого еще она могла влюбиться, одна беда, она никогда не была актрисой, но и им повезло немногим больше.

Он умел утешить даже того, который в утешениях его и не нуждался особенно.

- Скажи, ты знал, что душа моя заморожена навсегда?

- Всякое могло случиться, - неопределенно заметил бес.- Но так лучше, проще, меньше мороки.

- Я видел во сне нынче именно их, - вдруг вспомнил он о видении- об адмирале и поэте.

- И что же ты видел? - поинтересовался бес.

Он знал этот сон, но никак не мог понять, скажет ли он ему об этом или нет.

- Я видел реку и расстрел, стену и расстрел. Скажи, что это не правда, что этого не может быть.

- В этом мире все может быть, - перебил его бес.

Он был уверен в том, что поэт нарушит свое золотое правило и попросит его о чем-то. Но и на этот раз он промолчал. Бес облегченно вздохнул - хорошо, что он оставался собой, таких мало в этом мире, таких почти нет, да и бессилён он прекратить катастрофу.

Он чувствовал в ту ночь, что задыхается и растворяется в метели. Но ни досады, ни жалости не было в душе, на этот раз он воспринял метель, как благо, как освобождение от страшных мук. И тогда появилась снова та, которую он победил и отверг в начале, она обняла, подхватила и закружила его. Она точно знала, что так будет, когда оставляла его на время на земле среди людей.

- Ты вернулся, ты не мог не вернуться, разве мой великолепный мир сравнится с тем, другим. Все остается в силе, ведь ты сложил из льдинок слово «Вечность».

ЛИЦО В СТАРИННОМ ЗЕРКАЛЕ Соавтор
И Знания умножили печали.

Ты их простишь, а мне простить едва ли,
Я стала ведьмой в этом мире, милый,
И пусть потом ко мне придут печали,
За них молиться? Отпустить их с миром?
О, не проси, я не смогу исполнить,

Не будет сна им и покоя здесь.

В полумраке зазвучала «Лунная соната».

Невидимый музыкант подавал какой-то знак или просто грустил в такую лунную ночь.

Но бывают ли совпадения и случайности в мире, где рядом с вами живет Тарас? Хотя живет, это громко сказано, он появляется и исчезает точно в срок – так вернее.

Алина сидела перед круглым старинным зеркалом – единственное бабушкино наследство, таившее в себе какие-то знаки.

Она до появления Тараса догадывалась о том, что должно случиться нечто, потом поняла, что это так и есть.

Сколько историй, связанных с этим зеркалом, он успел рассказать.

В миг, когда начинала звучать музыка она просто бросала все дела и садилась к зеркалу.

Кто-то рассказывал, что очень страшно гадать с помощью зеркал, надо осторожно к этому относиться. Нельзя приносить в дом старинные зеркала, слишком тяжелая у них энергетика. Слушая такие мудрые советы, из упрямства Алина всегда поступала наоборот.

И вот звуки музыки.

Она села в кресла и вгляделась. Вовсе не на себя любимую, собственная внешность в такие минуты ее интересовала меньше всего, как бы странно это не звучало по отношению к женщине.

Но там и на самом деле отражались вещи значительно более важные, чем твои умные глаза и насмешливые губы, даже если они сейчас и не так хороши, и надо что-то срочно сделать с гримом

Лицо незнакомого парня. Совершенно незнакомого, что само по себе было уже странно.

Даже когда она встречала знакомых людей, то была уверена, что они уже встречались, просто она никак не могла вспомнить, когда и где. Особенно трудно с именами и местом прежней встречи определиться. И вдруг неожиданность – этого парня она видела впервые – реально, как говорил Тарас.

- Случайно, - прибавила бы она, если бы он не стоял у нее за спиной и не дышал в плечо.

- И что ты хочешь показать? – спросила Алина

- Красивый парень, главное грустный.

Что-то странное было в голосе беса.

Она усмехнулась, когда вспомнила, как появился Аззелло, и Маргарита решила, что тот хочет сначала ее арестовать, а потом отправить на ночь к своему хозяину.

Тот, помнится, ответил, что с Воландом согласились бы провести ночьку все женщины в мире, но этого не будет.

Алина безбожно перевернула текст, но заботила ее не точность цитирования любимого писателя.

- Ты не ровняй меня с этим рыжим, кажется я значительно симпатичнее, - твердил Тарас, оглядывая себя в реальности, в зеркале - то он как обычно не отражался.

- Ночи страсти, надеюсь, не будет, он слишком юн, - решила она хоть что-то выяснить. Сравнить себя с Аззелло Тарас мог сколько угодно долго, это его любимый конек, потом будет Коровьев, еще кто-то.

Даже бесы в любом случае любят говорить исключительно о себе любимых.

- Ночь страсти? – удивленно спросил он, нехотя отключившись от размышлений о собственной персоне.

- Она может быть и возможна теоретически. Парень очень молод и очень хорош, и с ориентацией у него все в порядке, кажется, только разве ты не видишь, что он занят совсем другим, и так занят, что тут уж не до сексу, - тяжело вздохнул Тарас, словно бы он на самом деле переживал за незнакомца.

- А не хочешь ли ты сказать, - восторгалась Алина, - наконец начиная думать в том направлении, из-за которого все: и зеркало и музыка были поставлены тем вечером во главу угла.

- Уже теплее, - про себя прошептал Тарас и куда-то исчез.

Алина попробовала сфотографировать лицо в зеркале, вовсе не уверенная в успехе. Но когда из принтера появился лист с четким портретом во всю ширину белого листа, она застыла перед изображением незнакомца, еще раз убеждаясь, какие чудеса способна творить современная техника, если ею Тарас управляет.

Но кто он и где найти этого парня, и зачем его искать?

- Сколько вопросов, - услышала она голос беса, - и не на один из них я тебе не отвечу.

Алина как обычно начала злиться. Она была страшно упряма и могла молчать часами и днями, даже свои мысли от него закрыть. Когда-то он сам на свою голову научил ее как это делать. Теперь вот и пожинал Тарас плоды того учения.

Сам же он долго молчать не мог, особенно когда к ней приближался, даже когда отдалялся. Ему вообще нравилось разговаривать, он находил в этом особенную радость. А со своей любимой сказочницей особенно. Она это тоже знала прекрасно, потому и устраивала пытку молчанием.

В общем, они стояли друг друга наверняка, что тут сказать.

Но и сдаваться так просто Тарас не собирался, он только произнес в знак примирения.

- Я часть той силы, которая вечно хочет зла, и вечно совершает БЛАГО - он выделил именно последнее слово и даже копытом при этом топнул.

- Исчерпывающий ответ, главное очень новый, - ядовито заметила Алина.

- Какой есть, лучше классика все одно не скажешь, тем более что это так и есть. Ненавижу слово добро, но на этот раз придется творить его, даю тебе хвост на отсечение.

При этом Тарас покрутил хвостом, чтобы еще раз убедиться и показать, что никто ему его еще не оторвал.

Алина поняла, что его можно резать на куски, но ничего больше она от него не добьется.

Она сделала еще несколько копий портрета парня из зеркала на всякий случай, чтобы не затерялись все и не пропали, разложила их пор разным папкам и стала думать о том, где его искать.

Влад, конечно, ей помогут парни, которые знают все и всех в этом большом городе.

Еще минуту назад она идти никуда не собиралась, а тут уже натягивала джинсы и футболку и была готова к бою.

- Для своих 105 лет ты еще очень ничего выглядишь, - услышала она голос Тараса.

- Но мазь мне не помешала бы та самая, хотя это не по твоей части, тебе слабо.

- Мне не слабо, - уже обиделся бес, - ядовитым быть мне полагается, но я никак не могу тебя переплюнуть. А твой Аззелло отдыхает, если я возьмусь за дело, - говорил в это время Тарас.

Но Алина уже исчезла, захлопнув дверь, он еще на миг остался в комнате, а потом бросился за ней.

Железная дверь для Тараса никогда не была преградой, но какой же она стала невнимательной к своему любимому бесу. Конечно, молодой красивый парень. Хотя если бы она знала, что ее там ждет, то пыл бы свой поубавила. Но Алина ничего не знала и бежала прямо в объятия кошмара.

Странно оказаться в ночном клубе днем. Жалкое это зрелище, но и на это Алина особенно не обращала внимания на внешнюю обстановку.

Правда, еще больше удивиться и вздрогнуть ее заставила то, что вместо неотразимого Влада всегда в белых, да что там, белоснежных одеждах, с голливудской улыбкой и непритворной радостью на лице, даже когда они встречались после бессонной ночи на его работе. Алина представить себе не могла работу ночью в этом гаме и шуме и с этими посетителями. Но Влад держался мужественно.

Так вот вместо любимца своего она увидела того самого грустного парня, портрет которого хотела предъявить для опознания всем, кто там будет.

- Это вы? – как - то подавленно произнес он, и отстранился, словно она была той самой старухой с косой или темной Мореной, приходившей для того, чтобы сообщить, что человек не доживет до заката этого дня, или только до заката и доживет.

Странно, что она о том подумала, без Тараса тут не обошлось, но откуда такие помыслы.

- Это я, - отвечала Алина, - только не помню, чтобы мы где-то встречались, тем паче знакомились.

Эти слова странно подействовали на Дена, а именно так его звали. Это и Алину заставило удивиться. Почему собственно она должна знать всех парней в миллионном городе, и как это может задеть и обидеть его. Хотя откуда он ее знает – наверное, этот вопрос был самым главным.

Почему- то в голове мелькнул сюжет с сыном, который внезапно потерялся еще при рождении – сюжет из тех самых мыльных опер. Теперь они неожиданно встретились, и она его не узнала.

Шутка Тараса, он любил так порой издеваться над людьми, при том, что на первый взгляд это казалось таким достоверным, что она сама готова была поверить в черт знает что, но тут отвлекало что-то совсем другое.

Груз, который был на плечах у парня почти реален. Да и видно, что он из очень благополучной семьи, дурацкие истории тут никак не проходили.

Но в это время Влад собственной персоной и появился.

Он тряхнул безукоризненной стрижкой перед нею.

- Чем обязан, Алина, я думал о тебе сегодня утром, да совсем недавно.

- Я тоже дорогой, но...

- У меня, что уже соперники появились, откуда ты тут взялся? – обратился он к Дену.

- Сам не знаю, - пробормотал тот, - ноги сюда привели.

- Но не было ли у вас какого-то страстного романа, какие-то странные вы оба, - наконец стал серьезным и Влад.

- Мы видим друг друга в первый раз, и я не понимаю, откуда этот мальчик меня знает. У меня конечно, склероз, но его я бы точно запомнила.

- Алина, Алина, ну не смеши меня, ты, конечно, плевала всегда на спорт, но уж Дена можно было запомнить.

- На спорт, - настало время удивиться Алине, и тогда она все поняла, сразу в один миг, словно бы с полотна сдернули покрывало, и там показалась полная картина.

- Нет, нет, только не это, - простонала она.

- Что с ней? - спросил у Дена Влад, - за все эти годы я ее никогда такой не видел.

Он молчал, сжимая тонкий стакан так, что тот треснул в руках, и потекла вода и кровь.

- Проклятие, - прохрипел Ден, - чертова баба, она никогда меня не оставит в покое, никогда, я не смогу сделать шагу, чтобы она не появилась, ее сам черт ко мне все время толкает.

- Ты о чем, - начал сердиться Влад, - она говорит, что вы в первый раз встретились.

- В первый, но никогда и нигде мне не будет покоя, наверное, она клятву на его могиле дала, ведьма. Я это еще тогда почувствовал.

Влад хотел схватить его за рукав куртки, но Ден резко вырвался и бросился бежать.

- Что это с ним? – спросил Влад у пустого зала, там некому было ответить, а сам он ничего не понимал.

№№№№№№№№

Тарас догнал Алину.

- Ну чего ты, хочешь, я его под машину толкну, и дело с концом.

- Нет, не смей этого делать.

- Хочешь он будет твои стихи находить везде, это пытка еще страшнее машины

- По-моему ты так и делал все это время, откуда еще меня ему знать.

- А разве ты не этого хотела? – удивился Тарас.

- Этого.

- Я исполняю только твои самые крутые желания. Только чего ты заводишься.

- Я не хотела знать его в лицо.

- Значит, только Тарас мучайся, глядя на этого типа, а ты будешь с Владом целоваться и всем улыбаться.

- Перестань скулить.

- Уже перестал, а как насчет стакана крема?

- Какого крема? – удивилась Алина, о креме Аззелло она думала меньше всего.

- Помниться ты о ночи с ним думала, - напомнил ей Тарас, - а для этого точно крем понадобится.

Наверное, она бы пнула его, если бы он вовремя не отскочил в сторону прямо под летящую машину.

Человек был бы давно мертв после такого полета. Но Тарас отряхнулся и направился к ней.

- Вот на какие жертвы из-за тебя иду, чуть хвост не оторвало.

Он снова потрогал хвост.

Но Алина присела на лавку, закрыла лицо руками и зарыдала.

- Ты чего, - легонько пнул ее копытом Тарас, - хвост мой жалко что ли, так он на месте, а если бы и отпал новый вырастит.

Она не отвечала.

- А смотри, кто к нам идет, самый красивый парень в городе. А зареванная ты просто чудовище, такую и в ад не возьмут. Он протягивал ей влажные салфетки, они упали на землю.

Влад подошел к ним.

- Она не реагирует ни на мой хвост, ни на свою красоту, - говорил ему Тарас, приняв облик такого невысокого паренька, случайно тут оказавшегося.

Влад не удивился тому, что тот его знает, его знал весь город.

Он присел на корточки перед Алиной.

- Солнышко мое, ну перестань, я только сейчас понял, что произошло, и что же нам делать, мы никогда ни в какой милиции не докажем, что он к этому причастен.

- И что ты предлагаешь? – вместо Алины бесцеремонно вмешался в их беседу Тарас.

- Да пусть он живет, как сможет. Ему и так не позавидуешь.

- Гуманист чертов, - отозвался Тарас.

Алина все еще молчала, глядя в темные бездонные глаза Влада.

- Нет, - произнесла она, - нет, вы все можете его простить, я поступлю по-другому.

- Я с тобой в огонь и воду, - с готовностью заявил Тарас, - исполню все, что прикажешь.

- Я сама, без тебя, все меня оставьте, я сделаю это сама, ни бес, ни ангел мне не нужны.

Они остались стоять рядом, когда она пошла по аллее мимо молодых елочек.

От запаха хвои кружилась голова. Как бы хорошо было тут назначить свидания и остаться с любимым человеком.

Мир прекрасен, жаль, что она не могла этого видеть и чувствовать, пока жив этот парень, а он будет жить долго, она все сделает для того, чтобы превратить его жизнь в ад.

Но никакого ада не достаточно, чтобы он понял, что натворил, чтобы вернуть того, кого он безжалостно убил.

- Так ты настоящий бес? – спросил Влад.

Тарас принял свое истинное обличие.

- А симпатичный, - усмехнулся Влад, и коснулся его небольших рожек своими музыкальными пальцами.

- Да и ты ничего, хотя для ангела не очень. Но что делать, какие времена, какие нравы, такие ангелы и бесы. Я эту кашу заварил, но не думал, что все так повернется, пошли расхлебывать и разруливать. Мы же не можем допустить, чтобы она свою жизнь загубила.

- Не можем, я ее слишком люблю для этого, - говорил Влад.

- А я что говорю, влюбленный ангел – комедия и только, но ты мне нравишься, сживемся, сработаемся.

И они бросились догонять Алину.

ЗАМУЖ ЗА ПЕРВОГО ВСТРЕЧНОГО

Вечер по гороскопу обещал быть боевым, так и случилось.

Когда Тарас встретился с Захаром, и они заглянули в дневник Леры, то рыдали непритворными, настоящими слезами.

Но, понимая, что слезами делу не особенно поможешь, быстро успокоились и снова переглянулись:

- Ты мне доказывал, что она с ним счастлива.

- Я ошибся, - честно признался Тарас.

- И давно ты узнал, что ошибся?

- Как узнал, так и начал суетиться. Тебя вот приволок, когда понял, что одному не справиться.

-Но ты не заметил, что из веселой, почти гениальной и неотразимой, наша Лера превратилась в тень этого странного философа. У нее нет больше своих слов, она ничего не пишет. Ни одной сказки за последний год.

- Если бы не заметил, то ты здесь бы не стоял.

- А тебе не кажется, что мы после драки кулаками машем?

- Мне не кажется.

Захар выпучил глаза.

- А мне кажется, что и ты такой же стал, какая писательница, такой и бес. Но ты брось придуряться, - во взгляде его появилось что-то угрожающее, он готов был пнуть своего друга копытом ниже пояса, но сдержался.

- Да я еще и не собирался.

- Что делать будем?

- Я не пошел бы с тобой в разведку, да выбор невелик, другие еще хуже и тупее тебя.

Тарас аж подпрыгнул, ему показалось, что его обругали и очень сильно, но делать ему все равно нечего было, сам виноват, и слезы лью, и охаю.

Грустная в итоге получилась песенка.

- Но он ведь хвалил ее, говорил, что она самая талантливая, -пытался оправдаться Тарас.

- Ладно, она, а ты такой простачок, и никогда раньше не видел, что пока мужику что-то надо, он что угодно сделает и скажет, а вот потом, охотник чертов, когда добьется своего, то и запоет совсем по-другому.

-Слыхал, только этот не такой казался.

- Да все они, сказочники одинаковы.

- Ты брось Макса - то, давай лучше о ней позаботимся.

- А разве ты уже не позаботился, только что делать дальше не особенно понятно.

Но долго им переругиваться не пришлось, на пороге появился Макс.

- Сейчас или никогда, - в один голос заявили бесы.

Как Лера оказалась в объятиях этого парня с пронзительными глазами, откуда он вообще взялся, когда на пороге стоял ее Макс, понять она так и не смогла, зато хорошо почувствовала, что можно испытывать, когда тебя с любовником муж застал, а его никуда не спрятать.

Это надо будет для романа оставить все ощущения, но пока придется объясниться.

Только, что за чертовщина, он так обнимал и целовал ее, у него были такие руки, что даже грядущая катастрофа не особенно волновала.

А после того, когда у них все закончится, пусть и конец света наступает, она больше ни о чем таком жалеть не станет.

Но Макс страшно побледнел. А невидимые бесы стояли с двух сторон, готовы его под руки подхватить.

- Он молод и очень красив, - говорил Тарас.

- Да, если она не может объятий разжать даже сейчас, наверное, парень неотразим, сам бы попробовал, да мужиков не люблю, они одноклеточные и пустые. Вот женщины - совсем другое дело.

Они еще и издевались, словно ему недостаточно было того, что он видел и слышал.

Макс попятился, наткнулся на что-то, наступил Захару на хвост, отчего тот страшный визг поднял и бросился прочь.

Может быть, испугавшись этого пронзительного визга, исчез и тот, который Леру так страстно обнимал.

Хотя теперь даже она сомневалась в том, что принц этот залетный был. Его просто не могло существовать, зато бес дал о себе знать, а это значило.

Она опустилась на палас и, скрестив ноги, уселась неподвижно.

Бесы стояли рядом, переминаясь с одного копыта на другое.

Надо было что-то сказать, утешить, оправдаться, но языки их не поворачивались при этом.

Она заговорила первая:

- Я знаю, что вы здесь. Скажите, зачем вы это сделали?

- Тебе долго и коротко объяснять? - поинтересовался Захар, он не собирался быть особенно тактичным.

- Давай коротко, - согласилась Лера.

Он поднес небольшое старинное зеркало к ее лицу.

- Тогда посмотри внимательно, во что ты превратилась, ты сама-то себя узнаешь? А я нет? Но это полбеды, главное, что он с твоим творчеством сделать, там даже наших рожек, ножек и хвостов не осталось.

- Ты полегче на поворотах, - посоветовал Тарас, ему было страшно жаль Леру.

- Да там вообще ничего не осталось, - еще больше раскипятился Захар, - и ты этого хотела, ты об этом мечтала, чтобы даже не секретарем сделаться, а вообще черт знает чем, если тебя такое и устраивает, то меня не устраивает. Я хочу, чтобы мне вернули прежнюю роль, и я стал героем сказок, твоих сказок, а не того, что ты помогаешь ему творить.

Даже Тарас отошел от него немного в сторону.

Он заметил, как дрожали руки Леры.

А потом она зарыдала, да как, так и по покойнику никто никогда не рыдал, наверное.

Они сели с двух сторон от нее, переглядываясь, и теперь молчали.

- Вот, - добился, я же тебе говорил, что осторожнее надо.

- А ты долго осторожничал, еще бы немного и спасать было бы некого.

- А ты себя или ее спасаешь? - не выдержал тот.

- И себя, и ее, и тебя, как будто тебе не понравилось быть тем бесом каких только она умеет рисовать, да в меня после этого русалка влюбилась по уши, а теперь разлюбила, кажется, потому что не только мы на героев действуем, но и они на нас тоже.

Неожиданно Лера замолчала и прислушалась.

- Ты и правда хочешь, чтобы о тебе и всех остальных писала я? - обратилась она к Захару.

- А до тебя только теперь это дошло, интересно, зачем я здесь, посмотреть, как ты рыдаешь о своем тюремщике? Нет, конечно, я решил стать твоей Музой, ну Музом, как там они у вас называются, и не отступлю ни на один шаг.

В глазах его появилась такая решимость, что Лера поняла, спорить с ним бесполезно.

И она впервые свободная и беззаботная уселась за комп почти счастливая.

Бесы посмотрели на дело рук и копыт своих, и отошли в сторону.

- Хорошо, одну половину дела ты сделал, хотя и грубо, но сойдет, а дальше что? - поинтересовался Тарас, готовый признать свое поражение.

- А дальше нам надо ее срочно выдать замуж, чтобы этот тип не передумал и не вернулся, он же быстро поймет, что потерял.

- За первого встречного? - переспросил Тарас.

- Конечно, за первого, только надо позаботиться, чтобы этот первый встречный не мешал ей и нам работать хорошенько, и опять же симпатичен ей был.

- И кто он будет?

- Он будет первым встречным.

- Это я понял, только Гермес, Аполлон, Арес или Дионис, вот что меня волнует.

- Это уже четыре встречных.

- Да, конечно, в итоге останется один, только кто из них самый подходящий?

Они задумались надолго, потом Тарас начал размышлять вслух:

- Аполлон - это еще раз на те самые грабли наступить, помнишь, как он с бедным сатиром расправился, Арес тоже воевать горазд, а любить с трудом, если он вообще понимает, что это такое, Гермес конечно не дурачок, и его так часто не бывает дома, что он и мешать почти не будет, только.

- Ты хочешь сказать, что у нас остался Дионис, странный выбор.

- Выходит, что так, этому парню там не особенно везло, ему то девицы распутные доставались, то эта дурочка Ариадна, которой, как и всем, только Тезея и подавай, даже когда он тебя вероломно бросил и бежит от тебя, тут поневоле запьешь, а ведь ему и нужна только свобода и немного любви.

Тарас недоверчиво посмотрел на Захара. Что это тот в Диониса вцепился, нет, если уж кого-то делать первым встречным, то именно Гермеса.

№№№№№№

Так ничего конкретно с первым встречным бесы и не решили и тогда все на откуп судьбе и решили отдать.

- Тащи своего Гермеса на набережную, а я за Дионисом, пока наш Макс не опомнился и не вернулся, а там пусть сама выбирает, надо же и ей что-то оставить, не все мы за нее делать станем.

Когда вырубил неожиданно свет, и комп оказался бесполезной коробкой, Лера поднялась из-за стола. Она решила немного пройтись по набережной, подышать свежим воздухом перед сном.

Как все-таки приятно себя чувствовать свободной, выяснить, что и после всего, что было, ты все еще можешь писать.

Она удивилась, когда заметила, что бесов нет рядом.

А потом вспомнила ту сцену с незнакомым парнем, в тот момент, когда ее жизнь рухнула, или началась сначала, это, как сказать и с какой стороны посмотреть.

И странно закружилась голова, она почувствовала, что теряет равновесие.

И кто-то сбоку большой и сильный, подхватил ее.

Лера улыбнулась, пробормотала что-то, выглянула в глаза. Чужие, холодные презрительные глаза, хотя губы его улыбались.

Нет, она никогда не смогла быть с ним, хотя, кто сказал, что она вообще должна быть с ним, он просто в нужное время в нужном месте оказался.

Да и вообще, захочет ли она с самим Аполлоном быть после того, когда было такое пережито.

Они поравнялись в это время с парнем, стоявшим, словно вкопанный, посреди дороги.

Немного дальше, повернувшись к нему спиной, стояла девушка.

На лицах обоих была такая ярость и грусть одновременно, что и в полумраке можно было содрогнуться.

- Ему досталась Ариадна, - шепнул ее спутник насмешливо.

Лера взглянула на него. Она понимала, о чем он говорил.

- Дионис? - переспросила она, не может быть, он не может быть таким?

- Каким? - удивленно спросил он, - вы знакомы были прежде.

- Нет, но Дионис, бог веселья.

- Расхожее заблуждение, - отрезал незнакомец, - а кто мог знать, что было на самом деле.

Но она уже приблизилась к нему, посмотрела еще раз в его наполненные грустью глаза.

- Дионис не может быть таким грустным, - говорила она, коснувшись его щеки.

Она повернулась к спутнику, но там никого не было, куда же мог деться на таком открытом месте. Хотя, какая разница куда, сегодня день такой, когда мужчины появлялись и исчезали незаметно. Странное, какое-то время оказалось.

- Значит, Дионис будет первым встречным, - услышала она голос Тарас за спиной, - но ты сама выбрала, нечего потом на чертей спирать.

- А тот, второй, кто это был, такой холодный и надменный.

- Какая разница, кто, он был не твоим и все.

Ничего не ответила на это Лера, она просто пошла рядом с ним, они говорили о музыке, о живописи, о ночном клубе, который больше на ад похож.

- Я не могу там оставаться, это чудовищно, уведи меня оттуда, - попросил он.

И Лера улыбнулась в ответ.

- Прямо в загс, - спросила она.

- А чего тянуть - то, - отозвался из-за спины Захар, которому очень хотелось сказку про себя новую прочитать.

Она поняла, что бес чего-то боится, может быть, возвращения Макса.

Только в отличие от него, она точно знала, что к нему никогда не вернется, как бы все с Дионисом не сложилось.

Они расписались на рассвете, всю ночь просидев на крыльце нового Дома Бракосочетания.

Говорили обо всем на свете, и поняли, что не смогут расстаться.

- Я всегда говорил, - победно усмехнулся Захар, - что замуж надо только за первого встречного выходить, а ты общие интересы, лучше узнать друг друга.

Тарас промолчал.

Да и что было сказать? Случайность. Но бывают ли в мире случайности.

- А если бы первый встречный маньяком оказался? - спросил он.

- Он не был бы первым встречным, мы - то с тобой на что, служба дни и ночи, покой нам только снится, а маньяк для милиционера первым встречным оказаться должен, если ты ушами хлопать не будешь. И то правда.

Если немного помочь встретиться влюбленным, да и всем остальным с тем, с кем надо, то хуже от этого никому не будет - это точно, а именно такими помощниками бесы и были у нас и навсегда останутся. Таково их предназначение в этом мире.

И когда они не ленятся, хорошо исполняют свое дело, то все у нас и получается, ну, а если не случается, то прозевали, проспали, а может, так и надо было? Кто его знает, на самом деле.

Ясно только одно, в решающий момент у нас с вами первый встречный именно тот, какого мы и заслужили, так чаще всего бывает, хотя, конечно, нет правил без исключений, и это тоже верно

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ ЭТО ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Милые тени, забытые лица,
Кто это там, в зазеркалье томится.
С кем мне еще до утра оставаться.

Снятся любимые, и расставаться
Так не хотела с тобой я, мой милый,
Только мне зеркало правду явило.

В прихожей пронзительно затрещал звонок.

Старуха, жившая когда-то по соседству, но 33 года назад переехавшая в другой район, неожиданно ввалилась в мой дом.

Я ее не сразу узнала, только когда она представилась, я поняла, кто она такая, хотя внешности ее так и не могла вспомнить.

В тот момент я почему-то взглянула в зеркало и убедилась в том, что она там не отразилась.

Страх, переходящий в ужас, охватил душу.

Но, скорее всего это были только мои фантазии.

На самом деле она была живой, слишком живой для своих 90 лет.

Глядя на нее, я поняла, почему великий испанец так боялся стариков и смерти.

Я снова представила ту ночь и момент расстрела. Что он должен был переживать тогда.

Я не боялась смерти. Слишком боялась в детстве, а потом все прошло. Она перестала для меня что-то значить.

И когда Полина, а она потребовала, чтобы я ее называла так, по имени, заговорила, она заговорила о смерти.

Странный это был разговор, она перечисляла всех своих родственников, о которых я естественно не имела никакого понятия, и рассказывала, как они умирали. Рассказывала ярко и живописно. Она умела рассказывать.

Так бывает, случайно в автобусе, в очереди к врачу, какая-нибудь старуха вот так и делает – начинает рассказывать о том, как умирали близкие. Ей надо об этом рассказать всему миру.

Я погрузилась в свои размышления, не в силах прервать ее монолог.

Очнувшись на том месте, где она повторила:

- Сережа в последний момент вспоминал тебя.

Осталось только сожалеть о том, что я прослушала начала рассказа о Сереже, может быть, там было какое-то объяснение, когда они от нас уезжали, мне было года 3 или чуть больше, кого же мог вспоминать ее Сережа.

Но старуха была в здравом уме и твердой памяти.

Видя мою растерянность, она достала из сумки фотографию и протянула мне. Вероятно, ей не хотелось прослыть сумасшедшей. А может быть, так важен был сам факт того, что Сережа вспоминал меня перед

смертью. Словно она обещала ему, что обязательно мне расскажет о том, как это было.

Прежде, чем взглянуть на фотографию, я во второй раз взглянула в зеркало. Хотя сейчас она и не могла там отразиться, она сидела в кресле так, что в зеркало ее никак нельзя было увидеть. И все-таки эта пустота – мистика, да и только.

И тогда я все-таки взглянула на фото.

По моему лицу Полина поняла, что я узнала ее сына.

Да, я сразу узнала этого мужчину.

Весна, проселочная дорога, я не стала ждать автобуса и отправилась пару остановок пешком.

Не садилась ни в одну попутную машину. Просто и шла и шла, пока он не затормозил.

Почему я села к нему в машину, трудно сказать, но у него были такие красивые глаза. Представить себе, что мы жили по соседству, я никак не могла, тогда это мне даже не пришло в голову. Откуда он о том узнал, рассказал матери, я не знаю.

Я говорила ему о ссоре с мужем, о том, что меня всегда и все предавали, и я больше никогда не выйду замуж ни за кого.

Он вдруг остановился перед полем, усыпанным одуванчиками, это был желтый ковер из только что распустившихся цветов.

- Смотри, как прекрасен мир, - только и сказал он, - и все наладится, ну к чему такие мрачные мысли?

А потом мы стояли и смотрели на это поле. Долго. Одуванчики чуть покачивались на ветру. Миллион маленьких солнышек перед глазами. Он подарил их мне- такой странный букет цветов... Все золото мира было у моих ног, кажется, мы оба тогда об этом подумали.

И все, сели в машину и поехали дальше. Он только сказал о том, что жену его убили в подъезде их дома, но он не хочет оставаться один.

Мы молча попрощались в центре города. Кажется, я даже не поблагодарила его за то, что он меня подвез.

Об этом я и рассказывала Полине, а потом не выдержала и спросила:

- Но как он узнал меня, как ты вычислила, что я это я?

- Мы видели тебя однажды, в центре города, он так побледнел и вцепился в руль, что сомнений никаких не осталось, хотя я не стала его расспрашивать о том, что между вами случилось. После смерти Ирины в его жизни три года не было ни одной женщины, мне казалось, что он всегда любил только ее...

И видя, что она мало что объяснила, она прибавила:

- Ты была со своим отцом, а уж его узнать мне не составляло труда.

Как просто объясняются некоторые таинственные совпадения.

Никакой мистики, она просто узнала моего отца, с которым долго работала в одном управлении.

- Но почему?

Старуха не дала мне договорить и резко перебила:

- Потому что в тот день мы ехали из больницы, и диагноз был страшным. Он запретил мне к тебе приближаться, вот и вся история. Потом, когда он терял сознание, он говорил про желтые цветы и Маргариту. Мне казалось, что это имя героини романа. Я хотела так думать, и все-таки решила выяснить, были ли желтые цветы, что вообще было?

Старуха ушла. С монитора на меня теперь смотрел Сергей. Я успела отсканировать его фото, уж не знаю зачем.

Все валилось из рук в тот день. От вдохновения не осталось следа. Редактор звонил и то мягко и ласково, то грубо и нервно напоминал о том, что если статья не появится через час, то он задушит меня своими руками.

Это не испугало. Я давно перестала бояться смерти. Но вдруг подумала, что если это случится, то кого в последний момент вспомню я? Кого позову с собой, если поверить в то, что там бессмертие, мы будем свободны и счастливы, то вовсе не хочется, чтобы это был кто-то из тех, с кем сталкивала меня жизнь.

А что если в последнюю ночь возникнет образ мужчины, с которым случайно на несколько минут столкнула судьба, чтобы потом навсегда расстаться. И ничего не было, ну кроме поля одуванчиков и нескольких фраз о том, как прекрасен этот мир?

И вдруг в вечности захочется оказаться именно с ним, а не с тем, кто любил тебя, или тем, кого любила ты?

Странно, но так, наверное, бывает.

Я подошла к зеркалу и там пока еще отразилась усталая растерянная женщина. Хотя не особенно верила в то, что это и есть реальность.

Надо дописать статью и пожить еще немного, а вдруг....

Милые тени, забытые лица,
Кто это там, в зазеркалье томится.
С кем мне еще до утра оставаться.
Снятся любимые, и расставаться
Так не хотела с тобой я, мой милый,
Только мне зеркало правду явило.
Что же осталось, от той беззаботной
Девы, заваленной вечно работой,

Как же жестоко она поступила.
Нынче мне зеркало принца явило.
Только во времени мы не совпали,
Вот он и мечется там, в зазеркалье.
Я не могу его вырвать оттуда,
Даже пытаться, не бойся, не буду.
Там, где бессмертье, бессильна Марена,
Вот и остался он тем, вдохновенным

Мальчиком, снова любить его, Боже,
Зеркало, словно морозом по коже.
Но почему беспощадное время,
В бездну бросает, и больше не верю,
Что в пустоте моих дней и скитаний,
Он оставался в печали страданий.
В полночи снова я стала другою,
И оставалась кому-то Любовью.

Только не с ним жили мы и старели,
Где-то русалки нам песни отпели,
И догорели костры и в тумане,
Зеркало снова спокойно обманет.
И не останется больше надежды,
Листья срывая, как будто одежды,
Осень над зеркалом кружится в танце.
И не скажу ему нынче: - Остайся.

Пусть он уходит, костры отгорели.
Тени в том мире уже не старели,
Мы же любили и жили сторая,
В шаге от бездны, в шаге от рая.

ИГРА СТОИТ СВЕЧ Исповедь Феликса

ГРУСТНЫЕ ЗАБАВЫ

Не снимайте маску, этот грим,
Он спасает от яростной напасти,
Мы еще напишем, устоим,
Мы сыграем яростные страсти.

И потом, во мраке у огня,
Рукопись последнюю закроем.
Как он странно смотрит на меня,
Вроде бы тогда нас было двое.

Вот и попрощались навсегда,
Что нам откровения и ласки.
Не снимайте маски, господа.
Нам уютней в этой странной маске.

Когда на город сбросила свои одежды теплая летняя ночь, Феликс выглянул из-за прикрытой двери и воровато огляделся по сторонам.

Он только что обошел свои владения, свои сокровища, и остался доволен тем, что открылось его хитроватому взору. Автоматы сверкали всеми цветами радуги, а в полутемном зале казались то чудовищами, то настоящими произведениями искусства. Они всегда были для него живыми созданиями, у каждого из которых была своя жизнь, своя жадная и коварная натура, и какая-то странная таинственная душа. Он с ними в пустоте зала, когда оставался один, разговаривал, холя и лелея каждого из своих любимцев.

Он так гордился ими, словно сам их и сотворил, хотя и в этом была доза и доля правды, а кому еще пришло бы в голову сотворить такое чудо - расчудесное, и тем, кто требовал не только хлеба, но и зрелищ, бросить такую забаву.

Он вспомнил тот день, когда пришел в этот обшарпанный ларек, а тогда он таким и был, в первый раз, и предложил какую-то баснословную цену за то, чтобы выкупить его у бывшего владельца. Он не торговался, чем удивил этого тучного дядьку, который, торгуя своими сосисками, уже и не надеялся его кому-то сбавить и за значительно меньшую цену. Вероятно, потом он назвал эту сделку удачей, но даже и предположить не мог какое чудо можно сотворить здесь, в этом самом месте.

Нет, он точно представить не мог, что из его сосисочной получится может, а потом кусал себе локти, сожалея о том, что не догадался о такой

простой вещи сам. Хотя, для того, чтобы устроить подобное, нужны были особенные таланты.

А Феликс сделал, сотворил все по самому высшему классу и заслуженно гордился творением. Чтобы не говорили тетки и мужики, как бы его не проклинали, ему до этого не было в сущности никакого дела, а свое собственное он знал лучше всех, потому и взлетел вверх в считанные дни, да и могло ли быть иначе.

- Игровые автоматы, - задумчиво повторял он, оглядывая это чудо техники, которое люди, вероятно, называют прогрессом, а он всегда считал только милой забавой, из нее можно извлечь немалую прибыль.

Но если кто-то из них считает, что ему нужны деньги, которых у него всегда куры не клевали, то они глубоко заблуждаются, как заблуждались всегда. Ему не надо никаких денег. Тем более что тратить он их никуда не собирался, а все, что хотел, мог получить и без всяких денег, пойти и взять, любую вещь, и те самые деньги, на которые многие из них молятся, только пустые это все хлопоты.

В случае необходимости, которая, впрочем, возникала не часто, он так и поступал. Но тут было совсем другое - каприз, забава, скука, а ее можно было рассеять только таким вот образом. А еще было вечное желание соблазнять, толкать в пропасть, сначала показав небо в алмазах. А когда они поймут, что он их уже столкнул в бездну, и остается только лететь без оглядки, вот и получил моральное удовлетворение, и показал творцу, как тот заблуждался, когда пытался их защищать. Но это, впрочем, лирика, а ему, чтобы что-то показать и доказать надо было еще заняться нынче делом.

Если посмотреть объективно, а только так Феликс и собирался смотреть на вещи, посетителей было не особенно много, но он не отчаивался. Он вообще никогда не отчаивался, даже когда проигрывал в пух и прах, он точно знал, что за поражением бывает победа, и наоборот. Это они могли придаваться панике, отчаиваться, и чем черт не шутит, даже кончать жизнь самоубийством. Ему такая роскошь была не доступна и это замечательно. Он слишком любил эту жизнь, и ненавидел или презирал людишек, чтобы так спокойно их оставить, и отправиться в тихий омут, или на тот свет, особенно сейчас, когда в таком количестве появились игровые автоматы - это самое совершенно средство соблазнения.

И самое главное, он никого не уговаривал, не тащил сюда насильно - зачем напрягаться. Они толпой шли сюда сами, вытаскивали из карманов честно или не честно заработанные денежки свои и спокойно бросали в прожорливые пасти его машинок, которые порой выбрасывали им какую-то мелочь в виде выигрыша, так, самые пусячки, а потом глотали новые

порции их последних или не последних (какая разница) сбережений. И невозмутимо сверкали всеми цветами радуги, все шире открывая прожорливые пасти свои, но неистребима вера в русской душе в то, что вот еще чуть - чуть, и он непременно выиграет. И не может быть по- другому, особенно если он уже столько и кому-то отдал, должно же к нему все вернуться назад. Может в другом каком месте и должно, но не здесь, об этом Феликс и те умные ребята, которые изобретали, под его руководством эти чудо-машинки уж позаботились, все рассчитали, ничего не упустили.

Не было в душе его жалости ни к одному из проигравших, никогда не было и не будет, это он знал точно. И был в себе, как и обычно уверен, хотя и существовала, опять же среди людей, поговорка о том, что никогда не стоит говорить никогда, но как-то на себя он людские поговорки не примерял, и в ближайшее время делать этого не собирался.

Он почесал то место, где должны были торчать рога, или хотя бы небольшие рожки, но там ничего не было, за долгие тысячелетия они отпали, и голова казалась вполне нормальной, человеческой, что вероятно и приводило в замешательство и обманывало тех, с кем ему приходилось в последнее время сталкиваться.

И пусть обманываются, он им не лгал, или почти не лгал. А если о чем-то не говорил, то это его личное право. Есть у них даже статья закона, утверждавшая, они могут молчать и не свидетельствовать против себя и своих близких.

Это возможно единственный их закон, с которым он мог бы даже согласиться, а в остальном он был против, почти всегда против. И это стало стилем его существования, которое язык не повернется назвать жизнью, потому что не бывает жизнь такой бесконечно долгой. Но Феликс не жаловался, он вообще никогда и ни на что не жаловался. Да и кому жаловаться, Богу? Он столько слышал этих жалоб, и много кому-то из них помог - нет, конечно, потому не стоило напрасно тратить силы и время, он и не тратил.

№№№№№

Появились первые посетители в игровом зале, но он с ходу отметал случайной сюда заглянувших, с которых ничего не возьмешь, и зимой снега не выпросишь, это были скучные люди, которых он просто в упор не видел.

Но очень скоро, интуиция его никогда не подводила, придут настоящие игроки, его игроки, для которых весь мир перестанет существовать, как только они включатся в игру, и даже не ради денег, а ради самой игры. Вот

кого он если не любил (он вообще никогда никого не любил), то все-таки выделял. И не случайно выделял.

Он питался той самой энергией, которая от них исходила, иначе давно бы уже копыта склеил, и перестал бы ими шевелить. Но как только он видел и слышал тот запах страсти и азарта, так и возрождался каждый раз, и становился сам собой, тем, которого боялись, ненавидели, от которого отрецивались трусливые людишки, даже не представляя, как скучна и бесцветна была бы без него их серая и никчемная жизнь.

Они поймут это, только когда он исчезнет, а такое рано или поздно все-таки может случиться, он в том не сомневался. Но это случится не сегодня. Пока блещут его звери-автоматы, пока продолжается игра, и он может если не вершить, то существенно менять их судьбы, он не собирался их покидать, даже если против этого взбунтуется добрая часть тех, кто не понимает, и никогда не поймет этой страсти.

- Что наша жизнь - игра...- снова напевал он эту странную песенку, витавшую в воздухе. Она оказалась на удивление надоедливой и странной.

- Еще какая игра, - тут же подтвердил Феликс, давно привыкший разговаривать сам с собой, потому что его посетители, включенные в процесс, на такие мелочи не обращали никакого внимания. Им не было до этого никакого дела.

Особенно любил он бросать в пропасть тех, кто считал себя несокрушимым, во все времена, какими жалкими, какими несчастными они казались, смех один, впрочем, этого они уже видеть не могли, а жаль.

Сокрушить несокрушимых оказалось еще проще, чем всех остальных, что он с удовольствием и делал.

Но только сейчас, в начале XX! века, и наступила для него самая благодать. Суетиться приходилось только в самом начале, когда он все дорого и хорошо устроил, а потом они приходили и уходили сами, уходили чаще всего в небытие. Некоторым для этого требовался чуть больший срок, чем он полагал сначала. Но подавляющему большинству оставалось только качнуться в его сторону, а ему незаметно подоткнуть, и Феликс снова чувствовал себя победителем. Тогда он самодовольно поглядывал на небеса, туда, где по его расчетам еще должен был находиться его вечный соперник, хотя трудно сказать, был ли он там, или где-то совсем в другом месте. Да какая разница, самое главное - это собственная самооценка, а она у него оставалась достаточно высокой. Он продолжал игру, и в последнее время чаще всего выигрывал. С тех пор, как ангелы украли у него душу Фауста, об этом позоре лучше не вспоминать, он больше не позволял себе оставаться беспечным и сентиментальным, и у него чаще всего все получалось отлично.

Когда он выглянул на улицу во второй раз, то взор его вырвал из толпы человека, одетого в слишком дорогой даже по его меркам костюм. Парень не собирался сюда заходить, уж его-то не обманешь. Но не собирался он это делать минуту назад, пока Феликс еще не успел заметить его, а теперь, голубчик уж никуда он не скроется, как бы не старался.

Правда, для этого пришлось приложить минимум усилий, колдонуть немного, но чего не сделаешь ради собственного удовольствия.

Максим спешил на деловую встречу, но вдруг странно удивился, когда увидел, что на голубом до белизны небе появилась жирная черная туча прямо над его головой. Он понял в последний момент, что еще мгновение, и из нее прольется столько воды, что промокнет он до нитки, и лучше даже не представлять себе, как после этого, черт знает, откуда взявшегося потопа, он будет выглядеть, тогда уж на него без слез и не посмотришь. Допустить такого он никак не мог.

Вот и пришлось принимать молниеносное решение - он оглянулся по сторонам, ища спасения. Дверь оказалась приветливо распахнутой, и это в тот момент показалось ему настоящим избавлением от страданий, готовых обрушиться на него со всей своей силой, вместе с потоками проливного дождя.

Как порой заблуждаются люди, и даже такие умные и деловые, как наш герой.

Дождь не мог длиться долго, сумасшедшая туча по всем законам физики и даже магии должна была проплыть мимо, или пролиться на землю дождем. Но этого времени оказалось вполне достаточно, для того, чтобы он успел оглянуться по сторонам, оказавшись в игровом зале, дивясь тому, как тут все было уютно, ярко и красиво. И какое-то странное колдовство, а это так и было, хотя Макс о том и не догадывался, заставило его присесть на край мягкого стула, и взглянуть на крутящиеся в разные стороны круги.

Он не нуждался в деньгах, хотя кому они не нужны. Но он был совершенно уверен в том, что заработать их может совсем иным способом. И у него для этого была светлая голова. Он точно знал, и его знакомые знали, что если даже случится нечто невероятное, и он останется этим вечером с одним долларом в кармане, чего только не бывает в этой стране, то завтра или послезавтра он вернет все потерянное, и еще удвоит свои капиталы. И волноваться ему было не о чем, да это его не особенно волновало. Хотелось просто на несколько мгновений задержаться в странном этом мире, о котором он что-то слышал, но имел весьма смутное представление.

Знал об этом и Феликс, хотя он и видел этого парня впервые, и был уверен в том, что пришел он к нему в первый и наверняка в последний раз, но ему это показалось еще интереснее. Он стал предпринимать нечто для того, чтобы покорить того типа, которого не особенно волновал выигрыш. Они ведь попадались ему не часто, почти никогда не попадались.

№№№№№

Тонкие пальцы - руки музыканта - прикоснулись на миг к рычагу. Потом он взглянул на улицу, где хлестал дождь. Если это и была иллюзия, то от настоящего ливня в тот момент он ее отличить никак не мог, и снова повернулся к автомату. Юноше, с красным дипломом закончившему физ-мат, так хотелось понять их действие и все рассчитать. Он был уверен в том, что найдет ту формулу, то правило, придерживаясь которого можно без труда обыграть любой автомат, потому что он - создание рук человеческих, и если это еще никому не удавалось, то только потому что они были не так умны и не получили такого блестящего образования. А у него это получится, и потом он поделится своим секретом с теми, кто до сих пор проигрывал, и они еще раз убедятся, насколько он умен.

Через час ему показалось, что он уже решил эту задачу. Он не мог видеть того, как внимательно Феликс следит за ним из угла, забыв о других посетителях, которые были ему вовсе не так интересны. Пусть эти простачки тупо смотрят на экран и мечтают о богатстве, упавшем к ним с неба, он знал давно все их мечты - Макс - совсем другое дело, он это кожей чувствовал и не мог ошибиться.

Впервые в жизни Максим безнадежно опоздал на все свои деловые встречи, о фальшивом дожде больше и думать не стоило, его и в помине не было. А он все сидел перед этим автоматом, хищно взиравшим на него, и раскрывшим перед ним свою адскую пасть. И по-прежнему был уверен, что еще мгновение, и он решит, обязательно решит эту неразрешимую задачу, он поймет, как устроено это чудовище, и это будет его собственным открытием.

№№№№№

Но того, что произошло в следующий момент, не мог предугадать не только отрешившийся от мира, забывший обо всем юноша, но и сам Феликс.

Что-то так бахнуло, что он подлетел к потолку и со всего размаха врезался в тот самый потолок, хорошо, что там было не дерево, а пластик. Особенно болели те места, где когда-то у него красовались рога. Потом он со всего размаха шлепнулся на бетонный пол и растянулся на нем,

притворившись мертвым. Это было необычное для беса, и даже приятное чувство - ощутить себя убитым, скоро ли такое еще повторится в его бессмертии.

Когда Феликсу надоело валяться, он поднялся и оглянулся вокруг. И он понял, что прогремел настоящий взрыв, и какой-то сумасшедший, решил с ним посчитаться, вероятно, проиграв немало и придя от этого в отчаяние.

Он стал упрекать себя за то, что был слишком самоуверен и потерял бдительность, а надо было лучше следить за людишками, они бывают такими странными созданиями.

Но в тот самый момент взор его и упал на искореженное тело Максима, на дорожный костюм его было страшно смотреть. Видимо взрывчатка как раз по нему и прошла. И только лицо его было спокойным и одухотворенным. Он, вероятно, был слишком погружен в себя, ничего не заметил и даже не почувствовал боли. Почему-то Феликсу хотелось верить в то, что именно так это и было.

Жалость? Чувство вины? - он никогда не знал ничего подобного по отношению ко всему роду человеческому, но ведь всегда что-то происходит впервые. Впрочем, он тут же подавил одним махом в себе эти чувства, и больше о том не думал. Хотя растерзанное тело юноши еще один миг не давало ему покоя, словно ничего подобного никогда прежде он не видел.

Он исчез бесследно из изуродованного заведения своего. Напрасно дотошные милиционеры его искали. Если Феликс не хочет с кем-то встречаться, то так это и будет.

Но ему еще надо было подумать о том, где найти незанятое помещение и установить новые игровые автоматы. Игра не заканчивалась, он был уверен в том, что она будет продолжаться и дальше, пока ему этого хочется. А он не привык отступать, и всегда делал только то, что сам хотел. А пока ему хотелось играть с судьбой, с людьми и выигрывать, особенно после такого сокрушительного и неожиданного поражения.

СОН РАЗУМА или Ночь откровений
ДЕМОН СОН РАЗУМА ПОРОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

Ангелу снилось, что он Люцифер,
забывший о свете, который хранил
И там, потерявшись в мирах, среди сфер,
он был и рабом и властителем был.
Ангелу снилось, что он улетал,
землю оставив на век для других.
Сорвался, разбился в пылу среди скал,
но снова проснулся, и горестный стих
Напел. И осталась земля далеко.
Враги отступили, друзья не вернутся.

И сел он писать о безумье оков,
и снова мечтою на землю вернулся.
Она же в тумане растаяла вдруг.
Она же в обмане его проступила
Перо не упало, в бессилии рук
Была в нем какая-то дивная сила
И вот в пустоте, он приходит назад.
И в гомоне диком толпы остается
Какие-то вопли, упреки летят.
И смотрит в туман и беззвучно смеется
Пришедший из ада, да что ему свет,
в обмане увидевший поле сраженья
И только дымок дорогих сигарет.
И только над бездною этой паренье
Как трудно, как просто, достойно пройти,
и им не ответить на злобу и зависть.
И будет звезда в полумраке светить.
И в этой улыбке страданья остались.
И в этой тревоге такая тоска, и так
торжество проступает внезапно
И черная роза в красивых руках.
И снова рычит кто-то в диком азарте
Собой упиваясь: - Я тоже могу,
я тоже в покое его не оставлю.
И ангел уходит в немую пургу.
И в мире покинутом все против правил
И только в тиши небосвод заалел,
и странная сила его проступала
А он все летел, и летел, и летел,
туда, где финал или снова начало.
И музыки этой извечная боль.
И мужество больше его не оставит.

И звезды он видел теперь над собой.
И день наступает, и беды растают

Ты спокойно засыпаешь, чтобы пробудиться в пустой квартире,
заполненной лунным светом

Здесь есть кто-то еще.

Окно только слегка прикрыто.

Конечно, зачем ему проходить через металлическую дверь, если я
забыла закрыть окно.

Но было так душно перед грозой, и какие-то странные тени метались по
комнате.

Сон разума порождает чудовищ.

Дремучий лес живет, прежде всего, в душе, а тот в реальности, он не
может быть так страшен, как этот.

И разве не убеждал вас добрый сказочник, что мир будет именно таким,
каким мы его сотворим.

Но это не мое творение.

Знакомый запах дорогих сигарет. Когда и кто в моем доме курил?

Но я понимаю, что не смогу даже возмутиться.

В этом дурманящем запахе я пребываю уже несколько часов.

В дыму сигарет появляются какие-то лица. Ускользящие лица
любимых людей.

Конечно, чем еще он мог привлечь и удержать мое внимание?

Только теперь я вижу, как много тех, кого уже нет с нами.

Какое глупое выражение. Они-то как раз теперь ближе к нам, чем
прежде, потому что у них нет никаких других дел - только следовать за нами
и оставаться рядом, а иногда и прорываться к нам.

Но ведь мне хочется увидеть и того, кто вторгся в мой дом, и курит
дорогие сигареты и тихо улыбается в полутьме, я это чувствую, хотя не могу
разглядеть его, но чувства не обманешь.

Какое чудовище сегодня породил мой разум?

А ведь это мы приводим их сюда, позволяем им появиться.

Они слишком горды и независимы, чтобы являться без приглашений.

Все время повторяется знаменитая сцена:

- А зачем я ему понадобилась? - вкрадчиво спросила Маргарита.

- Вы об этом узнаете позже.

- Понимаю,...Я должна ему отдаться, - сказала Маргарита
задумчиво.

На это Азazelло как - то надменно хмыкнул и ответил так:

- Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом, - рожу Азazelло перекосило смешком, - но я разочарую вас, этого не будет.

Но на этот раз я боюсь не этого и думаю не о том. Хотя ночь, тишина, дым сигарет располагает к интиму.

Вдохновение - страшная сила, творческая сила.

Демон - душа, и он был изгнан из рая когда-то, не тогда ли, не потому ли все и рухнуло в один миг. Хотя не в один. Мы жили еще столетия. Души неприкаянные метались по земле, а небеса остались бездушными, когда он был изгнан из рая.

Он стремился вернуться назад, он понимал, что они без него не смогут обойтись там, что погибнет мир. А там этого не понимали. Им казалось, что так жить легче и проще.

Когда Герой добирается до священного дуба, чтобы уничтожить зло, так как он его понимает, и переломить иглу, в которой смерть Кощея заключается, он творит добро по отношению к медведю, птице, рыбе, потом, чтобы не оставаться у него в долгу, они должны помочь ему добыть и разбить это яйцо.

Долгое время ни у кого этого не получалось, и мир продолжал жить, но вот пришел добрый и сильный герой. Он добивается своего, Кощей предупреждал и просил его не делать этого, не ради себя, а ради того, чтобы не рухнул мир. Но он не послушался его.

И мы никогда не ведали финала сказки, а ведь вместе с Кощеем мир рухнул, потому что никакой герой из самых добрых побуждений не может разрушать даже того, что ему кажется злом. Герою не ведомо главное - мир был сотворен из золотого яйца, и жил пока не разбили этого яйца, часть его и Кощей, и все то, что нам не нравится, и по нашему разумению должно быть уничтожено.

Мир рухнул, и все помогли этому осуществиться.

Наверное, я размышляю вслух. Старая привычка, произносить то, о чем хочется сказать, чтобы услышать, как будет этот рассказ звучать.

Низкий смех. Так что же - это чудовище создано не моим разумом?

Отбросив одну сигарету, он закуривает другую. Мелькает огонек. И я хочу разглядеть его в этот момент. Невозможно.

У славян был бог Див, вечно менявший свое обличие. Он являлся в тот момент, когда человек пытался совершить нечто страшное, и ослеплял его, лишал памяти. Он застывал на месте, и никак не мог вспомнить, зачем пришел, и что хотел сделать.

Может, потому и жили они разумно, и таких страшных катастроф и разрушений тогда не было. Но где же этот бог теперь, почему он не остановил безумцев? Их становилось все больше и его сил на то не хватало. А потом, ему просто надоело возиться с упрямыми и агрессивными людьми, и он оставил нас.

А не он ли вернулся, только ослеплять нас и лишать памяти и разума не надо - это сделали и без него, тогда возможно, для равновесия и он хочет обратного, вернуть нам тот огонь и ту память, без которой мы оставались столетия.

Демон изгнан из рая, Див в ужасе покинул землю. Нам остались только костры, распятия, насилие. Человек сам создает свой мир, а потом ужасается собственному творению.

Об этом знал Мастер в первой половине 20 века, и его обаятельный профессор, который пытался изменить природу и из собаки сделать человека. Усовершенствовать природу. Вероятно, хотел он как лучше. Что из этого получилось, знает каждый школьник. И снова сон разума породил чудовищ.

А если это был последний шанс и другого уже не давно. Из доброго пса получился скверный человек. Но оглянитесь вокруг, некоторые из людей, не из операционной ли нашего профессора они явились?

И снова смех. А в дыму проплывают люди из другого времени. Сколько красоты и достоинства в каждом лице. Я долго рассматривала в детстве старинные фотографии и никак не могла понять, почему они так притягательны, какая в них скрыта тайна вечная. Теперь понимаю.

- Ты не прогонишь меня? - наконец слышу я его голос.

И понимаю, что не могу изгнать собственную душу, и душу вообще, как бы она не была страшна, черна и одиозная, я не могу остаться без нее совсем.

Облегченный вздох. Погашенная сигарета. Ночь откровения закончилась.

Путь к пониманию, пусть к озарению, как он труден и долог, когда прямоезжанная дорога запоганена и завалена, так, что не пробраться, приходится обходить и объезжать ее, а разбойники со всех сторон. Это былина об Илье Муромце. Ничего на Руси с тех пор не изменилось, стало только хуже, это надо признать.

Как разглядеть и узнать своих и чужих? Ночь откровений закончилась, но ночь откровений продолжается...

№№№№№№

Его так страшно любить. Еще страшней - ненавидеть.
Он Демон, лишенный неба. И ангел не знавший сна.

Его не к чему укорять. И трудно его обидеть.
Он не от мира сего. А в мире этом весна.
И снова расправив крылья. Он пишет свои сказанья
О муках адских и взлете в порыве людских страстей
Порой страшат и тревожат те страшные воспоминанья.
И кажется это правда - за ним придет Люцифер
Но демон - душа в тумане, ты мне однажды сказала,
Он тот, кто тебя обманет, и будет с тобой жесток.
И только в его романе, опять обреченность финала
И тень адмирала бродит, и алым станет восток.
Любить его мы не смеем. Бояться его - напрасно
Он первый поэт и гений, но темная тень страшна
И где-то из бездны ада, он к солнцу идет напрасно
Его принимает море, ласкает его волна.
И снова перо сжимает, и это его сраженье,
Все так же страшно и зримо. Как те в мерцанье огня
И только несутся мимо, забытых сомнений тени
И он из мглы из крошечной опять глядит на меня.
И там где любовь слепая на ненависть так похожа,
Проносится он над миром, едва задев этот свет.
И призраком очень тихим, как будто мороз по коже
Несется к своим созвездьям, туда нам дороги нет.

Ночь откровений-2 Никого ни о чем не проси

Еще одна ночь с Демоном

Когда в тиши перед грозой Перун несется в эти дали,
То кажется, что мы с тобой остались в пустоте печали.
Но все проходит и тогда. Нас только молния осветит.
И будет призраком звезда. И где-то рядом спящий ветер.
Не надо, милый, не буди, так тихо, так теперь спокойно
Но что еще там впереди? Писать роман и жить достойно,
Как это просто, только но, Перун уносится с громами.
И вновь распахнуто окно, и перстень этот, и сама я
То холодею от тоски, то пламенею от участия.

И в высоте чужой строки мне снова грезятся несчастья.
Его никто не любит но, и мимо не пройдут, я знаю.
Какое старое кино, как знак оттуда принимаю.
Тень адмирала и Иртыш, где утонул Ермак когда-то.
И вот теперь там блажь и тишь, но снова видятся утраты.
И монолог мой в пустоту ночное небо повторяет.
И странно яркую звезду то пламя снова освещает.

Когда это началось? 30 июня. Жаркий, почти душный день. Седовласый красавец ворвался в дом, он обещал заехать и привести книжку, только что напечатанную. И они договорились обмыть эту книжку - событие не рядовое, самое главное в жизни, вероятно. Потому, когда с ходу затормозила его новенькая иномарка, она не удивилась.

Но он именно ворвался в дом в тот день.

- Сережка пропал. Его нигде нет. Уже сутки.

-Этого не может быть, -повторяла она, прекрасно понимая, что так все оно и есть.

Разве не было снов и знаков накануне. Разве не старалась она не думать о том, что такое может случиться.

На нем не было лица. Да что там. Тот, кого она в шутку называла женихом - иностранцем, таким ярким, благоухающим и неотразимым он был, стал за один день стариком-иностранцем. Только отдаленно напоминавшим любимца женщин и удачи.

И те и другие в тот день должны были от него отвернуться навсегда, потому что капризной деве, щедро его одаривавшей, что-то не понравилось, а может просто надоело быть рядом, с женщинами и богинями такое случается часто, она покинула его, исчезла.

О таких говорят - Из него словно душу вынули.

Но имя ему Влади - мир, еще вчера он владел этим миром и наслаждался абсолютной властью, которая, как известно и развращает абсолютно.

Теперь она знала, что это значит на деле - вынули душу, но это надо видеть, такого не передашь словами. Хотя почему она должна была беспокоиться об упакованном на все сто человеке, рассекавшем по городу на дорогой иномарке, если Сережка пропал, а с ним ничего ровным счетом не случилось. Он, хотя и подавлен, но жив и невредим. Шок пройдет, останется пустота.

И ясно, что оставаться со своими бедами, сомнениями и страданиями труднее и страшнее. Но где сейчас 18 летний парень, что с ним, как до него дозвониться. Сколько девчонок любящих и любимых рыдают и не находят

себе места. Они впервые ощутили полное бессилие перед судьбой, хотя как можно с таким примириться?

Наверное, тогда, когда она поняла, что никакой бог ей не поможет и даже не посмотрит в их сторону. Так уже было, когда умирал в адских муках любимый учитель, а она, как Левий Матвей, узнала о том, и пришла к нему слишком поздно. Так и теперь она пошла не в храм, она не собиралась ставить свечи. Нет. Пусть старушки верят в то, что он услышит, увидит, опомнится, что у него можно вымолить милость.

- Никогда ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, сами все дадут! .. - утверждал другой персонаж любимого романа. И она еще до того, когда прочитала роман, а особенно после этого жила именно по этом правилу и другого не признавала.

Возможно, за это и была наказана, и они просто хотели добиться, чтобы она начала молить и просить?

Алина молчала и теперь.

Словом можно убить и спасти, - вспомнила она в те дни, слово - бог. К нему и следовало обратиться, когда мало что уже помогало. Через неделю, когда все уже казалось безнадежным, она написала этот текст, и потом так часто повторяла его, что выучила наизусть, и уже повторяла вечером без всяких бумажек, слово в слово.

Ей стало казаться, что если она не произнесет его, то будет еще хуже, хотя куда уж хуже. Но потом, ночью мальчик снился ей спокойным и улыбающимся. И это, как и всем, кто ждал его и любил, дарило хоть какое-то успокоение на время, до следующего вечера.

Вот и на этот раз, перед распахнутым окном Алина смотрела на звезды и твердила чародейский текст, который ОН должен был слышать. И в такие минуты она ощущала себя древней берегиней, и природа была в ее власти. Но достаточно ли этого, чтобы он услышал и вернулся, чтобы не случилось непоправимого?

.....

Какая гроза была этой ночью. Небо разламывалось на части. В комнате вдруг становилось светло, словно днем. Сережа, Сереженька, где ты.

Духота на улице. 5 июля. В небесах яростно гремит Перун. Уже 5 день я не выпускаю из рук сотового. Я вздрагиваю от каждого звонка, и дольше, чем обычно не снимаю трубку, потому что мне очень страшно.

Японский фильм про звонок кажется детской забавой. Он не пугает больше, ничего не может испугать, потому что, как только вырубил кассету, выйдешь на балкон, то начнется обычная жизнь.

Но теперь я знаю, что нам не дано предугадать, как слово, как фильм отзовется в жизни мирного города в самом центре Сибири.

Суровый полковник, который видел значительно больше моего, говорит растерянно - он никогда не бывал растерянным прежде- всегда собран и деловит.

- У нас спокойный город, никаких таких ЧП не случается. То, о чем ты думаешь, этого не может быть.

Я привыкла ему верить, он никогда не обманывал меня прежде.

На Любинском, около бронзовой грустной Любаши фотографируются веселые студенты, вероятно, они только что сдали очередной экзамен, омичи и гости города обязательно приходят сюда. Она безучастно смотрит куда-то вдаль. И я завидую ее спокойствию, но и она так и не заглянула в книгу.

Я слышу голос экскурсовода:

История Любы трогательная и печальная. Жил в Омске старый немец по фамилии Гасфорт, который был генерал - губернатором. В свои 63 года он женился на молодой сибирячке Любе. Недолго длилось стариковское счастье. Заболела сибирячка Люба чахоткой и часто выходила посидеть на лавочке, чтобы погреться на солнышке. Так и сидит она до сих пор на лавочке.

Я не открываю больше в книги. Я смотрю на лица прохожих значительно внимательнее, чем прежде, я молю всех ангелов и богов только о том, чтобы все было по старому, и в этой веселой толпе оказался снова ты, и тогда все, что происходило в эти дни, будет только глупой фантазией, кошмарным сном. А мы знаем, стоит только проснуться, и он исчезнет навсегда. Но кто же смог бы такое придумать.

Но я иду по тем самым улицам.

Около серого дома завершается строительство самого большого храма, его взорвали когда-то, а теперь упорно восстанавливают, с таким же неистовством, как и взрывали. Но для кого их восстанавливают? Для тех, кто потом придет замаливать свои грехи, творить насилие и снова каяться очень искренне от всей души. Их убедили в том, что они заслужат прощения, чего бы ни совершили в этой жизни. Но они, глупцы и негодяи, не знают, что не может быть никакого прощения.

На одной площади два храма и три часовни, в какую сторону не посмотри, и все они возведены в память о тех, кто были насильственно убиты- тени мечутся над моим тихим городом. С Красного Пути сюда стремительно идет Иван Багнюк, от библиотеки Пушкина двигается к храму Олег Чертов, их встречает здесь Ванечка Волохов. Вероятно, им есть, что

сказать всем нам, но нет, Надежда, она не может умереть так быстро.
И снова голос Поэта мне вдогонку:

Какая рука меня в черные списки включила,
Какой дирижер меня вырвал из спетого хора
Прощай....

Сколько раз эти строки дивного философа возникали в душе, кажется, я сама пригласила в дом беду. Но я не могла думать тогда о тебе. Я не могла о тебе думать, потому что более юного и прекрасного и невинного создания не было в мире.

И снова оттуда же:
Ангелы в слезах уходят в небо,
Словно птицы покидают лес.

Вероятно, на небесах не хватает ангелов, нас некому больше хранить. Но если они пришли за вами, тогда зачем жить остальным.

Голубь на подоконнике стучит клювом по стеклу и пристально смотрит на меня, резко распахнулась от ветра форточка. Среди бела дня подкатывает ужас. В руках остается монетка - 1 евро, ты привез ее мне, она должна была принести мне счастье. Сегодня, это единственное, что осталось. И номер телефона, совершенно бесполезный - оператор все время твердит о том, что абонент недоступен.

Птицы, ангелы, операторы, злобные старухи, они все поблизости и живут только для того, чтобы изводить нас. Напоминать о вчерашнем дне, который был таким безоблачным, таким светлым, и после выпускного так много обещал. Но куда все это делось в одно мгновение.

Я впервые почувствовала, как это страшно, говорить в пустоту, когда никто не слышит и не ответит, когда абонент недоступен. Но завтра будет новый день. И он будет лучше этого. Он не может быть хуже, потому что хуже уже некуда. И ты вернешься, ты не можешь не вернуться.
№№№№№№№№№№

Она произнесла этот монолог как обычно, и почему-то вспомнила о Маргарите. Может, потому что за окнами была весна и шабаш ведьм не за горами?

Нет, она не была Маргаритой никогда до сих пор. И всегда хотела любить только такого Мастера, который сам спас бы ее от всех, заслонил спиной на ветру и стер с щек слезинки. Его застрелили 29 февраля далекого 1996 года в подъезде собственного дома, киллер не промахнулся, с тех пор она таких не встречала.

А если такого нет, то никакого другого и не надо было вовсе. Так и жила, не изменяя себе.

Но словно решив помучить ее, Демон послал ей другое испытание. Когда в беде оказался юноша, ее ученик, славный мальчик, который запутался в этот дремучем лесу реальности, она наотрез отказавшись спасти взрослого мужчину, готова была ради него отправиться на все те муки и страдания, которые уже были пройдены другой, не потому ли вглядывалась в глаза каждого черного, да и рыжего кота (она была уверена, что Бегемот мог быть рыжим, да и каким угодно другим, а почему бы и нет, хоть зеленым). Не потому ли в каждом незнакомце она видела Аззелло, который готов был пригласить ее на бал к таинственному иностранцу.

И когда все люди, считавшиеся сильными мира сего, были отмечены, и она убедилась в том, что они не могут ей помочь, к кому оставалось обратиться, к богу, изгнавшему с небес Демона - душу саму.

Нет, она точно знала, что он ей не поможет. Ему уж такая беда случилась на земле, где ангелы и демоны все еще оставались, то там они ничего не вернут и ничего не добьются.

И тогда она открыла «Фауста», вспомнив, как на уроке она им объясняла ту самую часть, где он вызывал силу, вечно желавшую зла и вечно совершавшую благо.

Теперь все, что было описано в знаменитом творении, она изучала пристрастно, читала несколько раз и готова была воплотить в жизнь.

- Не стоит играть с такими силами, - твердила эксцентричная странная дама.

Но когда и каких советов слушала Алина. В такие минуты она готова была совершить все, что можно и даже больше, чем можно, если бы это помогло ему.

- Мефистофеля вызывают три раза. Марта сразу знала его, а Маргарита, та древняя Маргарита потеряла покой, когда он явился, она не могла больше молиться - снова ей напомнила считавшая себя ведьмой. На что она ответила, усмехаясь

- И вечный бой, покой нам только снится.

Все, кто с ней в разное время сталкивались в критических ситуациях, от папы и до Андрея, знали, насколько она может быть упрямой и непредсказуемой, когда движется к заветной цели. Но на этот раз и папа с небес, и Андрей издали должны были очень удивиться тому, что она творила.

Но отступать было слишком поздно. Когда она очнулась в темной комнате, почувствовала запах дорогих сигарет, она сразу поняла, что

добилась своего, потому что никому из смертных не открывала дверь. А он был рядом. И это момент истины.

Если заснуть снова, если не подавать голоса, он еще может уйти, все обойдется, и Сережка навсегда останется по ту сторону старинного зеркала.

Она окликнула его. Рванулась в соседнюю комнату, откуда исходил такой холод, словно она служила им холодильником, морозильной камерой. Силуэт около окна, тусклый свет луны.

- Он пришел, - словно бы в подтверждение того безумства, которое она совершила, заверил кто-то над самым ухом.

Доктору Фаусту хотелось вернуть молодость, испытать страсти и удовольствия, чтобы убедиться в том, что жизнь прекрасна. Ей хотелось значительно большего. Разыскать и увидеть мальчика, чтобы убедиться в том, что он жив и невредим и только.

- Купить можно не все, - произнесла она в отчаянии. Сомнения усиливались.

- Не все, - согласился он, - но это точно можно купить.

О том ли он говорит, понимает ли он, что ей нужно.

Каждая женщина мечтала бы о том, чтобы отдаться ему, как утверждал Аззелло в прошлую ночь, но ей нужно было совсем иное, не обидится ли он, не оскорбится ли, узнав, что она хочет не того, чего все остальные женщины, а совсем другого.

Но если у его ног весь мир, то спокойно переживет он то, что одна хочет не ночи с ним. А исполнения совсем другого желания? Если и ему самому давным-давно ничего такого не надо?

Ведь и Маргарита просила сначала за Фриду, а потом за Пилата, когда сам Воланд был рядом, а не думал ли он, что она попросит о другом? Да почему к нему мы должны подходить с человеческими мерками, что за чушь такая, если он может значительно больше.

Реальность и секс ничто, власть над миром - все.

Он сделает то, что не может для нее сделать ни один самый всесильный и любящий мужчина - он вернет Сережку, а остальное уже не имеет такого большого значения.

И ради этого она переживет новый бал и вынесет, какие угодно страдания.

Вот уж точно, только горе и страдания могут сделать веселую и благополучную женщину ведьмой. И тогда она согласится на любые испытания, и отправится на любой бал.

Алина шагнула в соседнюю комнату.

Так рождалась совсем другая Маргарита.

И это будет другая история, но она будет.

Больше не было бессилия и пустоты в мире, тот, кто курил дорогие сигареты и беззвучно «улыбался одним лишь ртом». Он пришел. Он заполнил собой пустоту.

В городе пахнет весной, как когда-то.
Стайки студентов, как птицы, галдят.
Страшно считать все ошибки, утраты
Только быстрее возвращайся назад.
В этой метели последней и странной
Снова увидим родные черты.
Не заживают старые раны.
Где же сегодня скитаешься ты?

В доме уютном пахнет блинами.
Девочки праздник готовят, как прежде.
Только печаль не пройдет временами.
Только так странно и безнадежно
Вдруг телефон затрезвонит устало
Кто-то другой заблудился наверно.
Как же тебя, дорогой, не хватало,
Скоро весна. Оживает вселенная.
Бабочки- души несутся куда-то.
В шумной толпе отыскать так хотелось.
И не смириться нынче с утратой.
И от бессилья душа разболелась.

В доме уютном пахнет блинам
Пахнет весной в нашем городе тихом
Как же бессильны мы временами.
Но отступило дикое Лихо.
Словно русалки в немом хороводе.
Девочки наши кружатся вновь.
Мы не забыли, мы не уходим.
Скоро закончится жуткая ночь.

НОЧЬ 3 ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ ТЕНЬ АДМИРАЛА

Еще продолжалась игра со смертью, собой и судьбою.
И вдруг замолчал адмирал. Прикрывший наш город собою.
И жили мы столько часов, и дней в этой славе и власти.
Потом кто-то красный пришел. Сметая и разум и страсти
Ему приглашение на суд, а нам только крови лавина
И знали, спокойно умрут с улыбкой последней мужчины.
И пусть задрожат палачи, расстрелом командуя снова.
О как он столетье молчит. И мир, и кровавый и новый
Все помнит в агонии той его нестигаемость, профиль.
Уводит во тьму за собой, у них о пощаде не просит.
И женщина, та, что за ним, шагала в иные стихии.
Увидит пожарища дым, напишет «Погибла Россия»
О чем тогда думал в тиши вонючего он каземата.
- Пиши, - говорили, - пиши, стихия во всем виновата.
На муки идущая вновь, мочала его Маргарита
Останется тень и любовь, и звезды. Но если убита
Душа, то ее воскресить сумеет не тот, кто над нами
Другой, ему свет свой хранить, и снова поникшее знамя
Поднять и идти напролом, стремительна тень адмирала
Столетие с нею живем, надменно, печально, устало

Этой ночью и на самом деле Алине снился Адмирал Александр Васильевич Колчак.

Такими странными бывают сны.

Он снился ей и прежде, только тогда, в детстве она не знала, кто такой - этот человек. Когда-то бабушка показывала фотографии деда в такой же длинной шинели. Потом те фотографии исчезали бесследно, сколько она их не искала - найти не могла.

Бабушка умерла неожиданно, уехав погостить к сыну, и Алина так и не узнала, где они могли быть.

Мать только усмехнулась, когда она спросила о них:

-Ты придумаешь тоже, какой военный, ничего этого не было.

Но детей не обманешь, она видела, или чувствовала, что мать лукавит.

Почему так скверно было у нее на душе?

Она не знала, но чувствовала, что они предали деда. Только зачем, для чего единственная дочь говорила о том, что его никогда не было? Они уверяли, что она все поймет, когда вырастит. Она выросла, но так и не поняла, такой вот глупой, видно уродилась. Тогда он стал ей сниться, потому что ему очень хотелось, чтобы вопреки всему его неведомая внучка помнила о нем.

И она помнила, что он останется с ней навсегда. Он тоже был офицером, как и адмирал Колчак.

А когда на экране старого телевизора в первый раз мелькнуло фото адмирала, она странно сжалась и поняла, что это был он. Вернее, не ее дед, конечно, но человек, стинувший где-то, она могла его только таким и представить, других фотографий не было. И они незаметно слились воедино. Это была не ее вина, а их общая беда. Тогда многие были безлики, даже безымянны, но это противоречило всему, и памяти о них. Если их дети и внуки были живы, как могли они не знать и не помнить тех, кто подарил им эту жизнь, какими бы уважительными не были причины. И она помнила.

№№№№№№№№

Алине снился Адмирал, но почувствовав запах сигарет, она заставила себя проснуться. Хотя это казалось невероятным. Она не могла прервать такой сон. Но там, в реальности, может быть, в первый раз за все время происходило что-то еще более важное, чем здесь, в ее сне.

Он сидел в кресле, повернув его к окну. Кресло могла повернуть и она сама, конечно, но не он. Призраки не могут двигать вещи, а он мог.

Такое было однажды, когда она была влюблена и счастлива, и Андрей сидел в этом кресле перед распахнутым окном, глядя на далекие звезды и стрелы кранов вдали.

Тогда как раз перед их домом, хотя и на приличном расстоянии, возводили новые дома.

Она любила его, так как никого никогда не любила, он был веселым и добрым, совершенно очаровательным парнем, который умел не только смешить ее и вносить в жизнь легкость и невероятное очарование, но и зарабатывать деньги еще когда они были студентами. Большие деньги. Наверное, потому что его обаянию невозможно было не поддаться, и все, с кем он сталкивался, были в его власти. Он был душой компании. И они могли жить долго и счастливо, и даже умереть в один день.

Он полюбил ее стихи, она не сразу поняла, что этот тот человек, который нужен ей раз и навсегда. И когда все это уяснилось, они были по-настоящему счастливы, только потом все полетело кувырком.

А тогда он любил сидеть в этом кресле и смотреть на то, как строят дома, он возвращался домой в полночь, и отпускаясь в кресло, а она поспешно разогревала ужин, ставила его на широкий подоконник. Он, медленно пережевывая пищу, рассказывал о том, что же произошло, и обязательно поворачивался к ней. Ему было важно чувствовать ее и видеть, что она по этому поводу думает.

Она стояла за его спиной, отперевшись на спинку кресла, и говорила о том, что происходило в ее жизни и то, о чем она писала.

Они особенно любили обсуждать какую-нибудь эпоху князя Святослава или Всеволода, так, словно только что оттуда и вернулись. Эпоха для них была живой, на фоне черного ночного неба и строительства нового дома.

№№№№№№№№

Темнота подводит зрение наше. А тогда мы видим того, кого хочется видеть. И только одного желаешь, чтобы продлилось очарование.

- Андрюша.

Алина испугалась собственного голоса, так странно громко прозвучавшего там, и так страшно стало.

- Ты хочешь, чтобы он вернулся, - спросит тот, - кто был в кресле.

Его гибкие длинные пальцы, рубин кольца казался черным. А почему собственно рубин. Это все романтика, навеянная стихами расстрелянного поэта, да что она сегодня все про расстрелы.

Причем здесь адмирал и поэт. Он никогда ей не снился. Но он тоже был расстрелян где-то во взбунтовавшемся Питере.

- Зачем ты пришел, почему мне снился сон про адмирала.

Ее непрошенный гость был немногословен всегда, отдельные слова, которые он почти не связывал в предположения, для филолога странно слышать такую речь. Ей приходилось вслушиваться и гадать, что же там на самом деле происходило, о чем он думал.

Угадать это было невозможно, в третью ночь она уже знала это.

- Расстрел, ты думала о нем, забыла о третьем расстреле.

- Это о чем.

Алина страшно побледнела и отстранилась от кресла.

Она и не заметила, что стояла, оперившись на него, как когда-то с Андреем.

А не слишком ли близко ли на этот раз она была к Незнакомцу. Совсем страх потеряла.

- У палачей были дети и внуки. Иногда, не часто, они тоже становились ими.

- Что ты говоришь.

Алину больно, но запоздало резануло «ты» с которым она к нему обращалась. Что за дичь такая. Даже со школьниками, входя в чужие, а не свои классы, она не позволяла себе такого.

- Все нормальное, пустое вы сердечным ты, как это у классика.

Тогда она поняла, что он спокойно читает ее мысли, и ей стало совершенно жутко от этого открытия.

Такой ужас она испытывала только когда видела покойников.

-Расстреляна была семья императора. И я был там.

Строки романа о том, что Волянд был на распятии Христа, в каком-то новом варианте рождались и существовали рядом с ними.

Как же все перепуталось: адмирал, поэт, император, Волянд на балконе у Пилата. Маргарита, которая спокойно отпустила, своего веселого Мастера, хотя он нуждался в ней, но он никогда ни о чем просить не стал бы. И внешне он сегодня так же весел и обаятелен.

- Ведь ты пришел рассказать мне не о расстреле этих троих, каждый из которых мне безмерно дорог.

- Не за тем, - повторил он, словно эхо ее слова.

- Это должно было случиться.

- Я не хочу этого слышать и знать.

- Но ты знаешь, иначе бы вы не расстались.

- Он просто бросил меня.

- Не лги себе, - незнакомец стал странно жестким, ей даже показалось, что он сжал кулаки, - он никогда не бросил бы тебя, позови его, и он вернется в любой день.

- Нет, я не смогу с этим жить.

- Я пришел сказать тебе другое, если их души положить на две чашки весов, то ни одна из них не перетянет. Просто так легли карты тогда.

- Нет, не говори мне об этом, не терзай меня, я знаю, каким он был.

- Мертвые всегда выигрывают, потому что их больше не в чем упрекнуть, а живые всегда нас чем-то не устраивают, хотя бы потому что они еще живы.

- Умирают лучшие, - повторила Алина.

- Но не в этом случае.

И только теперь почти рухнув на диван, она вспомнила другой разговор, с человеком, которому верила с детства. Он бы никогда не стал ей лгать, но в тот раз, когда она убежала от всех, он тоже говорил, что это русская рулетка.

Они шли по старинному кладбищу, сколько было новых могил на центральной аллее. Они ломились от миллионов, вложенных в надгробья. Она сбилась со счета. Она понимала, кто лежал там. И все же, все же никак не могла успокоиться.

№№№№№№

Алина вспомнила очерк о нем, который писала когда-то, она помнила его почти наизусть.

Омск

Он в город вошел на рассвете,
И замер на миг у черты,
Священник, просторы и ветер,
И звезды. У их высоты
Стоял адмирал отрешенно,
И молча на реку взирал.
И город, от бурь защищенный
встречал. И молчал адмирал.

- Столица России, и лица,
И рядом бушует война.
И чтобы беде не случиться,
Им жертва сегодня нужна.
Они все навеки решили,
Судьбу ее, Боже спаси,
И лишь на просторах Сибири,
Звезде догоревшей светить.

Во мраке родная фигура,
трагедии вечной верна,
Стоит он, печальный и хмурый,
И молча подходит она.
Священник, просторы и ветер,
И звезды. У их высоты,
Он в город вошел на рассвете.
И замер на миг у черты.

18 ноября 1918 года в момент переворота адмирал А.В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Ставка адмирала и российского правительства была расположена в Омске. Здесь он принимал решения в самые критические дни, когда мир разваливался на куски и рушился.

Его обвиняли в кровопролитии. Но как истинный рыцарь, он хотел получить не славу, а победу. Когда в его правительстве выявились заговорщики, он предложил им покинуть Россию и выделил деньги на дорогу.. Отличался удивительной работоспособностью – работал по 18 – 20 часов в сутки. Его все время видели и на передовой, и в тылу. Многие отмечали в наружности и характере его что-то глубоко трагическое. И такой человек выдвинулся на первое место в погибающей стране. Он был

уверен в том, что положено начало конца большевиков и хотел только одного - стереть большевизм с лица земли, уничтожить его, но пришло страшное известие – Германия капитулировала. Союзники отказались от адмирала.

Но трагедия началась еще в тот момент, когда он принимал бремя власти и уже был обречен, и все-таки упорно продолжал борьбу.

Слишком притягательна была личность этого человека, потому так рвались сокрушить его бунтовщики. А он страшно хотел задушить чудовище, все сметавшее безжалостно со своего пути. Он знал о том, как «бесмысленен и беспощаден» русский бунт, но противостоять ему не мог, потому что оставался русским офицером, для которого понятие о чести и достоинстве было превыше всего. И слишком романтичен и честен был этот человек, а политика всегда считается грязным делом. Чудовище, именуемое революцией, победило. И оно безжалостно сокрушило лучших. Первым среди них оказался русский император Николай II. Ничто не могло остановить их в зверствах и бесчинствах, а потом очередь дошла и до его адмирала А.В. Колчака. Когда мы внимательно вслушивались в слова знаменитого романа «Гори, гори моя звезда», то и не подозревали о том, как он связан с нашим адмиралом. Это его любимое произведение, и бытует мнение о том, что стихи писал он сам:

Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда ..

О последних днях адмирала осталось несколько легенд и мифов. И, прежде всего, говорили о возлюбленной адмирала Анне Васильевне Тимиревой, которая повсюду следовала за ним. Это она, пройдя все испытания: ссылки, тюрьмы, аресты и лагеря, сохранила память о своей любви и свидетельство о последних днях жизни адмирала. И не о ней ли думал он, когда слышал поразительные строки:

Умру ли я, но над могилою
Гори, сияй моя звезда..

Она заставила бунтовщиков арестовать себя в Иркутске только для того, чтобы быть ближе к нему. В своих дневниках и воспоминаниях она писала: « Даже если бы мы вырвались из Сибири, он не пережил бы всего этого: не такой он был человек, чтобы писать мемуары где-то в эмиграции, в то время, как люди, следившие за ним, гибли за это». И сам адмирал, рассуждая о войне, писал:

« Война выше человеческой справедливости, она признает только успех, удачу. Горе побежденному». Трудно представить, что ощущал этот человек, когда ему пришлось оставить наш город. Говорят, он до последнего оттягивал отъезд, как правитель охранял казну. И подписал себе смертный

приговор, когда не отдал золотого запаса. Уже по дороге на восток ему предлагали переодеться в солдатское платье и бежать. Он отказался. Для того, чтобы добраться до Владивостока чехи расплатились золотом и жизнью адмирала. И только Анна Васильевна последовала за ним и добилась того, чтобы ее арестовали. Она хотела одного – быть ближе к нему в эти страшные дни.

Последняя записка адмирала, полученная ею в тюрьме, тоже сохранилась: «Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось – только бы нам не расставаться». Когда его спросили о последних желаниях, он попросил, чтобы позволили проститься с ней. Ему не позволили. Большевикам никогда не было дела до чувств. Любовь была им неведома. Тогда он попросил передать жене в Париж, что благословляет сына.

Она слышала, как его уводили и видела в волчок его серую папаху среди черных людей, с которыми он уходил.. А наутро тюремщики прятали глаза, когда переводили ее в общую камеру

Я позвала коменданта и спросила его: « Скажите, он расстрелян?» И он не посмел мне сказать « Нет» « Его увезли, даю вам слово»- ответил он. И солгал, они всегда и всем лгали и кривили душой. Адмирал мог миловать своих врагов, большевики никогда не делали этого – это была для них непозволительная роскошь.

Полвека не могу понять –

Нельзя ничем помочь.

И все уходишь ты опять

В ту роковую ночь

Но если я еще жива,

Наперекор судьбе

То только как любовь твоя

И память о тебе

Рассказывали, что когда на берегу Ангары построилась расстрельная команда, адмиралу предложили завязать глаза - он отказался. Остался прям и непреклонен..

Существует еще одна легенда, с ним связанная:

Адмирал спросил у своих палачей, какое звание у человека, который будет командовать расстрелом

- Комиссар

- В армии такого звания нет

Тогда в рядах палачей произошло замешательство. Они были поражены, когда услышали о том, что он принял на себя командование собственным расстрелом.

Если это и легенда, то о большевиках, которых ждала позднее такая же участь, подобных легенд не слагали. Даже мертвый адмирал пугал своих врагов. Тела свезли на санях на реку и утопили в проруби. Тогда ему было только 45 лет

Это случилось 7 февраля 1921 года, мир рассыпался в прах, и Россия перестала существовать. Иван Бунин в своих записках отмечал, что настанет день, когда имя Александра Васильевича Колчака будет вписано золотыми буквами в учебники истории.

Говорят многие палачи и в Иркутске и в Омске видели тень адмирала. Он стоял печальный и бледный среди всеобщей разрухи, и не было ни одной души, способной понять его и помочь ему.

Давно сгинули в своем аду те, кто пытался изобразить его кровожадным чудовищем. Они упорно хотели сделать его подобным себе. А он был рожден для любви и науки, но судьба заставила его взвалить на свои плечи всю тяжесть власти и ответственность за будущее опустошенной родины. Ноша оказалась непосильной. Так родилась одна из самых страшная трагедия кровавого XX века. Он пережил унижение, разочарование, видел несостоятельность Родины и гибель России. Такие люди не способны спастись и не смогли бы жить в эмиграции.

Когда рука дьявола загасила свечу жизни адмирала, он, как человек глубоко верующий, скорее всего, простил своих палачей, но кровавые войны и беспредел будут продолжаться до тех пор, пока не восторжествует справедливость, и не наступит покаяние для всех нас.

Гори, гори, моя звезда,

Звезда любви приметная

Умирая в страшных муках, он думал, не мог не думать о любви.

Тень адмирала – напоминание всем нам о том, что было совершено в самые жуткие времена, и мольба о прощении и любви. И мы не должны об этом забывать, чтобы трагедия не повторилось снова.

Иркутск

В этом храме венчали когда-то в тиши,

Завтра будут его отпевать.

И сияет звезда отрешенно в тиши,

И приходит в Иркутск он опять.

О как труден и горек и яростен путь,

Снова снятся просторы морей.

Александр Васильевич, вам не заснуть,
В темной комнате все холодней.

Где-то там, за стеной изнывает она,
И останется память хранить.
А в Париже беззвучно рыдает жена,
Пред иконою молча стоит.

Государь император спокоен и тих,
Только смотрит из мглы обреченно,
Но зачем он пришел, для чего он стоит,
О, простит их Господь, оскверненный.

Этот мир догорит. Он уйдет без следа.
И не ведают, что совершают.
В темной комнате снова сияет звезда,
Адмирал больше глаз не смыкает.

- Завяжите глаза, - приказал комиссар,
И тогда начинайте стрелять,
Встрепенулся с усмешкой во мгле адмирал,
А звезда продолжала сиять.

- Кто посмеет коснуться? И снова возня -
Страшный вой или сдавленный крик.
Горстка пьяных солдат. Этот пристальный взгляд.
А звезда все горит и горит.

Он растаял вдали, в вечном плаванье он,
Только тень кораблей и сражений.
И в пустом наслоенье сторевших времен
Остаются священные тени.
№№№№№№№№№№

- Мы не должны об этом забывать, чтобы трагедии не повторилось
снова, мы забыли, и трагедия повторилась. Она повторялась весь 20 век.

Замученный Мастер, в гневе и ярости будет писать своего Волаңда,
понимая, что в нем если не спасение, то отмищение за все, что свершилось
тогда.

А потом это кладбище тех, кому и сорока пяти лет никогда не
исполнится.

Можно много говорить о том, правы они были или не правы, кто перед кем и в чем был виноват. Но она просто видела могилы, могилы, могилы, и никак не кончалась эта странная аллея.

Их можно называть Властелинами Тьмы и Кошечьями, как в сказках наших, только не стоит себе лгать, мир рушится, когда разбито золотое яйцо и герой убивает злодея, разве не триумф поражения, испытывает он. Оно только кажется победой на первый взгляд, а на самом деле все это совсем не так, как кажется.

- Ты не Маргарита, - услышала Алина, - тебе достался славный парень, но ты нашла повод, чтобы расстаться с ним.

Странно заболело сердца, словно его прокололи шпагой.

Но он по-прежнему сидел неподвижно.

И тогда она поняла, что умереть - это не самый худший из выходов. Ведь это не самоубийство.

- Не обольщайся, дорогая, его ты уже давно совершила, а теперь - это только финальный аккорд.

Алина молчала. Она бы и теперь не стала никого и ни о чем просить. Но он рванулся, почти опрокинув кресло, и рванул ее.

- Нет, ты не уйдешь так просто, и думать не смей. Это слишком просто и этому не бывать..

Холод его рук привел ее в чувства, они были ледяными. И как она могла поверить в то, что он позволит ей умереть? Святая наивность. Не для этого же он врвался в дом, все тут перевернув, если не в прямом, то в переносном смысле.

- Нам с тобой еще так много сделать надо.

Он уже отошел в сторону.

Почему-то Алина подумала про поцелуи снежной королевы:

- Если я тебя поцелую в третий раз, то ты умрешь..

Не было никаких поцелуев, о чем это она.

Палачи и жертвы.

Кажется, все они знакомые и чужие в тот миг стояли за его спиной. Но чего они хотели от нее.

- А это ты написать сможешь?

И я сказала: - Смогу.

- Вот теперь уже лучше, - услышала она его голос, - мне уже пора, я ухожу, но я вернусь, тогда все и обсудим.

И снова знаменитая фраза, глупо думать, что он ее произнес случайно.

Но он не может быть Мастером.

Золотой портсигар с треугольником на крышке. Тайный знак совсем другого Мастера.

И ведь если разобраться, то героем там был тот, кто появился на Патриарших в первой, а не в тринадцатой главе, подозрительный иностранец, выбравший эту точку, для того, чтобы состоялся бал. Но если тогда она была самой горячей, то что говорить об этом теперь.

И глыба мрака в комнату ввалилась.
Заполонив собою этот мир.
Она спала, но что тогда случилось.
Какие тени шли тогда за ним.
И зеркала старинного громада,
и силуэт забытого кота.
Не надо, Воланд, этого не надо.
Но снова доиграет до конца
Разбитое яйцо и смерть Кощея,
все это благом кажется сначала.
От холода и от тоски зверея,
зима их нынче вечная встречала
И небеса нависли, как пучина
бездушная, и в трепете дорог
Явился Мастер, снов и душ лавина.
Смотрел из мрака обреченно кот
Они сюда явились не случайно,
и надо это снова вспомнить вам.
И низкий смех, и призрачная тайна.
И лодка все носилась по волнам
В ладье старинной счастье уплывало.
А глыба мрака в этой пустоте
Когда луна победная сияла.
Остались только блики на холсте

НОЧЬ 4 ТАНЕЦ СМЕРТИ

И чтобы пыл властителя умерить,
и прекратить и ярость, и сраженье

Должна в себя сначала ты поверить,
потом в него, и этот свет ученья.
И сказки вязь, она еще витала,
над городом, над миром, и над ним.
И где-то там забытая сияла его звезда:
- И вместе мы сторим.

На этот раз Алина проснулась от реального телефонного звонка, одновременно верещал сотовый и на всю громкость трезвонил обычный телефон.

Она его выключала чаще всего на ночь, кажется, выключила и на этот раз. Но этот двойной звонок странно на нее подействовал. Никакая мистика не сравнится с тем волнением, которое он вызывал.

И все-таки она сняла эту трубку, уверенная, что звонит один и тот же человек, не для того, чтобы о делах спросить, а разговаривать так было удобнее.

Ночные звонки.

Только однажды, когда объявили о победе ее в каком-то литературном конкурсе, брат позвонил из столицы так же поздно, да и то, потому что забыл напрочь, что у них уже на три часа больше, чем у него там. Все остальные звонки среди ночи ничего хорошего не обещали ей, как и этот.

Марина рыдала так, что понять что-то было невозможно, одно ясно, что случилось беда.

После исчезновения Сережки, ее уже ничего не могло испугать так, но когда она сказала о том, что Костя пропал, это все-таки заставила вздрогнуть и сжаться, словно ее какой-то великан ударил изо всех сил.

Алина не переносила физической боли, но здесь еще и другое примешалось, она и представить себе не могла, что кто-то может ее или другую женщину бить.

Вероятно, прошлая жизнь была бурной и буйной, иначе откуда все это. Ведь никто и никогда в этой ее пальцем не трогал.

Все это было уже знакомо теперь. Хотя могло оказаться просто паникой перепуганной молодой женщины.

Она ненавидела панику в любом ее проявлении, понимая какая это зараза. И потому сердито что-то ответила ей. И помогло, она замолчала сразу.

- Когда он уходил, я чувствовала, что там что-то не так. У меня первый юбилей, ты же знаешь, он хотел мне эту проклятую шубу купить, а денег не хватало.

- Ты хочешь сказать, что он играет в «Казино»? - переспросила Алина

- Я хочу сказать, что он танцует в «Казино», хотя черт его знает, что лучше, - раздалось на той стороне трубки.

И картины, одна страшнее и отвратительнее другой промелькнули перед глазами.

Несколько лет назад, еще в более спокойные времена, Алина дала себе слово, что никогда больше нога ее туда не ступит, так что же могло ее заставить от слова отказаться.

№№№№

Как этот мальчик танцевал. Это Алина видела еще когда ему исполнилось 15, в 17 лет и он уже был победителем многих танцевальных конкурсов. Да что там - танцующий Том Круз, только ярче, выше, эффектнее значительно.

Это она как-то отпустила странный комплемент, который рассмешил многих на школьном вечере.

-Он похож на Тома Круза, только в сто раз лучше.

Трудно сказать, как к нему отнесся бы тот избалованный славой, и уверовавший в собственную неотразимость небожитель, но Костя страшно смутился, при его - то славе немалой он был безнадежно застенчив. И, кажется, с места сдвинуться никак не мог, как не пытался.

Они с Маринкой думали, что это пройдет со временем, но нет, так все и оставалось потом.

Он не стал танцевать на школьном вечере. И тогда она возвращалась домой вместе с ним, а они жили по соседству. И она учила его литературе все эти годы, и ушла из школы, когда он закончил ее. Когда Алина спросила его, почему он не стал танцевать на вечере, просто ли ему надоело или травма не заживает. Он снова смутился, и сказал о том, что не хотел красоваться перед остальными.

И в этом был весь Костя.

На выпускном и еще на праздниках перед выпуском его танцевать все-таки заставили. И зал замер в одном порыве.

Их гимназию трудно было удивить такими выступлениями. Загляните в любой день в актовЫй зал, увешенный зеркалами, и сами все увидите, но здесь особенный случай.

Они все взлетали вместе с ним и медленно отпускались на землю в одном порыве.

Но это был прощальный танец, они все и должны были запомнить его таким.

Водитель в такси взглянул на нее удивленно, и буркнул что-то о том, что пора бы домой возвращаться, а не в «Казино» отправляться. Но она не слышала его бурчания, едва уговорив Маринку остаться дома. Помочь она не сможет, и будет только мешать, а этого ей не надо было.

Алина по дороге думала о том, к кому можно было бы обратиться за помощью в такой час.

И ночи с незнакомцем снова стояли перед глазами.

Наверное, бабушка, и прабабушка обратились бы к иконам и стали молиться до рассвета. Она в такие минуты не могла позволить себе такой роскоши - и знала, что это пустая трата времени.

Но если ты точно знаешь, что бог тебе не поможет, кто тогда остается? Угадайте с трех раз. Вот именно, он самый.

Тень в соседней комнате, тот, чье присутствие она всегда кожей своей ощущала. Только ему она могла что-то такое доверить, хотя не была уверена в том, что все это ни он сам и устроил, и боялась его подозрением оскорбить.

До чего же крепко сидят в душе каждого из нас стереотипы, как мы не можем отделаться оттого, что ангел - это тот, который белый и пушистый, и бездушный, а бес или демон - наоборот.

Но разве всей жизни Мастера была недостаточно, для того, чтобы убедить всех нас, что это не так, это не совсем так. И неотразимый творец слишком дорого заплатил за такое прозрение.

Не он ли снился ей порой, и все время в этих снах говорил о том, что не все так, как кажется? Он мучительно что-то пытался ей поведать, но она никак не слышала его.

Нет, в этом надо убеждаться все время, каждый день, каждую ночь снова и снова. И духи и силы эти были созданы для того, чтобы на деле показать таким вот неверующим, как все на самом деле устроено в этом мире.

Да сколько же все это может продолжаться?

Сколько жертв еще должно быть принесено, чтобы мы точно знали, что первый нас оставит и предаст, не моргнув глазом, а второй будет творить благо, и в прямом, а не переносном смысле. И это в то время, что он та сила, которая должна творить зло.

Водитель затормозил около высокой лестницы. О нее уже разбились судьбы многих и сколько еще бед случится в этом мире, взглянул на нее так, словно видел ведьму во всей ее красе ужасающей, конечно, так, как он ее себе представлял по искаженным и извращенным рассказам о той, которая

спасала, лечила и учила одновременно в древности, да и теперь продолжала заниматься примерно тем же самым.

Но репутация не волновала ее и в более безоблачное время, теперь и подавно.

Алина шустро взбежала по лестнице, и подумала о том, что может и не спуститься назад на своих длинных ногах,

Какие странные мысли нас порой посещают, да еще в такие минуты.

Но она умела мужественно смотреть в глаза опасности. Паниковать и отчаиваться можно будет потом.

№№№№№№

Дымно так, что нечем дышать, - безбожно переврала она известную фразу, и оглянулась по сторонам.

Совсем другой, неведомый мир. И сто лет бы еще его не видеть.

Несколько мужчин оглянулись молча, гадая, кого-то из них она разыскивает, заработать пришла или еще что, а вдруг из милиции, хотя этого они боялись меньше всего на свете.

Она пришла заработать неприятности, и даже знала, как это делается.

В углу в одиночестве сидел и курил человек.

Сразу вспомнился Кастанеда, что-то о том, что вовсе не все, кого мы видим, люди, хотя они и кажется совершенно реальными.

Рубин кольца на пальце. Да, это был рубин, а прошлой ночью во тьме она могла только гадать об этом.

Он смотрел куда-то мимо, но она чувствовала, что он видит ее. И более того, казалось, что он пришел сюда именно затем, чтобы увидеть ее, помочь (какая самоуверенность) или наоборот - добить.

Хотя зачем ему последнее. Здесь столько головорезов, которые по одному его жесту, даже подчиняясь его мысленному приказу все сделают за него.

Вероятно, он вообще никогда и никого не убивал сам. Но и рассчитывать она могла только на его помощь.

Впрочем, все это могло быть только бредом воспаленного воображения.

Она знала, хотя откуда, куда ей надо двигаться, и изящно проскользнула мимо двух типов, шедших навстречу, но ничего больше не видевших там.

Они могли просто наткнуться на нее, как на стенку и даже не заметили бы этого вовсе.

Небольшая красная комната, увитая, как огромный кокон, какой-то бархатной материей - китч в чистом виде. Но ей показалось, что она задыхается и залита кровью.

-Артур, - вырвалось у нее, еще до того, когда она узнала этого человека.

Высокий и поразительно стройный, словно спина не гнулась совсем, он сидел, прислоняясь к спинке кресла.

- Что тебе надо? Пошла вон.

Он всегда был груб и нетерпим, но тогда сдерживался, теперь он пришел в ярость оттого, что она ворвалась в такой момент. Он надеялся, что она не может без него жить, и пришла среди ночи в его объятия - мужское самолюбие - страшная сила. И, наверное, что-то подобное, зная, как он легковерен, она и должна была ему сказать, чтобы усыпить его бдительность, потому что он и на самом деле не знал, зачем она пришла, но очень хотел узнать это теперь.

В тот момент появился Костя, бесшумно открылась дверь где-то сбоку.

И они уставились друг на друга.

- Зачем вы здесь, - почти прошептал он.

- Я пришла за тобой.

Это было большой глупостью с ее стороны, показать, что они знакомы и признаться в том, что она не к нему явилась, стгорая от страсти, такого восточные мужи не прощают никогда. Но куда же ее хваленный ум и разворотливость делись? Она еще могла себя спасти, а что теперь?

Артур стал медленно подниматься. Было что-то в его взоре такое, что она поняла, - он убьет ее. И хотя он казался худощавым, но был очень силен, тут ничего не скажешь. Она знала это.

- Костя, уходи. - потребовала она.

- Уберешься ты, - услышали они оба, - а он останется со мной до утра, как мне надоели продажные тупые бабы.

И в тот момент, когда ей показалось, что он замахнулся, Артур рухнул, но не только он, закачались пол, стены, и все вокруг, страшный хлопок. Они оба понимали, что произошел взрыв рядом. И она схватила мальчика за руки. И в последний момент, когда она вытолкнула Костю из комнаты, она видела, как потянулся за ними Артур, но какой-то кирпич, или что-то тяжелое летело ему в голову. Дальше она уже ничего не могла видеть.

Немногочисленные люди бежали рядом с ними. Большая часть успела уйти раньше.

Они опустились на ступеньки и посмотрели друг на друга.

Ни слова, ничего.

Наверное, так сидели перед убитым Цезарем его неверные слуги.

И страшные сирены «Скорых» - областная больница в нескольких метрах, оглушили людей, которые понимали, что они могли погибнуть, но этого не случилось.

- Этого и не могло с тобой случиться, - услышала она голос над самым ухом, - а вот мальчик, не знаю, я в том не уверен.

Незнакомец развернулся и молча пошел прочь.

- Кто это? - удивленно спросил у нее Костя.

Значит, он реален, и его видит не только она, но и Волаанда видели и Берлиоз и Бездомный.

- Старый знакомый, думаю, это он спас тебе жизнь.

- Но это были вы, там в этой красной комнате, - противился он.

- В красной комнате была я, знаешь дорогой, не все можно купить в этом мире, но твою жизнь он мне позволил выкупить у смерти. Наверное, твоей маме очень нужна шуба, но ты можешь представить себе, что бы с ней стало, если бы тебя не стало.

Он ничего на это не ответил.

Мимо них пронесли в труповозку безжизненное тело Артура.

Она еще раз посмотрела на красивые черты этого восточного лица, Ратмир да и только.

Сколько этих Ратмиров чувствуют себя хозяевами жизни здесь у них в Сибири. Как все это странно и больно. Но вот теперь еще одна могила на старом кладбище. А вероятно, и не одна, наверняка погиб еще кто-то.

Костя ни о чем ее не спросил.

Они поднялись и пошли домой мимо кафедрального собора.

Дрожащей рукой, как странно теперь дрожали руки, она достала телефон и нажала на кнопку.

- Все хорошо, Марина, он жив и невредим, мы уже идем домой, успокойся. Нет, мы уже ушли, когда прогремел взрыв, мы были уже на лавочке, на улице.

Она лгала на глазах у ребенка, хотя почти никогда так не поступала, но зачем ей было это знать.

Он посмотрел на двери храма.

- Надо поставить свечку, - как - то неуверенно произнес Костя.

- Потом, позднее без меня, я очень устала, - пролепетала она, не желая объяснять, почему не собирается заходить в храм.

Благодарить надо того, кто и на самом деле спас их, а это был вовсе не тот, кого они в огромном этом сооружении найти собираются.

Она простилась с ним у подъезда, и шагнула домой.

Остальное пронеслось как в тумане.

Алина опустилась на ковер и зарыдала, она плакала все сильнее и сильнее, теперь не только руки, но и все тело сотрясалось от рыданий. Она понимала, что не сможет остановиться.

Какое странное это чувство, рыдать и знать, что ты не сможешь больше остановиться.

Холодная тяжелая рука на пепельных волосах, легкое прикосновение.

- Все позади, успокойся.

Мне страшно, ты не можешь представить, как мне страшно.

Почему она была уверена, что рядом стоял папа. Она узнала его ладонь, его голос? Все это иллюзия. Но это не мог быть никто другой.

- Я всегда буду рядом, тем, кем ты меня хочешь видеть, отцом, сыном, братом, мужем, ведь самое главное, чтобы был тот, кого ты хочешь видеть, остальное все не так важно.

И она уже просто сидела, отпустив лицо в ладони, и медленно покачиваясь в разные стороны.

- Скажи, кого они хотели взорвать.

- Никого конкретно и всех разом.

- Потому ты толкнул меня туда?

- А кого мне было еще толкнуть. Артур любил тебя по-своему, любая другая просто не добралась бы до него, а когда он увидел тебя в камеру наблюдения, растерялся только на миг, и этого хватило для того, чтобы их обоих не накрыло там.

- Я почти всегда ненавидела его яростно, особенно когда узнала ближе, - призналась она.

- Охотно верю, только его странные чувства спасли жизнь юному созданию, и такая любовь на что-то годится.

- Но Сережа, ты же знаешь.

И к ее удивлению, она заметила, что его уже не было, просто не было, он растворился.

И только ослепительно белый платок с замысловатым вензелем валялся перед ней на ковре, и дымок сигареты - это все, что осталось от него.

Но она точно знала, что не забудет этого запаха никогда.

№№№№№

И был конкурс бального танца.

Они сидели в первом ряду, когда он черной птицей, самой легкой и прекрасной, пролетел мимо. Марина взглянула на нее и улыбнулась.

- Спасибо тебе, Костя мне все рассказал.

- Ничего не было. Это сон, смотри. Как он прекрасен.

И обе они взглянули на судей, один из них крайний справа. Нет, они не были никогда знакомы, и только красивые руки музыканта и рубин на пальце.

Он безучастно смотрел куда-то вдаль, словно и не был членом жюри.

Кто он и о чем думает. Только вековая печаль в прекрасных глазах встревожили ее и вселили в душу надежду.

Костя победит. И для него это очень важно. Но они будут любить его не меньше, если он займет самое последнее место.

Если бы это помогло вернуть Сережку.

Только в этом случае она сможет распрямить плечи и почувствовать себя счастливой.

А ведь это случится. Этого просто не может не случиться.

Рубин, роза, которую Костя кидал ей, его поцелуй, и улыбка. Как мало и как много надо для счастья.

Какая это все - таки прекрасная штука - жизнь. Она великолепна.

И чтобы пыл властителя умерить,
и прекратить и ярость, и сражение
Должна в себя сначала ты поверить,
потом в него, и этот свет ученья.

И сказки вязь, она еще витала,
над городом, над миром, и над ним
И где-то там забытая сияла его звезда:
- И вместе мы сторим.

Ты говорила, он внимал устало,
что сказка, лишь сплетенные слова.

И как душа во мраке трепетала,
и как была прекрасна и жива
Ты в эти ночи, стать могла любая
для вас последней, но в тиши луна
Опять твои сомненья освещает.

И сказка лишь, когда душа больна
Ему еще поможет, это право,
должна ты нынче снова заслужить.

Соперница твоя глядит лукаво.

И ей он дарит в суматохе жизнь.

Что Аладдин, и Синий Джин
и дева, куда дорога их опять ведет.

Сначала дерзко, а потом несмело,
к тебе по углям он теперь идет.

И ждет его забытое сказанье,
которое должна ты сочинить.

И свет звезды, мигнувший на прощанье,
улыбки спесь старается хранить.

О, этот миг единого порыва,

О, эта боль у жизни на краю.

Какою ты печальной и красивой,

была тогда, и я тебя люблю.
И в сумерках, и в эпоху звездопада,
властитель твой почти спокойно спит
Устав смертельно, ждет Шехерезада,
когда звезда последняя сгорит.

НОЧЬ- 5 НЕЧЕГО НА КОТА ПЕНЯТЬ

(История кота Захара)

Как и у всякой писательницы, у Алины был кот. Рыжий кот Захар.

Она любила собак, но не могла себе позволить держать в доме пса, потому что с ним гулять надо было по часам, а у нее это никак не получалось.

- С ним надо было гулять, а кот и так перебьется, - тяжело вздохнул Захар, когда с мягкого дивана из своего законного угла, когда-то завоеванного с боем, Алина почему-то считала, что коту не место на диване валяться, он разглядывал спину своей хозяйки.

Кот хотел только одного, чтобы она опомнилась и накормила его, наконец.

Он не знал, сколько сейчас времени, но чувствовал, что очень много, почти полночь, а он все еще с обеда ничего не ел, страшно, аж жуть. Тут даже такой невозмутимый, как он озверевает, и что за судьба такая. Он хотел пойти и соседскому попугаю пожаловаться, но вспомнил, что очень поздно, попугай, досыта наевшись, давно спит, пришлось снова назад вернуться.

Она об этом, похоже, совсем забыла - никакой реакции.

- Если так будет продолжаться, то мне надо будет напомнить ей, - размышлял кот.

Даже если она узнает, что он выучил человеческий язык, не так, как сказочный Баюн, конечно, но мяукнуть - Жрать хочу, - вполне может.

Если он чего-то и боялся, то того, что с ней инфаркт случится, и тогда будет еще хуже. Он станет бродячим котом - фильм ужасов и только. Но ведь он хочет, как лучше.

Не только знаменитый дядька, над которым потешалась Алина, разглядывая его на экране телевизора, но и он сам знал, что значит «Хотели, как лучше, а получалось, как всегда»

Нет, убивать ту, которая кормила его, пусть и на так часто, как хотелось, в общем-то не худому коту, он все-таки не собирался.

И опять же, почему он интересно такой толстый? Да потому что ест, как попало и когда придется. А от этого особенно стройным и изящным никто не становился.

Кот затосковал, и уже стал тренироваться, чтобы произнести как можно внятнее ту самую фразу, которой его соседский попугай научил, как оторопел, и почувствовал, что шерсть на нем сама поднимается, и не от голода. Она шевелиться начала и искриться одновременно.

Но в комнате было тихо, Алина не отрывалась от своего компа и ничего не заметила.

Кот почувствовал, что грозит какая-то страшная опасность, и впал в страшную панику. Он не был особенно трусливым, но тут и лев бы, наверное, в мягкий диван вжался.

Здесь кто-то был, он нюхом, как собака, чувствовал, но ничего понять не мог. И ведь был не в первый раз, судя по тому, как он легко в их жилище ориентируется.

Захар понял, что пропустил он что-то важное.

Все ночи предыдущие он спал на лоджии и ничего не слышал. Там столько всего было, что понять, что творится в комнате невозможно.

Но разве мог подумать Захар, что без него в собственном доме, за стеной такое твориться может, да нет, конечно.

А ведь попугай ему говорил, что комнате какие-то тени бродят, а он просто решил, что тот чего-то нанюхался. Его хозяин травку курил, и попугай все время был рядом, хочешь - не хочешь, а травануться легко можно.

Но видно попугай не ошибся.

И что теперь делать?

Впервые кот пожалел о том, что в доме не было пса, ведь охрану хозяйки можно было и на него спереть спокойно. Только где его сейчас возьмешь.

- И не надейся, - послышалось над его ухом, - я тебе еще одного привел.

И на самом деле, когда Захар медленно повернул голову, чтобы разглядеть того, кто мог быть вместе с темным пришельцем. И там такой же черный, совершенно черный кот сидел с прикрытыми плутоватыми глазами.

Он смотрел на Захара так, что тот готов был упасть с дивана. Но кот наоборот запрыгнул и улегся рядом.

- Ты не говорил, что у нее есть кот, да еще такой рыжий, прямо глаза ломит, - обратился пришелец к своему спутнику.

- А я и сам не подозревал о его существовании, - признался тот. - Он где-то прятался. Может, с кошками соседними кувыркался. Но надеюсь, вы подружитесь, мы здесь не в последний раз.

- Не в последний, - согласился кот, - только не требуй невозможного, я терпеть не могу рыжих котов. А он не только рыжий, а еще и противный. Они говорили так, как будто Захара не было рядом, какая наглость.

Захар в собственном доме ощущал себя совершенно чужим, он позабыл о том, что хотел есть, не до еды ему стало. Когда такой кот рядом, этот просто беду принесет, и глазом не моргнет, а еще так ухмыляется.

Но, одолев свой страх, на него что-то нашло, он двинулся туда, где была тень, за спиной у Алины, ничего не видевшей и не знавшей прежде.

Нет, слова он забыл, но шипел и рычал очень громко, да так, что она, очень недовольная, повернулась к нему, и глядя на ковер, где он пытался ей что-то сказать, тяжело вздохнула:

- Ты ведь голодный, жаль, что сосиски с блинами сам из холодильника не достанешь, а мне этот кусочек еще дописать надо.

- Какие блины, - хотелось крикнуть ему, - да этот тип тебя убьет и глазом не моргнет, а кот ему поможет еще в этом. Как можно быть такой беспечной.

Но он не мог говорить, не успев показать этого чуда, лишился дара речи.

Незнакомец незаметно отошел к окну, и, глядя такими виноватыми глазами на своего кота, она пошла следом за ним.

- Только попробуй сказать ей, что мы здесь, - говорил черный кот, шагая рядом и дыша ему прямо в спину.

Он понял, что тот его на лоскутки порвет. И молчал предательски, нет, дома надо собаку заводить определенно. И как только эта парочка уберется, он Алине о том обязательно скажет.

Алина разогрела ему поздний ужин, который мягко должен был переходить в завтрак, зевнула, и спросила:

- А что это у нас так холодно?

Вот где ему понадобился бы язык человеческий, хотя попутай его не так много фраз научил произносить, но все-таки.

Но Захар отпустил голову и молча жевал сосиску, завернутую в блин.

Как он ненавидел себя за то, что пришлось сдавать этим двоим свою хозяйку. Но ведь он был только кот, а они не люди и не коты, в них даже когтями не вцепишься. Хотя он и не пробовал, но догадывался.

Но пока он думал и давился от напряженных раздумий, что-то в соседней комнате происходило, кто-то небольшой явно шлепнулся, может книга какая или еще что.

Но тут же раздались звуки музыки.

Алина сначала встрепелась, и тут же замерла.

Какая это была музыка, и как он играл.

- А почему ты не сказал, что у нас гости?- повернулась она к нему и лицо ее озарилось улыбкой.

- Не знал, что обрадуешься, - буркнул кот, но так отчетливо, что не понять его слов было невозможно.

Но она не заметила этого чуда - вот что музыка творит с людьми.

-Так играть может только герой моего романа, «Лунной сонаты»

Кот понятия о том старом романе, который она написала еще до его рождения, не имел, но понимал, или догадывался, о ком там может идти речь. Это даже он знал, только что теперь делать. Если такой тип рядом, как от него защититься. С котом он еще и попробовал бы связаться, но с двоими даже бойцовский пес, всегда его во дворе третировавший, не справится.

А Алина уже устремилась туда всей душой своей.

Она совсем страх потеряла, как можно бежать к такому музыканту в объятия. Ну, пусть не в объятия, руки его клавишами пока заняты, так это пока. Ведь он об одном только и думает, и коту о том уже намекал.

Она замерла на пороге. Потому что прямо напротив темного музыканта (ей показалось, что там сам Шопен сидит за ее старым роялем) за распахнутым окном, на перилах балкона стоял какой-то тип и целился в нее из пистолета.

Все это казалось невероятным. Минуту назад комната была пустой, но теперь в ней были двое.

Она любила фильмы Джона Ву, где импозантные убийцы, не поймешь, не разберешь Никалас ли это Кейдж или Джон Траволта, где они гоняются друг за другом, и один другого расстреливает, исполняя при этом какой-то невероятный танец, и перья убитой птицы кружатся над ними.

Но сейчас она поняла, что единственный раз переживет подобную сцену в реальности, и дублей точно не будет.

Она стояла в центре комнаты, и в какую сторону бы не бросилась, он догонит ее, выстрел из этого пистолета. Она и спросить и узнать не успеет перед кем и в чем провинилась.

Кот Захар тоже чуть позднее увидел на балконе этого типа, он визгнул, так, что пианист оторвался на миг от рояля, и взглянул туда.

А потом страшный грохот. Этот тип хватался за перила, он сорвался каким-то образом, но черный кот как стрела метнулся к нему, и в ужасе, он расцепил руки.

Пианист, Алина, Захар, и Бегемот, успевший так же ловко вернуться назад, уже были в комнате и внимательно смотрели друг на друга.

По крайней мере, двое из них мало чего понимали, и стремились «врубиться» в то, что тут такое случилось.

Но если Алина просто пребывала в недоумении, то кот знал больше и соображал лучше своей хозяйки, которой всегда было мало дела до реальности. И потому Захару было очень стыдно и перед этим черным котом, который спас им жизнь, и перед этим человеком, умевшим наверняка читать его мысли, не потому ли он улыбался теперь так таинственно, и снисходительно одновременно.

Вот этого не надо, каждый может заблуждаться. И внешность обманчива, а у таких типов, как эти особенно.

Кто же мог знать с самого начала, что явились они не убивать, а спасать.

- Приходится, - заявил Пианист, - если бы ты читал книжки, или хотя бы внимательно слушал хозяйку свою, а не только о еде думал.

Ну, вот уже и попрекает, он о еде и забыл в этой заварушке, нечего клеветать, хотя до их вторжения точно думал. Он не злопамятный, судя по всему, но злой и память у него хорошая.

- Если бы ты книжки слушал, а то и читал, то знал бы, что мы хранители равновесия, и делаем все, для того, чтобы оно существовало в мире. Это люди все делают на добро и зло, а у нас равновесие - главное, и не важно, как называется то, что творить приходится, да ведь и даже кот Бегемот понятие не имеет о том, что такое добро или зло, и только люди самодовольно думают, что это им известно.

-Что-то разговорился я, - спохватился он, когда Алина, не мигая, смотрела на него.

Вернее, она, как и всегда, не могла разглядеть его лица, бог Див у славян, он всегда менял свое обличье. Но он являлся, когда человек задумал что-то злое, и так смотрел на него, что тот забывал обо всем и каменел, потом приходил в себя, но вспомнить куда пошел и что сделать хотел уже никак не мог.

Она не узнала его сразу, но кто же мог подумать, что это и был на самом деле тот самый бог.

Да и откуда ему было взяться в этом мире. Хотя никуда боги не девались, у них могли быть разные имена в разные времена (стихами заговорила), но они не исчезали по воле человека, и хорошо, если в нужном месте появлялись вовремя, как и на этот раз.

- Я уйду, но я вернусь, ты к этому времени мою книжку почитай, - попросил его черный кот, только просил он Захара так, что ясно услышал в голосе его вкрадчивом угрозу: попробуй, только не прочти.

Кот тяжело вздохнул и рухнул на диван на свое любимое место.

- И это пережить, и сердце на куски не разовралось.

Захар так и не понял, сам ли он сочинил стихотворение, или ему только послышалось.

Да и кто его поймет, когда такое в мире творится, а ведь все так тихо и мирно начиналось. Может, ему от голода все померещилось.

Но он уже отрубился, и видел во сне самых красивых в мире бабочек. Они порхали над ним, а одна- сама наглая, на спину уселась. Но он не стал ее стонять. Пусть посидит немного. Она такая красивая, и совсем не тяжелая.

И все-таки мир прекрасен и удивителен, и нечего на кота пенять

НОЧЬ 6 МАРТА ИЛИ МАРГАРИТА

Подруги нагрянули неожиданно.

Они любили преподносить сюрпризы.

Прекрасно понимая, что Алина скорее занята, чем свободна, на ночь глядя они поехали на другой конец города наугад, не позвонив предварительно.

Алины могло, конечно, не оказаться дома, но и Марине и Анне казалось, что она все-таки там, а, открыв дверь, не захлопнет же у них перед носом. Как говорила Анна, она оставалась тактичным человеком.

Конечно, у нее может не оказаться достаточно еды, но это не старые добрые времена их студенчества, когда магазины были пусты. Теперь они на каждом шагу, открыты многие круглосуточно, там даже салаты и блины и фрукты купить можно. Они же не есть пришли к ней, хотя и есть тоже, почему бы и нет, но не это главное - пообщаться.

И можно было доставить себе такое удовольствие, тем более что в последнее время это так редко случалось.

Алина удивленно посмотрела на Захара, когда брякнул домофон. Это мог быть кто угодно, проходивший мимо, ребяташки баловались, кто-то не на свою кнопку нажал, но почему-то ей показалось, что спокойно жизни пришел конец.

Кот недовольно зашевелился, непрошенных гостей, да еще подруг он за версту чувствовал, хотя и мужики не лучше. Те вообще могли оставаться тут и ладно до утра, а то еще и дольше. Нет уж, из двух зол, если бы его кто-то о том спросил, он выбрал бы подружек, конечно.

И они ввалились в тихий дом. Даже сну на мягком родном диване для него пришел конец.

Но его просто переместили на старое кресло на балконе, чтобы он не мешался, и затрещали там. Говорить им, не переговорить всего.

Захар еще посмотрел на наивную и романтичную Марину, для которой никакие года не были страшны, в том плане, что мудрее она не становилась, хотя и не была так уж глупа.

Но вот Анна совсем другое дело - борец со всеми против всех - так бы он ее тогда определил для себя. Этакая железная леди с не менее железными принципами, которая и вовсе непонятно как к его Алине приبلудилась и собиралась оставаться с ней рядом до скончания дней, не меньше.

Захар недовольный, несчастный и брошенный, хотя и покормленный, заснул, и просыпаться пока не собирался.

№№№№№№

Алина даже обрадовалась немного их вторжению, когда свыклась с мыслью, что поработать никак не придется. Можно и передышку устроить, тем более срочных дел все равно у нее пока не было.

Она заволновалась во второй раз, когда поняла, что они ночевать останутся. И на самом деле в такую ночь хороший хозяин собаку свою не пустит, не говоря уж о большем. А это все-таки ее лучшие подруги

Да пусть остаются - места всем хватит.

Она и радовалась и жалела о том, что эта ночь не будет похожа на те пять, которые ей предшествовали. Потому что вторжения точно не случится.

Ее ночной гость, он вряд ли захочет появиться там, где три девицы пьют вино, говорят, почти не закрывая ртов, да и вообще, разговоры их - это же просто жуть. Они конечно не пряжи судьбы, хотя и от них что-то этакое есть. А он в таких кругах не общается, да и зачем это ему надо, собственно.

Анна вспомнила о старом развратнике профессоре, которому она отказала в интиме, а он потом всем рассказывал о том, как она пыталась его соблазнить, а он устоял. И не особенно лестно отзывался обо всех ее прелестях, подозревая черт знает в чем.

Алина смотрела на нее, и с горечью думала о том, сколько может быть комплексов у умной и образованной бабы, если она никогда особенно не училась «науке страсти нежной», а настроена всегда была очень даже серьезно.

Марина хихикнула. Столько шуму было, когда они оба пытались уяснить, кто, кого и как соблазнял, но в каждой версии получалось, что рассказчик чист и невинен, в то время как второй - прямо преступник настоящий.

И вдруг Анна зло повернулась к Алине.

- А ты тоже ему подыгрывала и меня позорила.

Сколько же времени она носила в себе старую обиду, чтобы вот так ее вдруг высказать? Не за этим ли и нагрянули, как снег на голову, хотя порывы были самые благородные, на первый взгляд, они не только ее, но и сами себя готовы были обмануть запросто.

Было что-то или не было, Алина вспомнить не могла даже на трезвую голову, а уж сегодня.

- А как же женская солидарность? - вырвалось у Анны.

Она в те минуты, когда ее надо было от мужиков защищать, а приходилось им с Маринкой делать это почти всегда, неизменно вспоминала про женскую солидарность, хотя во всех других случаях спокойно изрекала, что сами дуры и головой надо думать, а не каким-то другим местом.

Анна пожалела, что о том сказала, потому что они услышали все, о чем не подозревали прежде:

- Не смей меня, какая солидарность, да и почему надо поддерживать дур, которые сами не знаю, чего они хотят? Прутся, куда угодно с первыми бабниками, а потом очень сильно удивляются и возмущаются, ты думала он тебе стихи читать будет и про звезды рассказывать? А он, подлец такой осмелился о другом думать, надо же, невинность сама.

Она и понять не могла, почему вдруг так разошлась.

Марина пыталась их успокоить, и уже произносила что-то о том, что обе они правы, но истина где-то посередине находится, но она замерла на полуслове.

За их спинами кто-то стоял, да еще какой странный, и откуда взялся.

Посмотрев на нее, и спорщицы забыли о том, что их так волновало недавно, зато дрожь и холод чувствовали очень ясно.

Что это было за такое? Откуда.

И они ведь не слышали ни звонка, и Алина двери не открывала, значит, он был в соседней комнате все это время, или.

- Или, - услышали они его голос, на этот раз он не было вовсе приятным, как отметила Алина, каким же он разным может быть в зависимости от того, где и с кем находится.

Девушки окаменели, Маринка с открытым ртом, Анны пыталась и не могла его никак открыть.

- Я всегда знала, что этим кончится, - прохрипела Анна.

- Конечно, чего еще от меня можно было ожидать, - с готовностью подсказала ей ответ Алина.

И снова установилась тишина.

Девушки взглянули друг на друга.

- Но ведь это Мефистофель, ты все-таки дозвалась его.

- Наверное, его можно и так назвать, - согласилась Алина.

И какая - то странная догадка появилась в сознании Анны.

- Неужели я так страшен? - спрашивал он в тот самый миг.

- Нет, но я здесь больше минуты не останусь.

Марина не была так категорична, но она последовала за подружкой, не бросать же ее одну, в городе полу разбитых фонарей. Она и в более страшную историю, чем эта легко вляпаться может и глазом не моргнет

И вот они остались снова вдвоем.

Алина облегченно вздохнула, хотя, вероятно, все получилось скверно. Но кто их просил врываться, судить и осуждать? Она точно не желала этого вовсе.

- Это я виноват, но мне казалось.

- Никто и ни в чем не виноват, - спокойно отвечала она, - случилось то, что случилось, и раньше или позднее, Анна нашла бы причину.

Мигал огонек свечи.

На небесах появилась луна странная и далекая, словно кто-то напомнил ей о беседе Пилата с Мучеником.

Они встретились снова и готовы были продолжить разговор, только вот кому и какие роли достались, наверняка этого сказать в тот миг она никак не могла.

Да и какая разница, если тускло светит луна и им есть о чем поговорить.

Мягкой и странно обаятельной казалась в тот миг его улыбка.

Вот и разберись, что враги и кто друзья твои.

Алина понять этого не могла, и чем дольше жила, тем меньше понимала, такая вот странная у нее получалась жизнь.

Ночь откровения- 7 И та, что отразилась в зеркалах

И та, что отразилась в зеркалах,
старинных, заполняющих собою
Простор души, познала боль и страх,
и правила мечтою и любовью.
Все это я? Во мраке бытия.
Ищу тебя и не хочу признаться,
Что где-то там, где полночь сон даря,
уже не будет в душах отражаться

На этот раз Азazelло появился, не запылится, среди белого дня. И не просто явился, задыхаясь и про себя, а то и вслух произнося нехорошие слова, он сам тащил огромное старинное зеркало.

Если его поставить на землю, то оно, скорее всего, было на половину больше самого беса. Что он скоро и продемонстрировал, опуская зеркало на ковер.

- Ты антикварный или музей ограбил? - поинтересовался кот.

- Поговоришь у меня, шутник, да все антиквары в мире душу свою бы за него отдали, уж не говоря о зеленых, но я его бесплатно Алине принес, скажем так, в подарок. Потянуло на широкие жесты.

- Понятно, - протянул кот, хотя, судя по виду, даже коту в тот момент далеко не все было понятно, а что об остальных говорить?

Та, о которой они говорили, словно ее и в комнате не было, взглянула то на одного, то на другого и улыбнулась.

Странно храбрым она была созданием, если улыбалась, когда к ней вторглись два таких гостя, а может просто легкомысленным и безрассудным, и страх совсем потеряла?

Можно и так сказать.

Но тем временем старинное зеркало было установлено на месте красивого, но стандартного, каких в любом магазине дюжина стоит.

Но Алина и купила такое в свое время, потому что в него не было втиснуто шлейфа из прошлого, всех этих образов, легенд, тайн странных и страшных.

А ведь сколько тайн хранят старинные зеркала, сколько теней и призраков могут наружу вырваться, страшно даже подумать. И души умерших к себе забирают, недаром их закрывают, когда в доме человек умирают, и не просто так они трескаются в пустой квартире, а то и рассыпаются на мелкие осколки.

Нет, там не было ничего такого, и потому она вела себя даже очень спокойно и уверенно, когда принесли и установили то зеркало молодые парни, рабочие магазина.

Пусть странные зеркала остаются у тех, кто ни во что не верит, она бы сама никогда не рискнула принести такое в дом.

Но дареному коню, даже если это зеркало, в зубы не смотрят, особенно когда у тебя появился такой даритель. Она успела догадаться, что подарок такой все равно окажется у тебя, только тогда все еще хуже будет.

- Здравомыслие никому не помешало, - на ее помыслы ответил Азazelло.

Заглянул в зеркало, словно он там мог отразиться, скривился и отправился прочь.

- А там зеркальница есть? - спросила она у кота, так и не рискуя в то зеркало взглянуть.

- Это не ко мне вопрос, изобретал эти штуки вроде не я, а рыжий, ты его и допрашивай.

Но Алина смотрела на него, кот заерзал на месте и решил все-таки ей ответить:

- Это у вас, чего нехватишься, ничего нет, как Мессир говаривал когда-то,- при этом он тяжело вздохнул, - а у нас есть все.

И хотя кот говорил тихо и ласково, но шипение в голосе его слышалось зловещее.

Она знала о духах зеркал, которые жили на той стороне прозрачного полотна. Они были созданиями очень капризными, и всегда хотели соединиться с тем, кто в зеркало смотрится, чтобы тело обрести. Только нравились им, в отличие от других духов, исключительно женские тела, потому что они женского рода и оказались.

Духов зеркальница не любила, потому они, сколько не старались, не отражались в ней, сначала хотели как-то пробраться в заповедный мир, но потом и пытаться перестали - гордые очень были.

№№№№

А тем временем в комнате Алины средь бела дня исчез Азazelло без всякого предупреждения, гордо выпятив грудь вперед, и оставил их - двух котов и писательницу перед этой бездной.

- Слабо заглянуть туда?- подначивал ее кот.

- А вот и не слабо, - произнесла она, распустила волосы и уселась в кресло, услужливо придвинутое ей котом, тот мог быть настоящим джентльменом, когда хотел, правда, хотел он этого не часто, потому и репутация у него была такая сомнительная. Зато его все любили, и даже президентом на одной из радиостанций избрали, там такой опрос был. Так единственного своего соперника профессора Преображенского, он обошел без труда.

- Кто бы мог подумать, - сказал профессор проигравший, - а ведь столько собак для рекламной компании наделал, ничего не помогло.

- Кто бы мог сомневаться, - передразнил его кот, но президентом быть отказался, на что ему такая головная боль? И спокойно уступил свое первенство проигравшему профессору. Тогда тот и испугался по настоящему, команда - то его из Шариковых исключительно состояла, вот и работой, сколько влезет.

№№№№№№№№

Алина поняла, что реальное время перестала течь, почувствовала это кожей, она просто переместилась туда, в серебристую бездну и замерла на ходу.

Чувство невесомости, если бы она испытала его прежде, то сразу поняла бы, что с ней такое творится. Да и почему там надо было ходить по земле, нет, конечно, там можно было парить, когда душа твоя крылата, даже если ты не белой лебедь, а черный ворон. Хотя это крайности, можно и филином оказаться, главное, чтобы парить.

Что это был за мир. Зеркальница ликовала, переместившись в ее тело, и она кружилась в каком-то странном танце, все еще не веря, что это с ней происходит.

-Ты храброе создание.

- А у меня был выбор?

- Нет, наверное, но все-таки.

- Это все он.

- Это все он, - повторила она, прикинувшись бедняжкой Эхо, хотя, как и у кота это было чистое притворство с ее стороны.

- Я видела все его визиты, он хотел отразиться, но я не стала отражать его, в этом есть какая-то своя прелесть. Когда он был богом света Лучезарным, другое дело, там было столько солнечных зайчиков, а ты же знаешь, как я их люблю, а теперь, отражать тьму - это пошло.

- А ты не боишься?

- А чего мне бояться, он слишком разумен, чтобы бороться с маленьким духом, и ты не забыла, что он ни у кого ничего не просит, никогда, потому тут можно быть спокойной. Ты ведь тоже храброй оказалась, когда не прогнала его.

- Да нет, это скорее из вредности.

- А я потешалась над твоими подругами, как они шипели, то яростно, то грозно, то в истерике, прямо клубок змей, хороших ты нашла подруг.

- Они находились сами, но как приходили, так и уходили, вероятно, Он мне нужен был и для того, чтобы расстаться без труда и печали.

- И это верно, только не говори ему о том, ведь Властелины слышать это не особенно приятно. Он думает, что может стодиться для чего-то большего, чем злить и изгонять фальшивых подруг.

- Он мудр и проникателен.

- Но он немного и мужчина, хотя почти забыл эту свою сущность, а ты же знаешь какие они самовлюбленные.

- И все-таки я всегда была с ними, с мужчинами, это лучше, чем бабская ярость и истерика.

- Конечно, это лучше, - согласилась она. - Ты сделала правильный выбор.

- Я его не делала, меня воспитывал настоящий мужчина с рождения, а у этих бедняг их не было. А если и были, то вероятно, лучше, чтобы не было. Как редко достаются нам в отцы настоящие мужчины, а ведь это важнее, чем все те, кто придут позднее, хотя мы упорно убегаем к ним.

- Мне не понять этого, хотя ты, наверное, права, - согласилась она. - Но ведь подруг, наверное, жалко.

- Наверное, - на этот раз Алина решила исполнить роль Эхо. - Если бы это было в первый раз. Но самые верные подруги так часто предавали и подставляли, а я продолжала им верить. Нет, не жалко, да, что его не было тогда рядом, вот уж прав был Мастер, может, он и хотел и хочет зла, но вечно совершает благо.

Ничего на это не ответила Зеркальница. У нее не было и не могло быть подруг, и она до сих пор об этом немного тосковала лунными ночами. А

если это так и есть, то может быть, это ей очень сильно повезло, ведь вглядываясь и выслушивая других, она хранила свою душу, и всегда приятно сознавать, что гадости происходили не с тобой, даже если ты только маленький дух, капризный и непостоянный.

И только теперь заметила Алина, что он рядом, что он идет тяжело в двух шагах, все видит и слышит.

Знакомый запах дорогих сигарет, рубин кольца. Больше и здесь она ничего разглядеть не могла. Но он был рядом - это главное.

-Почему Вы улыбаетесь? - только и спросила Алина

- В первый раз услышал, что я - не абсолютное всё же зло, а это тоже приятно. В кои-то веки доброе слово о себе услышишь..

Дух и женщина, которая здесь тоже черт знает, кем была, теперь вглядывались пристально в него.

- Если ты вглядываешься в бездну, то и она начинает вглядываться в тебя, - наверное, это было главное кредо для зеркальницы. Хотя его потом припишут какому-нибудь философу.

Странно, могут ли быть у злодея такие глаза и такая улыбка.

Но он уже насупился и стал мрачным, и какие-то темные искры от него исходили. Могут ли искры быть темными?

Алина почему-то представила себе, как ее будут терзать тупые критики, для которых это просто находка, но даже в угоду им она не собиралась отказываться от чувств и ощущений. Искры и на самом деле были темными, и все-таки искры.

Что-то подсказало ей, что пора возвращаться назад, но как же не хотелось этого делать.

Ведь снова ворвутся подруги, как накануне, теперь они прибегут ее спасать, уже наверное, все досе собрали на Люцифера, того, каким они сами и сделали Повелителя света - Лучезарного.

Он им нужен был таким, они и сотворили его, и теперь будут упорствовать и спасать ее.

Откуда в нас такая тяга спасать других, от самими же и придуманных бед и несчастий?

Понять это было совершенно невозможно, и ей придется прогнать их, иначе не отстанут, и жить своей жизнью.

Когда она еще раз на него взглянула, то его не было уже. И она точно знала, что когда откроет глаза, то увидит собственную кухню.

Но она не ведала другого, сам Аззелло у плиты готовил кофе. Это был какой -то дьявольский напиток, но как же она была благодарна ему за то, что он был здесь и даже кофе варил.

- Извиняй, в постель не понесу, обычно это после ночи страсти происходит, а ведь нас с тобой ничего не связывает.

- Ничего, - согласилась Алина, - кроме старинного зеркала.

- Господи, какими же тупыми бывают женщины. А еще писательница, при чем здесь зеркало. Это мой подарок, но я вовсе не стану требовать такой жертвы. Хотя может быть, потом когда-то, а пока мне Мессир рога обломает...

Он говорил еще что-то, а она слушала только звуки его противного голоса, гладила кота, слишком тихого и послушного, и пила самый восхитительный в мире кофе.

Как мало надо человеку для счастья. Как хорошо, когда с тобой рядом этот тип, и никто не бежит тебя спасать.

- Как придет, так и уйдет, - заверил ее Рыжий.

И она на этот раз поверила ему. А что ей еще оставалось.

В пропасти старинного зеркала уже мелькали какие-то тени.

И та, что отразилась в зеркалах,
старинных, заполняющих собою
Простор души, познала боль и страх,
и правила мечтою и любовью.
Все это я? Во мраке бытия.
Ищу тебя и не хочу признаться,
Что где-то там, где полночь, сон даря,
уже не будет в душах отражаться.
У зеркала - у бездны на краю,
стою одна и не могу поверить.
Что этот мир загадочный люблю,
мне дороги и беды и потери.
Но только как, шагнув за грань
опять, писать стихи, себя не понимая.
И осужденья и признанья ждать.
Да кто ты есть? И кто же я такая?
И тень Судьбы назначена давно.
В старинной книге все за нас решили.
И зеркала немое полотно,
поведает о том, как прежде жили.
И были мы в бреде или плену
у Вдохновенья, вспыхнет и погаснет.
И снова я, как будущность приму,
весь этот мир, и слезы лить напрасно
Не стану вновь - какая это боль,
какая вечность в душу нам стучится.
И только там, где верность и любовь,

там зеркало опять стирает лица.
И мы уже не отразимся в нем.
Растаем за чертой, туда шагая.
И лишь потом спокойно отдохнем,
пространство или время презирая.
И никакая будущность моя,
уже не властна больше над судьбою.
Тень зеркала , но в нем судьба моя.
Печаль погасла, свет зовут Любовью.
И в вечности и в пропасти времен,
лишь зеркало таинственно и ново.
Что наша жизнь - один прекрасный сон,
а мир печален, дерзок и взволнован.

Ночь откровений 8 Сон об Утренней звезде СВЕТОНОСНЫЙ

Жизнь сон. А сон - это жизнь.

Или только отражение ее в старинном зеркале.

На этот раз они немного поговорили с котом, и Незнакомец решил послать ей сон. И на самом деле старый испытанный способ, не рассказывать же самому историю сна - это не скромно.

Но и еще одно было важным, во сне, а не монотонном рассказе его, где он будет бубнить однообразно, чтобы ненароком чувств своих не выдать, она и узнает о том, что же было в те времена, когда и людей в мире не было, ни одного человека. Какими дальними и тревожными это были времена. И какими счастливыми они были...

И Алина видела сон.

Он был прекрасен.

Если бы ангелы умели завидовать, то они бы точно завидовали ему.

Но они были лишены этого чувства, а потому только удивленно смотрели на хранители света, и понимали, как много ему дано и сколько от него зависит в этом мире.

И только старый Сварог - хранитель огня, был насторожен и печален, не мог понять этого, а может, и не хотел понимать этого, он мучительно думал

о чем-то своем. И не знал тогда еще Светозарный, какая беда над ним уже нависла.

Как часто взирал он на Светоносного сурово, словно не мог на что-то решиться.

Все видел, все замечал Сварог, как тянулись к нему Жива и Морена, да что там. Сама Лада не скрывала своего восторга, когда глядела в эти лучинные глаза.

- Быть беде, - говорил он Велесу, привыкшему считать, что все богини с такими чувствами должны только на него смотреть. Ревность ли это было или забота об остальном мире? Наверное, и то и другое вместе.

Он тоже лишен был зависти, но хотел уберечь и мир и богинь от этого соперничества.

Но как это сделать?

И тогда в один прекрасный миг, когда проносился в своей колеснице Светозарный, уходя на покой, и ничто не предвещало беды. Та колесница пронеслась мимо, и богини метнулись за ним, в надежде провести с ним ночь и каждой хотелось опередить других.

Тут - то и заметила Жива, оказавшаяся проворнее других, что его не было в чертогах собственных.

Мы бы сказали, что он сквозь землю провалился. Но они были на небесах, а потом он просто растворился среди туч.

Морена усмехнулась. Сначала подумали о том, что спрятала его она, но не ведала богиня смерти ничего о нем, сама тосковала и пела унылые песни.

Тогда все в сторону Лады повернулись.

По прекрасному лицу ее текли слезы, но и она ничего не ведала о нем, это было ясно с первого взгляда.

И уже не о ночи страсти беспокоились богини, а о том, что утром рассвета не наступит.

Тогда и бросились они искать его.

Да бесконечны миры, где же там его найдешь, сколько не метались на конях своих резвых, летавших в небесах словно молнии, не могли найти.

И стали думать тогда Сварог с Велесом и Стрибогом, что делать дальше, как быть им с плененным Светозарным.

- Нельзя допустить, чтобы утра не наступило, но и его выпускать из ловушки нельзя, - говорил Стрибог.

Он понимал, что если потом что-то случится, ему придется бегать и исправлять все их ошибки. Он же во всем и виноват окажется.

Переглянулись эти двое.

Туда, в пещеру, где прятали они хранителя света, ушел Сварог со своим молотом, с которым он не расставался прежде.

Никто не ведал, что он там делал, не знали даже, куда уходил он, только все переменялось с той ночи в мире - семь прекрасных ангелов появилось, и в каждом из них была частичка света от Люцифера.

Правда, сияли они не так ослепительно, каждый был хорош по-своему, каждой из богинь досталось по возлюбленному. И опасность миновала - теперь уже не страшно было, если эти семеро вести себя будут вызывающе, парочку и пленить можно для острастки, света убавиться, но не намного. Можно было, и потерять кого, конца света тоже не случится.

Но знали наши боги - творцы и еще одно, не должны эти семеро друг к другу приближаться. И лучше разбросать их в разные места, а если такое случится, тогда снова могут стать они одним Светозарным, одним Люцифером, и снова хлопот с ним не оберешься, потому что знает он, как велика его власть над миром, и помня о том, что они с ним сотворили когда-то, не перед чем не остановиться.

Стрибог вместе с Велесом разбросали их в разные места, и позаботились о том, чтобы оставались они в одиночестве, да и забыли, что в Ирри было, и кто их родителем невольным стал, от кого они произошли.

Многое удалось богам старшим, кроме одного. На сны ангелов повлиять они никак не могли.

И если в реальности те оставались сами собой, и каждый верил, что он единственный и неповторимый, то вот в снах своих порой видели они, то кузнеца и молот, который разбивал тело единое на части, то того другого - ослепительного прекрасного, а то и братьев своих.

Тогда и начинали они их искать, потому что одному в мире никому никогда не хотелось оставаться.

Но кроме одиночества, от которого так хотелось избавиться им, было и еще нечто, что притягивало их друг к другу.

Они не могли ведать этой тайны, они просто знали, что есть какое-то странное притяжение.

Это беспокойство так порой мешало им жить, а то и заставляло совершать какие-то нелепые и странные поступки.

Зорко следили за ними Стрибог, Велес и Семаргл, которым было известно больше, чем Хранителям. Не могли они нового Люцифера допустить в этот мир.

Только порой что-то отвлекало их и мешало им, и тогда они вырывались из-под контроля, и на земле происходили всякие невероятные вещи.

Порой опасность была реальной и ощутимой, и ценой невероятных усилий удавалось потушить это пламя и предотвратить беду.

А что богини?

Они помнили Светозарного, и тосковали без него страшно.

Они стремились к каждому из Хранителей, в желании его отыскать ни перед чем не останавливались, и никак не могли найти, как бы вернуть его назад. Каждому из них чего-то не хватало для полного совпадения в одном из Хранителей.

У них в запасе оставалась вечность и можно было только мечтать о том, что наступит такой миг, когда они увидят своего Люцифера, да что увидят, смогут броситься ему в объятия. И вот тогда...

Но века шли за веками, а времени этого все не наступало. Но и память не позволяла им забыть прекраснейшего, он так и оставался с ними. Он был все время рядом, только в мечтах и грезах им.

И не потому ли порой они улыбались во сне. И любили такие сны больше, чем жизнь саму, потому что в жизни его не было, а там он был так близко, что если сделать еще один шаг, то легко можно было оказаться в его объятиях.

Но нет, этого не происходило. В тот момент они и просыпались.

И знали, что в реальности есть семь хранителей, но нет Утренней Звезды во всем ее блеске.

Грустной была эта история, и она длилась веками. Но все еще не умирала надежда на чудо и на встречу со Светозарным не нынче, так завтра.

Так она и длится до сих пор.

Ангелу снилось, что он Люцифер,
забывший о свете, который хранил.
И там, потерявшись в мирах, среди сфер,
он был и рабом, и властителем был.
Ангелу снилось, что он улетал,
землю оставив на век для других.
Сорвался, разбился в пылу среди скал,
но снова проснулся, и горестный стих
Напел. И осталась земля далеко.
Враги отступили, друзья не вернутся.
И сел он писать о безумье оков,
и снова мечтою на землю вернулся.
Она же в тумане растаяла вдруг.
Она же в обмане его проступила
Перо не упало, в бессилии рук

была вдруг какая-то дивная сила.
И вот в пустоте, он приходит назад.
И в гомоне диком толпы остается.
Какие-то вопли, упреки летят.
И смотрит в туман и беззвучно смеется
Пришедший из ада, да что ему свет,
в обмане увидевший поле сраженья.
И только дымок дорогих сигарет.
И только над бездною этой паренье
Как трудно, как просто, достойно пройти,
и им не ответить на злобу и зависть.
И будет звезда в полумраке светить.
И в этой улыбке страданья остались.
И в этой тревоге такая тоска,
и так торжество проступает внезапно
И черная роза в красивых руках.
И снова рычит кто-то в диком азарте
Собой упиваясь: - Я тоже могу,
я тоже в покое его не оставлю.
И ангел уходит в немую пургу.
И в мире покинутом все против правил.
И только в тиши небосвод заалел,
и странная сила его проступала.
А он все летел, и летел, и летел, туда,
где финал или снова начало.
И музыки этой извечная боль.
И мужество больше его не оставит.
И звезды он видел теперь над собой.
И день наступает, и беды растают

В ту ночь Алина пробудилась на заре, она взглянула в окно.

Медленно плыло по небу алое солнце, каким странным и прекрасным оно было.

Словно бы кто-то ей хотел показать, что все переменялось, что соединились семь ангелов в едином порыве, и он вернулся.

Какая это была странная картина, и ощущение трепетного полета, почти счастья.

Но откуда это, кто мог рассказать ей такое?

Ночь откровений -9 Лирическое отступление

И друзья, и враги в этом зеркале. Послесловие...

Олег Чертов, философ, застрелен наемным убийцей в подъезде собственного дома 29 февраля 1996 года

Он был лучшим, может быть последним нашим ангелом-хранителем, больше их я не встречала в этом мире.

Это был снова февраль и тот роковой день 29 числа, который случается только один раз в четыре года.

Алина очень хотела увидеть Учителя.

Иногда мы сталкиваемся с учителями не на школьной и студенческой скамье, а где-то в мастерской художника, в театре, на вечере, и сразу можно сказать:

- Это он...

Так она и решила в тот момент, когда слушала его.

Бывают удивительные встречи.

И сразу было видно, что пришел он с другой, какой-то далекой звезды, и при всей внешней силе и обаянии, казался страшно незащищенным перед этим миром, словно бы через миг, тот должен был обрушиться на него, как лавина в горах Кавказа потом накрыла последнего героя.

И надо же было тому оказаться в тот день и час там, и он не мог в другом месте и времени появиться.

Потому что усталым, несчастным, заблудившимся в лабиринтах проблем людям, нужен был такой ангел, тот, кто явит миру совсем иной образец.

Он был поэтом, хотя тогда она не слышала ни одного его стихотворения.

И как много отдала бы за то, чтобы в этой тихой комнате он в этом кресле, глядя в бездну окна, почитал свои стихи.

Бойтесь своих желаний, они исполняются.

Наверное, мудрое и верное предостережение, но она не боялась уже ничего, и тем более не могли испугать ее милые сердцу тени.

- Не бойтесь своих желаний, пусть они исполняются, и лучше иметь хоть что-то, чем не иметь вовсе ничего.

Так она для себя переименовала знаменитое.

Ночь, луна, звезды, тени, силуэты, стихи... Самые удивительные в мире стихи. Он пришел. Он не мог не прийти в тот момент.

И она слышала самое любимое, то, что давно знала наизусть.

Как вяжет небо этот сих!
Какое горькое значенье:
«Иди. Пора просить прощенья.
Ты загостился у своих.»

Еще не встал из-за стола,
И не разбил еще бокала,
Но как вина осталось мало
Внутри резного хрусталя.

Все круче каменный изгиб,
Бледнее свет и день короче.
Въезжаю в царство вечной ночи
Под ржавый карусельный скрип.

Вперед, зловещие коньки,
Пока рассудок не утрачен,
Авось проскочим на удачу
Меж пальцев дьявольской руки.

Ломая дольнее стекло,
Летит конек на карусели
На роковое новоселье.
Довольно сеять в мире зло.

Пробило время отвечать
За гибельные увлечения.
Пора идти, просить прощенье
Пора прощаться и прощать.

Иногда стихи возникают, рождаются сами собой, на улице, когда спешаешь на свидание или на деловую встречу, в автобусе, в темной комнате.

И под рукой чаще всего не оказывается ручки и бумаги.

А они уже текут в едином порыве, звучат, и их невозможно записать, если нет диктофона.

Вот она и купила эту штуку удобную для стихотворца на всякий случай.

И теперь могла записывать то, что читалось, почти пелось самой собой.

И на этот раз он стоял на журнальном столике перед диваном, и осталось только нажать на кнопку, которую она нашла бы и во тьме.

И тогда и сохранился, благодаря этому чудному устройству ее поэт учителю.

Потом она слушала его много раз, пытаясь различить в записи и его голос, но его там не было, конечно, тишина казалась гробовой, но она добилась главного - ее стихотворение, о котором в противном случае оставалось бы только сожалеть, сохранилось полностью, от первого до последнего слова.

И друзья, и враги в этом зеркале вдруг отразятся,
И уходят одни, а другие врываются в дом.
Я устала жалеть, уговаривать, даже смеяться.
Я прощаюсь, прощая, ну что же и так проживем.
Пусть винят они зеркало - бездну, в которой тонули,
Задыхаясь от ярости, или поспешно любя.
Все вопят и все сетуют, словно снова мы их обманули.
Дорогие мои, это вы разглядели себя
И меня, что же делать, в пылу и страстей и участия
Я бывала такой, как хотелось вам, это мираж.
Эта бездна страданий, и миг запоздалого счастья.
А друзья и враги выбирают и злятся на нас.
Это тоже проходит, и гнев и нелепая ярость.
Мы сжигаем мосты, и стоим у заветной черты.
Но скажи мне, далекий, а что нам в том мире осталось.
Только смутные тени у взлетной стоять полосы.
В этом мире страстей, о наивные милые люди,
Все бывало не так, как хотели вы видеть порой.
И враги, и друзья мне звонить и писать не забудут
Ухожу я до срока, и что же творится со мной.
Там цинизм и жестокость - это так они нынче назвали.
И какое нам дело до тех их забавных имен.
Только в зеркале старом отразились мечты и печали
Адмирал или Мастер, как много у зеркал имен.
Те, кто ими распяты, в экстазе и праведном гневе.
Посмотри-ка старушка, надрывается, тащит дрова.
Полыхает огонь, и душа в этом яростном небе.
Пусть считают, что правы, я вечно была не права.
Нам их суд и экстаз, этот фарс и пустая забава.
А как судят ретиво и друзья, и враги в тишине.
Говорят то о власти, а то о немеркнущей славе.
Что там нынче в почете, и что там сегодня в цене?

Только в зеркале старом, враги и друзья промелькнули.
И теряются где-то, и крик их как шепот шуршит,
Догорела свеча, и минута еще до рассвета
И смеется зеркальница, многих лишивши души.

Написалось, вернее, произносилось это на одном дыхании.

И она почувствовала, что тот третий, он тоже был, даже в этом поэтическом тексте, без него мир никак не мог обойтись, как не старался.

Злой гений, исчадие ада, какие там еще для него имена и определения придумали люди.

Как всегда преувеличивая его значение, чтобы оправдать собственные промахи и косяки.

Сколько глупостей, подлостей и предательств они совершали, и как страшно признаться, что это было, а если есть он, тогда и борьба кажется круче, и сам ты вроде не так виноват, как казалось.

Вот твоя врагиня лопается от ярости, в поисках все новых и новых доказательств и обвинений.

Вот верная подруга, которая вчера замирала от восторга, и не знала, на какую звезду тебя закинуть, вдруг страшно разочаровалась, и теперь гробит с еще большей яростью.

Алина всегда знала, что враги - это не самый страшный зверь, друзья пострашнее бывают, только убеждаться в этом не особенно хотелось.

И ведь если первые просто тупы, злы и нетерпимы, то вторые из благородных чувств все творят, уверенные в собственной правоте, по принципу: если я тебе не скажу, то кто-то же скажет.

И тогда нужны эти две тени. Ангела, чтобы хранить тебя, мягко улыбаясь и защитить спиной на ветру, а если придется, то и слезы с щек утереть, на то он и ангел, но нужен и совсем другой - таинственный и темный злодей, который обнажит все то скверное, что есть в человеке.

Был бы он с тобой рядом, молча терпел, таился, и не подозреваешь того, что случиться может в любой миг, что это мина замедленного действия, бомба с программным управлением.

И раньше или позднее появится кто-то, кто нажмет на кнопку. Повод для этого может быть любой, их много, и не это важно, главное, что если это бомба, то она все равно взорвется, а потому лучше раньше, чем позднее.

И уже непонятно, кому надо быть в большей мере благодарной, тому ли кто хранит тебя и оберегает от таких друзей, с которыми и врагов не надо, или тому, кто тебе покажет их настоящую суть.

И все-таки по старой привычке ты все еще тянешься к ангелу, с ним уютнее и спокойнее, и, наверное, не стоит выяснять отношений с друзьями-приятелями до конца. Так в неведении можно и всю жизнь прожить, конечно, если этот, второй позволит тебе такое.

И снова звучит голос ангела, он выдает свою поэтическую версию того, как это могло быть на самом деле.

Согласно букве адских правил
Вершит бесовская рука,
И рукоятку рычага
Все яростней вращает дьявол.

Скользит вселенская юла
По краю временного поля.
И чья-то пагубная воля
Над миром молот занесла.

Оставим неуютный кров.
Не сожалея на пороге.
Пусть умножают лжепророки
Безумных лжеучеников.

Пусть чаша мира кверху дном,
Тревожит нас судьба иная.
Все чаще птица неземная
Ночами бродит за окном.

За ней! Вернемся в те места,
Где в яви - детские виденья.
Расправим крылья для паренья.
Раскинем руки для креста.

Пока диктофон можно не включать, его голос все равно не запишется, хотя это был бы самый дорогой и лучший в мире подарок на всю оставшуюся жизнь, но чудо техники способно ловить голоса только тех, кто еще на этом, а не на том свете находится.

И грусть охватывает душу, он унесется прочь, он тонко тебе на то намекает, и нет силы, которая смогла бы его удержать, и не отпустить туда. И тогда ты останешься другим.

Он никогда не мечтал о небесах, ему вполне уютно и удобно было и на земле, здесь он и оставался с тех пор все время.

И тебе некуда особенно спешить, и тебе придется оставаться с ним теперь.

И только стихи, последняя связь с тем, кто уже прощается, чтобы в вечный свой дом уйти, и ожидать в покое и смиренье всех, кого он связал с собой.

Как трудно и страшно на этой земле оставаться.
И ангел последний мне машет пробитым крылом.
Пришел Люцифер, да и бесам пора бесноваться.
А ты лишь пиши, и не думай уже не о чем.
Как трудно во тьме, не найдя ни пути ни защиты,
Все двигаться в пропасть, и знать, что добро не спасет.
И снова смотрю в бездну зеркала я деловито.
Там нет тебя больше, но есть Азazelло и Кот.
Зачем они здесь? равновесье хранить и смеяться
Над глупой затеей, забрать и делить наши души.
А знаешь, учитель, я просто устала бояться.
И ненависть их, если буду грустить я, задушит.
А тот, глыба мрака, он где-то над ними смеется,
Ворвется он в полночь, и я ни о чем не прошу.
Мы снова распяты, и странно сжигает нас солнце.
И ангел последний в печали погасит свечу.
Герои ушли, остаются глупцы и злодеи
И циники, милый, меня они так назовут.
- Чего кипятишься, а ну-ка смотрит веселее.
- Чему веселиться, ведь ангелы здесь не живут.
- Да ангелы слабы, но ты не из этой породы.
Ты вынесешь все, и не бойся, иди на пролом.
Пусть в рай попадают, несчастные, дурни, уроды,
Ты сделаешь все и в аду беспощадно своим.
Ругает иль хвалит? Понять не дано мне пустое.
Но просто иду по земле и смотрю в небеса.
И что же нам делать, когда не осталось героев?
И только злодеи способны творить чудеса?

- Что нам остается делать? Только жить, смотреть на небеса и на звезды и оставаться в этом мире.

Не пристало скрываться бегством от всех потерь, в этом есть что-то трагическое и странное.

Он еще улыбнется на прощание и спросит:

#####

Какая рука

Меня в черные списки
включила?

Какой дирижер

меня вывел из спетого хора?
Прощай! Надоело писать мне
под скрежет точила.
Под виселиц скрип
Да под явственный окрик затвора
ОЛЕГ ЧЕРТОВ

И что на это ответить?

Просто жить, пока это возможно, смотреть на небеса и на землю и оставаться в этом мире светлом и прекрасном.

И никакая иная сила и страсть не заменит нам жизни, и в этом она всегда права.

Нам снова говорят о прелестях рая и ужасах ада, только никто никогда оттуда не возвращался, ну кроме Данте может быть, и потому, никого не ведомо то, что там будет на самом деле.

То, что мы как-то успели узнать и понять и реальность, у нас нет ничего другого, нет, и не может быть. Вот вместе с ней мы и остаемся теперь. Она бывает прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла, но она единственное, что у нас еще осталось.

Алина смотрела в небеса, туда, куда уносился поспешно ее ангел, и никак не могла оторвать своего взора от небес бескрайних и восхитительных

Но она оставалась в этом мире. И он волновал ее и привлекал внимание.

№№№№№№№№№№

Потом породили они Люцифера,
В пылу и сомненьях творившего чудо.
И носится черная эта химера.
И ярость, и зло его видно повсюду.
И там, где строка проступает из мрака,
Я вижу другое: полет и паденье.
И снова написана вечная драма.
То слава вдруг вспыхнет, то будет забвенье.
И ангел, летящий с душою куда-то,
В тиши звездопада расскажет внезапно,
Как все забывая, тоску и утраты,
Он с темными силами снова сражался.
И слушая, даже ему не поверю.
Ни слова упрека - темно и печально.
И в нас просыпаются дикие звери
Таковыми глухими немymi ночами.
Но музыка где-то в тиши каземата

И вспышки звезды догоревшей осветят
Того, кто беседовал снова с Пилатом
И кроткими стали все дикие звери.
И маска де Сада валяется рядом
И в полночи светит звезда роковая.
О, мой адмирал, как в тиши звездопада
Мой ангел опальный о доме страдает.
Все было и власть и прекрасная дева.
Да только теперь в тишине увязанья
Лелея добро и не ведая гнева.
Из мрака спешит он ко мне на свиданье
Сон разума порождает ангелов и демонов.

Ночь10 СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ

Чего только в мире не случается, особенно после того, как несколько ночей подряд вы провели в обществе Незнакомца.

- Об этом мечтала бы каждая, но этого не будет, - передразнила она беса, заодно исказив его высказывание.

Словно и раньше не случалось именно того, чего просто не могло быть.

- Этого не может быть, - говорите вы, и через час, или чуть больше именно это и случается.

Сказать, что в 9 вечера она вырубит комп (самое рабочее время) натянет джинсы и кофту и отправится куда - то по набережной - ну это еще могло случиться, хотя почти никогда не бывало, прогуливаться в одиночестве, на глазах у кучи людей.

Только почему в одиночестве, навстречу уже шел Олег, раскинув руки для объятий.

Она не видела его целую вечность, такого занятого парня не было в целом мире вероятно. Но он всегда был ее любимчиком. Ради того, чтобы неожиданно с ним встретиться, она готова была бросить любую работу, даже самую важную.

Только глядя в его темные глаза, она понимала, как важно бывает порой реальность, а не иллюзия.

И все-таки большую часть времени она оставалась там и все никак не могла успокоиться, пока не написан первый роман, второй, третий.

Они были вместе этот тридцатилетний юноша и дама, которой за сорок.

Они шли рядом и были счастливы вместе, только какая-то странная тревога, исходившая вероятно от реки, где когда-то тонул боевой атаман, она не давала покоя Алине, и та думала о том, как странно оказаться здесь и сейчас, и все перепутаться, и отстраниться от привычного такого приятного мира.

Они пошли в тот момент по центральной улице, и как-то странно Олег увлек ее да не куда-то, а в Ночной клуб.

Ни на миг не сомневалась Алина, что это было за заведение, хотя никогда прежде тут не бывала.

Музыка, дым сигарет и приторный запах травы, пьяные странные физиономии, одни из них казались слишком юными, другие, наоборот - старыми и каким-то страшно усталыми, словно жизнь безмерно долгую итожили они в то время.

Она оглянулась на Олега, но в тот момент его не было рядом, он словно бы Мефистофель, исчез где-то, просто растворился.

И Алина растерянно оглянулась по сторонам. Там и на самом деле никого близко не было.

- Зачем я здесь, - спросила она себя.

И ей показалось, что тип с рубином на пальце сидел за пультом, где врубалась музыка.

Но на этот раз ясно было видно его лицо. Он был молод и красив, очень молод и очень красив.

Нет, ее Незнакомец не может быть таким.

Киану Ривз в «Адвокате дьявола» казался стариком невероятным, хотя тогда он произвел на нее впечатление.

- Нет, наши адвокаты и наши дьяволы значительно круче будут, - подумала в тот момент Алина, и никак не могла оторвать от него взора.

Ей показалось, что этот Ди-джей знает...

Но что он может знать собственно, кроме той странной и дисгармоничной музыки, которая наплывала со всех сторон. И все-таки ему ведомо

И потому она тут оказалась и все еще остается.

Вернулся Олег с двумя коктейлями.

- Вам нравится Илья? - спросил он удивленно.

- Нет, он слишком красив, меня такие скорее отталкивают и пугают.

- Не говорите ему, потому что так ему говорят почти все.

- Значит, я просто банальна, - тяжело вздохнула Алина.

Был медленный танец, странно, что здесь мог быть медленный танец, хотя почему нет, когда именно в таком случае и можно было выбрать партнера и ощутить его всеми клетками скорее раздетого, чем одетого тела.

И даже не заметив как она танцевала с Олегом, совсем как на его выпускном. Но красавец Ди-джей, оказавшись все чаще за ее спиной, возникал снова и снова, хотя этого не могло быть.

И тогда она поняла, что ее волнует в нем. Он, скорее всего, все знал о Сережке.

Она не понимала, откуда ей ведомо такое, но казалось, что это так и есть. Но понимала, по его плутоватым глазам она и другое - он ничего не скажет, его можно было порезать на куски

Но почему тогда она здесь, чтобы убедиться в том, что мальчик жив и невредим?

А разве это и без того непонятно ей было?

Олег увлек ее прочь. И с радостью вышла Алина на свежий воздух.

Ей показалось, что Красавец посмотрел ей в след и улыбнулся.

Но он так изо дня в день смотрел на всех проходящих и уходящих наверняка, потому что это была его работа, вероятно, из-за этой голливудской улыбки ему и платили деньги.

Как странно и легко придумать себе то, чего не было, но очень хочется, чтобы так все оно и было.

На темной улице было странно тихо.

Она простилась с Олегом, хотя он хотел наверняка подняться к ней, чтобы еще попить кофе и поговорить как когда-то.

Но она не могла на этот раз допустить этого.

И странно выпрямившись, он отправился к остановке.

Алина поднялась к себе.

Звуки «Лунной сонаты» то наплывали, то уносились прочь. Рояль был весь раскрыт, но не было там никого. Никого из людей точно.

И качнувшись вправо, мир в тот же момент качнулся и влево.

И она закружилась в вальсе, с той высокой тенью. Хотя в момент танца тень не была такой уж бесплотной.

Наверное, так неистово и яростно танцевал последнее танго слепой полковник в знаменитом фильме. Но это было не танго, а вальс, и с радостью и с упоением она танцевала его в тот момент.

Но что это, тот самый ночной клуб.

- Тебе не понравилось там? - спросил он.

- Нет, - говорила она, - как в аду, накурено, душно и нечем дышать.

Зато в раю тепло и тихо только там почему-то никто не стремится оставаться.

- Я тоже о том постоянно думала, - произнесла она, - но, наверное, таки и устроен человек.

И тогда она решилась спросить о самом главном.

- Там на миг мне показалось, что приблизились к разгадке, но так ли это?

- А кто его знает, Одиссей тоже приближался к дому, чтобы от него отстраниться.

- Да, это так,

Она хотела попросить о чем-то, но молчала.

Ночью ей снился красавец Ди-джей, в ее постели в ее объятьях.

Алина знала, что это сон, что такого просто не может быть. Он не может быть с ней. Но возможно другое, а что если он все-таки приоткроет завесу тайны, и она сможет сказать и себе и другим, что самое страшного с Сережкой не случилось, они раньше или позднее увидят его все и смогут облегченно вздохнуть.

Она хотела верить в то, что так это будет, иначе не было никакого смысла.

Ведь и герои, чтобы узнать дорогу или что-то важное, спускались в ад, и снова возвращались назад.

Вот и ей довелось то же самое сделать. Но что теперь будет, что дальше, приблизилась ли она к заветной мечте или от нее снова отделилась?

- Зачем я здесь?

Чтобы убедиться, что ты жив и невредим.

№№№№№№№№

Никогда не смогла бы объяснить Алина, как кружась в вальсе в собственной гостиной, она могла в один миг оказаться на берегу реки.

Наверное, объяснить такое и на самом деле было невозможно.

Только она уже ступила на песок в почти крошечной тьме, невольно выставив вперед руки, как в доме деда, когда были закрыты все ставни, и ничего нельзя было увидеть.

Правда почти в тот же момент появилась луна. И она увидела парня, стремительно к ней приближавшегося.

- Сережа, - невольно вырвалось у нее.

Но это был не он.

Парень был страшно пьян и непонятно, как двигался по берегу, но он пошел дальше, к воде, и со всего размаха туда бросился.

Где-то далеко были крики, и она за ним кинулась через миг, понимая, почему она тут оказалась.

- Он совсем свихнулся, - мелькнуло у Алины.

Она дернула его из воды, он яростно сопротивлялся, но видимо выпитый алкоголь лишил его сил, и он упал в сторону песка, лицом вниз.

Она примела рядом и перевернула его на спину. Брызнула воды на лицо, и только после этого увидела, что перед ней тот самый красавец Диджей из ночного клуба.

Только как же он переменялся за несколько часов. Куда все исчезало. Пьяные люди редко кажутся красивыми, но тут было еще что-то.

- Что с тобой? Пыталась выяснить Алина.

Он закрыл лицо ладонями и молчал.

- Что тебе нужно, зачем ты все время вмешиваешься.

Алина поднялась и пошла прочь, ей показалось, что она столкнулась со своим бывшим мужем, а может в какой другой жизни он и был ее мужем, уж больно все похоже.

И тут он резко поднялся, и догнал ее.

- Подожди, спасла, а теперь бросишь меня одного?

- Минуту назад ты прогнал меня.

- Я сам не знаю что творю.

Они опустились на песок рядом, словно сидели так вечность, и он говорил обо всем на свете.

Алина слушала молча, как психоаналитик, который не может поведать тайну своего пациента никому.

Он, наконец, замолчал, и отвернулся.

Но почему так легко стало, что можно было и взлететь, не потому ли, что он, наконец, сказал то, о чем так долго молчал?

И только одно было не понятно, откуда эта женщина взялась здесь, кто она такая и почему.

Но он не спрашивал, потому что подозревал, что она не ответит на этот вопрос, а может просто не знает ответа?

Уже грянул рассвет.

Алина почувствовала, что замерзла и пора уходить. Какой странной оказалась 9 ночь, та самая, когда душа умершего уходит от стен ада, чтобы подняться в чистилище, а потом, возможно и в рай.

Скорее всего, так и есть. И это тоже надо было пережить тут и сейчас.

Этот мальчик подарит нам музыку снова
И растает в тумане, и сгинет в толпе.

Он красив и умен, он беспечно взволнован.
Но к нему повернувшись, говорю я тебе,
Что у музыки этой есть дивная сила
И она очарует любую мгновенно.
- Он по нраву тебе? - Нет, он слишком красивый.
Этот мальчик веселый уходит наверно
С милой девочкой в полночь и звонко смеется
Я ищу здесь другого, в мерцании странном.
Повторяю устало: - Сережа, Сережа
Столько время прошло, но болят наши раны.

Шумно в клубе ночном, и усталые лица
Никого из знакомых, и этому рада.
Я пришла сюда снова, чтоб в дым обратиться.
Только встреча с тобой всем нам станет наградой.
В этом клубе ночном, суетились чужие
Отрешенно - несчастны печальные лица.
И какие-то тени над нами кружили.
И готов в этом танце с душой моей слиться.

Это слишком чужое, я его покидаю.
И Ди-джей улыбнется не мне на прощанье.
Только руки в порыве бессильно взлетают.
И мерцающий ад назначает свиданье.
Ничего не хочу, ни о чем не жалею.
В тихой комнате вечером буду спокойна
Только легкая тень, только голос Сергея.
Этой музыки спесь, я устала сегодня

Между жизнью и смертью так страшно скитаться
И подобие ада нас снова встречает.
Только он продолжает еще улыбаться.
Только Лунной сонатой он нас провожает....
До встречи..

НОЧЬ 11 ПОСЛЕДНИЙ БОЙ - ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ

Бойтесь своих желаний, они осуществляются, - возник из пустоты голос.

И установилась тишина в полумраке пустого дома.

Затишье после грозы. В такие минуты души ушедших к нам ближе, чем всегда.

Когда влетела эта тень в комнату, Алина отшатнулась.

Она никогда не видела свою главную врагиню прежде, а если и видела, то не запомнила ее вовсе, но сразу же поняла, что это она.

Только если она прошла сквозь железную дверь, (сосед шутил, что ее автоматной очередью не пробить, значит)

Но это только кошмарный сон. Она не желала ей зла.

Вопреки всему не желала.

Сколько яду было вылито за эти два года, сколько сплетен и скандалов, но она повторяла вслед за великой актрисой: спасибо врагам моим, они делают меня сильнее.

Утверждение спорное, его еще проверить надо, но она приняла его на веру.

Потому и Надежда (врагиня с именем Надежда - просто насмешка судьбы) нужна была ей живой, а не мертвой. Для противоборства, для того, чтобы не расслабляться и быть на высоте, а с бесплотной тени, что взять. Нет, она могла желать чего угодно, но точно не хотела ее смерти.

Только распорядиться и своей судьбой она не могла, в уж чужой и давно.

Он худой, высокий, темный стоял за ее спиной, возвышаясь над ней.

Голос на этот раз был странно приятным. Он мог менять его в зависимости от обстановки, наверное:

- Не обольщайся, это не ради тебя сделано, она стольким успела насолить, что я просто решил опередить и спасти других от опрометчивого поступка. Зачем им такое на себя брать?

- А ты? - вырвалось у нее, она вдруг поняла, что они давно были на ты, и все-таки это странно звучало.

- А у меня одним грехом больше, одним меньше, какая разница.

Шутил он, иронизировал, так думал? Кто его знает.

- Я часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо, - повторила Алина.

- Совершенно точно, моя госпожа, - произнес он, немного склонив голову, каким чертовски обаятельным он мог быть, когда хотел этого. Но ведь это сплошное притворство, хотя чем черт не шутит.

-Тогда зачем она здесь.

- За мной последовала, и нашла меня у тебя, хотя этого, вероятно, не ожидала, мы оба были ее врагами, но она нас не связывала в одну цепь.

- Философ, - только и осталось ей сказать.

- А то, станешь тут с вами философом, и палачом, и жертвой и черт знает кем еще, - он так тяжело вздохнул, что Алине хотелось только одного - пожалеть его.

Вы видели когда-нибудь, как в автобусе или общественном месте, когда разговаривают двое (мужчина и женщина), с полуслова понимая друг друга. Такое случается между ними, на них смотрит кто-то третий, не важно мужчина или женщина, он чувствует это удивительное понимание, хотя разговора не услышать и не понять не может, а очень хочется.

И тогда, в момент, когда он уясняет, что для него это непостижимо, он отворачивается и такое презрение вольно или невольно рисуется на его физиономии, что тушите свет. И от непонимания, зависти, собственной тупости все беды людские и происходит. Они могут, а я не могу, они любят друг друга, а меня никто не любит, и что остается, если не получить то, что у них уже есть, хотя бы убрать их со своего пути, чтобы не мозолили глаза, чтобы поднялся хотя бы в собственных глазах. Все так до чертиков просто, что даже противно, а потом можно найти какие угодно причины для того, чтобы оправдать собственную подлость, коварство и борьбу за справедливость - это всегда главный аргумент.

Правда, это происходит при условии, если он все-таки может сообразить, что есть люди иного полета, с иными запросами, а если и на это ума не хватает.

Именно такое создание и стояло перед ними, когда Алина с Пианистом (она назвала его так теперь) беседовали.

Надежда ничего не понимала и злилась, и чем меньше понимала, тем больше злилась.

Как они смеют, что себе позволяют.

А они смели и позволяли.

- Знаешь, во все времена были наглые и напористые шуты при королях и князьях, властелинах одним словом, - начал говорить он, и замолчал, желая, чтобы она продолжила его размышления, в этом был особенный кайф, он точно знал, как это разозлит ту, третью. Ведь хоть о чем-то думать и догадываться она может, хотя и с трудом, но это до нее доходит.

Алина сразу уразумела, что от нее требуется.

- Да, конечно - это особенная порода, они сами себе присвоили право вещать правду, и чувствовали себя королями, не понимая даже, что их просто разыгрывают. Им дают немного воздуха и возможности что-то

сказать, потому что порой, в некоторые мгновения и властелин готов услышать правду о себе, или просто позабавиться, а потом, когда надоедает слушать, просто затыкают рот или голову отрубают, это в зависимости от того, какой нрав у властелина. А они не понимают этого, глотнув немного свободы, мнимой свободы, заигрались и не могут остановиться. И уже голова полетела с плеч, и что-то творится. Может, на миру и смерть красна, только умирать все равно не хочется, так из одного мира в другой и шагают, не понимая ничего, и только вопрошают остальных: - А что случилось, братцы?

- А помнишь, какое замечательное у тебя было стихотворение.

Она взглянула на него, не веря, что он может помнить текст, которого никак не могла припомнить даже она сама.

Нет, Алина лукавила, она прекрасно понимала, о чем идет речь.

И только немного еще поломалась для вида, а потом прочитала:

Он видит себя королем, в своем заточении диком,
И солнце последним лучом, устало коснулась лица.
И в этом его лабиринте, доступном лишь бесам и птицам,
Он эту нелепую пьесу играет легко до конца.

И пусть все в реальности лживо, он с радостью ложь умножает.
И будет читать сиротливо опять монолог короля.
Но солнце в темницу пробьется, и птицы наивно порхают.
И шут в пустоте забывает о мире, в экстазе паря.

О, мой вдохновенный художник, дописана эта картина.
Она нам поведаст снова о странной пустыне души,
И все здесь одни заблужденья, но света, но солнца лавина
Заставит надеяться снова, что наши мечты хороши.

И пусть еще вьются в просторе кирпичной стены эти птицы,
И пусть еще верят наивно в свой трон записные шуты,
И только реальность немая, сквозь бредни его просочится,
И все до конца понимая, ты странную спесь напиши.

И мнили себя королями, и жили в каком-то экстазе,
Давно замурованы были, и там, в пустоте чердака,
Какие-то речи чужие наивно еще повторяли.
Но Мастер вернул нам реальность, она и темна и горька.

Странно сверкали в полумраке глаза непрошеной гостьи. Алине показалось на миг, что это была Марена сама, богиня смерти явилась к ней, если не с собой увести хотела, то посмотреть, чем она живет и что творит тут.

Но нет, не стоило обольщаться. Глупая и упрямая до дикости баба, такие встречались здесь особенно часто. С ней приключилась беда, она раздавлена и перепугана, хотя и мнили себя королями. И надо что-то делать, чтобы она исчезла, убралась из глаз долой, из сердца вон.

И самое смешное, их, как только столкнешься, надо оставить в покое, не вздумайте помогать или объяснять что-то, их хлебом не корми, как только извратить любое слово и устроить скандал.

Пианист в разговоре с ней (Алина отправилась на кухню, чтобы приготовить кофе если не им, то себе самой), он говорил очень кратко и вежливо, словно бы не светском приеме. Она вообще не могла его представить разъяренным, кричащим, вовсе нет, но почему ее заводила именно вежливость.

Странно, как можно не чувствовать все эти страстные интонации, когда за каждым словом подвох, пропасть, ловушка.

Ей было наплевать на Надежду, но его, она не хотела видеть и знать его таким, потому что тень врагини исчезнет. А он останется здесь, рядом. И останется осадок от этого столкновения.

Он взглянул на нее и понял сразу о чем она думает. И отвернулся к окну.

А у Алины в висках стучало;

- Еще немного. Еще чуть - чуть, последний бой, он трудный самый.

Только к лицу ли ему связываться с бабой.

Нет, она не справедлива к своему любимцу, от нее просто отделаться невозможно, вот и весь сказ, и все же, все же.

Раненый зверь всегда бывает особенно опасен.

- Она не на этом, а на том свете, ты же и сама это видишь.

Он был жесток, он не оставлял последнюю надежду, но так было всегда, иногда властелины отрубали головы своим шутам, и самое главное в этом трудном ремесле - не потерять голову, сначала в скандале диком, когда забываешь с кем и о чем ты говоришь, а потом и в прямом смысле. Но человек азартен, а тупой азартен вдвойне, в запале он шагает к пропасти и потом уже не может удержаться, и летит туда без оглядки.

Но если с ней уже случилось и первое, и второе, то, что же тогда остается.

Ей не пришлось даже озвучивать свой вопрос - он напомнил о том, что может читать ее мысли.

- А вот тогда самое страшно, когда мы убиваем врага своего, или он неожиданно умирает, нам кажется, что все завершилось, а ведь « наши мертвые нас не оставят», ты сама знаешь, что тогда вот главное и начинается.

Алина не знала, умирали ее близкие и дорогие люди, она не была причиной смерти кого-то, и не хоронила врагов за неимением таковых, потому и не задумывалось о том, как трудно их душам пересечь границу между мирами.

-Ту самую, которую сначала Святогор, а потом и Яга охраняла. Для этого надо было добраться до ее дома в дремучем лесу, постараться быть вежливым и внимательным, испробовать ее блинов или какой иной пищи - только отведав ее, ты получал прав пересечь границу и оказаться на той стороне. Тогда она и давала волка провожатого, чтобы он на ту сторону переправил, да еще и перед Ниём заступился, если что не так, и властелин тьмы окажется не в духе.

- Но если уходит такая вот Надежда, - Незнакомец кивнул на нее, - и в то время когда ни леса дремучего, ни Яги самой нет и в помине, что ей делать и куда деваться, как не преследовать тех, кого она считает повинным во всех грехах тяжких. Тогда и будет последняя схватка и надо быть особенно осторожным.

Они обе слышали его негромкую, но такую четкую речь, и все это выслушав, тень подпрыгнула на месте, словно ее разоблачили, а ведь так оно и было, и растворилась.

Рвануться на них она уже не могла.

Пианист опустился в кресло.

Он долго молчал, о чем-то размышляя, ночь откровения и столкновения с враждебной силой закончилась, но какой же долго она была.

Молчала Алина, но потом она решилась все-таки спросить.

- Скажи, зачем ты ее привел?

- Ты слишком беспечно, и это притом, что почти ничего о том мире не знаешь, как можно быть такой безрассудной, и сотни ангелов не хватит, чтобы тебя от них защитить. Остается только дивиться тому, что ты до сих пор еще не влипла ни в какую историю.

- У меня есть Берегини, они сильнее любых твоих ангелов.

- Положим не моих, - усмехнулся он, - но Берегини, это и на самом деле круто, только все-таки будь осторожна.

- Ты покидаешь меня?

- Пока нет, но такое может случиться.

Алина отвернулась к окну, чтобы не видеть его глаза (словно она могла их разглядеть) и не выдать своего страха перед ним.

И ей так ясно представилась картина, когда она смотрела на сотню огоньков вдали. Она вдруг увидела всех, кто уходил, из тех, кого удалось припомнить, наверное, кто-то из них держал на нее зло.

Ведь не было священников и отпущения грехов почти весь век, они об этом и не думали, не было даже избушки в дремучем лесу, чтобы спокойно перебраться туда и забыть о земной жизни. И они могли метаться между мирами, и искать тех, с кем можно было свести счеты за то, что рано и не по своей воле ушли, если бы такое случилось, что бы тогда.

Но на ночь глядя об этом лучше совсем не думать, а то страшно и горько становится жить.

Ведь все было спокойно и ничего не случилось.

А теперь она предупреждена и еще более спокойна. Как странно все-таки и необъяснимо этот мир устроен.

Но уже наступил рассвет, и Алина завалилась в постель.

Ей просто хотелось забыться и заснуть.

Такая вот малость.

А во сне она сочиняла стихи, поэтессой заделалась, как определила та, другая неприкаянная душа. Этого она и вовсе переварить и пережить никак не могла.

И стихи были не так плохи, только бы не забыть и записать их:

Три девы прекрасных над миром парили вдали.

Искали напрасно и счастья они и любви.

В истерзанном мире, так трудно, так страшно найти.

И вот уж устали, и сбились те девы с пути.

И нити судьбы человека отдали ему.

А сами в печали, забывшись, ушли в эту тьму.

И что ему делать с судьбою не знает с тех пор.

То бесится с жиру, то снова стреляет в упор.

То пишет доносы, то лучшие строки поэм.

О, Демон измены, измаялся бедный совсем.

И понял, что он не способен без них обойтись.

И видит, что надо вернуть, и прощенья просить.

Поди же туда, а куда? И не ясно ему.

Как больно и страшно решать это все самому.

Три девы прекрасных следят за ним снова в тиши.

О, только б не продал души своей он за гроши.

О, только б остался собой, не транжиря дары.

Но слаб человек, и не знает он правил игры.

И нити судьбы выпускает небрежно из рук,

Ошибки свершает, страдает от диких разлук.

И снова в пустыне любовь он желает найти.

Измаялся бедный и сбился внезапно с пути.

Но девы обиды не могут простить и забыть.

И все завершилось, и рвется в отчаянье нить.

И кто-то завяжет вдруг узел опять на судьбе.

Грядет испытанье, и быть пустоте и беде.
А пряхи все ждут, и витают в небесной дали.
Как хочется Веры, Надежды и Пылкой Любви..

13 июня ПЯТНИЦА Ночь откровений -13

Откровения и прозрения случаются в особенные дни.

Чем не подходит для этого, к примеру, пятница 13 наступившая сразу же после того, когда мы отметили День независимости. Это когда все разбежались, мы, наконец, ощутили себя свободными, сначала опечалились, а потом и возрадовались. Так всегда бывает и со странами и с людьми, так они устроены.

В то, что он появится в этот день, а вернее ночь, сомнений не было.

Но пришел другой.

Хотя это еще надо решить для себя кто из них кто, и страшнее и пронзительнее - призрак или живой парень, которого она знала всегда и не только в этой жизни, вероятно.

Он не был здесь лет 10, а может и больше, Алина не считала дни, месяцы и годы, когда они были рядом, и те, когда не были.

Он улыбнулся:

- Пятница , 13 только в такие дни и должны появляться подобные мне.

Олег поражал ее тем с самого первого дня их знакомства на бескрайнем колхозном поле, куда вывезли на уборку студентов, было такое занятие государственной важности в те времена, и потрясал тем, что он умер угадывать мысли.

Черные глаза его, которые не улыбались, даже когда он улыбался, как два луча мгновенно пронзали душу, и он говорил то, о чем она думала в те минуты.

Потом много всякого случилось. Она была уверена в том, что они не встретятся уже больше никогда, по крайней мере, не в общественном месте, где все было возможно.

Он оглянулся по сторонам - ощутив себя снова хозяином жизни.

Когда-то Алина сказала ему, что этот парень, наверное, родился и в тот же миг, как Гермес, ощутил себя хозяином жизни. И сам Зевс не смел бы ему в том перечить.

Ему очень понравилось то, что она называла его именем этого бога, хотя для посланника он был и тяжеловат немного, но то, что он не только волю богов доносит, но и заставляет исполнять ее по собственному усмотрению, с этим бы никто спорить не стал.

- А мне говорили, что ты счастлива, - произнес он задумчиво, готовый расправиться с лжецами. Таким суровым стал его добродушный взгляд мгновенно.

- Это так, - пыталась защитит их Алина.

Он расхохотался, смеялся долго, и так громко, что, кажется, не мог остановиться и разбудил всех вокруг, кто должен был давно спать.

- Ты это тому типу рассказывай умному, проницательному, гениальному.

Алина промолчала.

- А не говорил ли я тебе с самого начала, держись от поэтов и гениев подальше, ну разве хоть когда-то я тебе желала зла, солнце мое, нет, конечно, и ведь дураку понятно, чем все это кончится.

- Дураку может и понятно, но мне так хотелось достичь чего-то большего умножив усилия.

- Я знаю, чего хотелось тебе, только это невозможно с ними. Странные создания девы наши, они всегда летят в объятия тех, кого с самого первого мгновения стороной оббегать надо. И только самые практичные хватают тех, кого надо, а потом они уже заняты. И остается только надеяться на то, что он станет любовником. Но разве такой участи вы заслужили? Зачем так коверкать и уродовать собственную жизнь. А гениальность их на пару с помешательством ходит, они хитры и изворотливы сначала, а потом там вам не останется места, это точно.

Алина молчала. Он прав, он всегда был прав, как и теперь. Только сколько же всего произойти должно было, чтобы и она это наконец поняла.

- Но зачем ты пришел теперь.

- Потому что тебя защищать и спасать надо, посмотри, во что ты превратилась, я любил свободную, веселую, упрямую девицу, когда мы в первый раз с Сергеем слышали твои стихи, он сказал, что через дюжину лет Ахматова отдыхать будет. А когда он кого обманывал или давал несбыточные прогнозы.

- Все сбылись, кроме одного, мне жаль.

- И не о чем жалеть, проснуться и работать надо, вот и все лекарство от твоей тяжелой, но не смертельной болезни.

Стихи ее пока не были совершенны, но таковыми они обещали быть со временем, в этом филолог по призванию и критик жестокий, но справедливый, Сергей, не сомневался.

- Правда, потом сказки были, - припомнил Олег как все происходило, - но где это все, почему ты оказалась своей среди чужих. И ладно, если бы хоть что-то в тебе от тебя осталось? Помнишь, как ты ненавидела насилие, это же было нечто. Мне приходилось во все драки ввязываться, чтобы остановить этих пьяных придурков. Но разве обязательно человека бить руками и ногами? Разве не страшнее насилие иное, когда тебе слова не дают сказать, строчки написать не дают, когда тебя заставляют озвучивать то, что тебе непонятно, чуждо и противопоказано. И все время повторяют, что у тебя ничего не получается, что ты ни на что не способна сама, только под чутким руководством того, кто все знает? Тебе самой это не показалось странным, ты, что из глуши с двумя классами образования пришла, а не с красным университетским дипломом явилась. Конечно, он не так много значит, но уж для таких комплементов-то точно не годится. Да ведь очень просто все это выяснить.

- Я и выясняла все время.

- Конечно, весь мир на всех сайтах тебе говорил одно, но гений затмил всех, ты настолько его любила? Только не лги мне, а особенно себе.

- Но идея...

- Да какая такая идея стоит слезы ребенка и насилия зверского над талантом, даже над бездарностью, но там хотя бы как-то понять можно, но нет, гениям нашим самоварным таланты подавай, чтобы потом с ними расправиться, и это главное в их реальности. Они словно соперников с дороги убирают, и это называется сотрудничеством у вас?

Они же все революционеры, а ты всегда терпеть не могла революций, тогда почему, зачем это теперь поддалась на эту глупую провокацию? Разве я не был лучшим шоуменом? Ты не поняла еще тогда, как это делается. Ведь там был только дилетантизм, любительщина. Но когда у нас ценились профессионалы, а для женских ушей пара фальшивых, ничем не подтвержденных фраз, этого достаточно? Где в это время твой ум и интуиция были, куда они делись?

Она молчала.

Она давно догадывалась, что рано или поздно эти слова прозвучат. Но то, что это говорил Олег, казалось особенно обидным, хотя надо было слушать, куда деваться.

- Но ты сам не таков?

- Когда и кого я душил? Да если бы это было так, разве ты оказалась бы нынче там, где оказалось. Я отпустил тебя, и совершенно зря, но насилие над женщиной, это каким же садистом надо быть. Но я все время следил и знал, что ты остановишься. Я же тебе говорил, что Маргарита твоя была полной идиоткой, когда связалась с этим Мастером. Ты мне не верила, иногда мне кажется, что те силы, они все это и сделали для того, чтобы ты убедилась в том, что она была идиоткой. Ведь так всегда было, когда ты во что-то особенно яростно не верила, разве не так?

На лице Алины впервые появилась улыбка.

- А вот и нет, в моем повествовании она сорвала свои маски все бесчисленные и никогда не угадаешь, кем стала.

- А что мне угадывать - богиней Ладой, - идея хороша, - он поморщился сам, произнеся то понятие, против которого только что протестовал яростно.

-Только вот какая беда, стоит ли будить и возвращать в этот мир богиню Любви и Гармонии, если воду мутят такие философы и такие гении. Может, лучше ей спать дальше.

Олег сидел в кресте и пил вино молча. Он сказал слишком много из того, что мучило его и тревожило, и все-таки, ему показалось, что и он подлил масла в огонь.

Неужели все мужи таковы? Но что было делать еще в пятницу 13, он привык себя считать той силой, которая вечно хочет добра и вечно зло творит - такие вот странные противоречия вдруг возникают в душе.

№№№№№

Черный всадник за окнами бесится,

увлекая меня за собой,

в эту ночь откровений странных,

где казалось, что жизнь - это бой.

И уже проиграв сражение,

и не в силах это признать,

все искал слепые мишени, чтобы бить больнее опять.

№№№№№№№№

Он взглянул на монитор, там было начало нового повествования:

А я вдруг вспоминала, что сегодня пятница 13, и могло ли быть по-другому?

Когда только черный кот вальяжно бродит по дому. И даже к сосиске своей не прикоснулся, он чувствует мою боль и страх перед свиданием с любимым человеком.

Если бы кот умел говорить, а иногда я подозреваю, что он умеет и заговорит через минут, то он спросил бы меня, как можно бояться того, кого так сильно любишь?

Кота не обмануть, ни в том, что я тебя люблю, ни в том, что боюсь больше, чем любого отпетого преступника и любого покойника (а мне казалось, что в этом мире больше некого бояться).

- Так не бывает, - слышу я голос Домового или моего кота.

Но вероятно, это одно и то же, и эта парочка уводит меня в сказку из пустой квартиры, куда ты можешь в любую минуту нагряться, и тогда мое сердце разорвется не от радости, как это было еще недавно, а от ужаса перед неизбежным.

Домовой и черный кот уводят меня в чудную сказку, и я вижу красавицу Наину рядом с гордым Волхвом, они любят друг друга и счастливы, видимо гений что-то перепутал тогда, я вижу Людмилу, очнувшуюся от сна. Она поднимается навстречу Руслану и теряется где-то в тумане вместе со своим спасителем.

И только у нас с тобой пятница, 13 , время, когда все рушится и земля уходит из-под ног.

Ничего не хочу, ни о чем не жалею, и в топи болот заповедного леса не Руслана, а меня растерзали не волки лютые, нечего на волков пенять, они чаще всего ни в чем не виноваты, а добрые люди, близкие люди, те кому доверял и верил.

Но почему в наших сказках так часто братья убивают, а не враги, почему любимые не рвутся спасти нас, а наоборот, готовы усыпить, убить, оставить в беде?

Так было всегда и в мире ничего не меняется и сегодня.

Пятница 13 . И не только это.

Странная боль не утихнет,
в лесу заповедном прохлада.
Русалки все тише и тише
кружатся в плену звездопада.
И я не спешу попрощаться,
мне к людям не хочется нынче.
И будут устало встречаться,
и будут в бесстрастной пустыне

Любимые мною когда-то,
ушедшие вдаль снегопада,
А вот и настала расплата,
за боль соловьиного сада...

Олег слушал молча ее монолог. Он улыбнулся и понял, что она сама о том же думала, он пришел как раз вовремя, ни раньше и не позднее, чем требовалось.

Он боялся поверить в то, что ему все-таки удалось разбудить мертвую царевну, или это только агония.

Нет, этого не может быть - этого не должно быть, стоило ли сюда приходить, врываться, забыв обо всем, чтобы увидеть, как она умирает?

Хотя и в этом случае, только он мог оставаться рядом, он захлопнул бы дверь перед любим, кто посмел бы в такой час появиться. Но нет, любимые и любящие отрекаются, а вот друзья никогда, они всегда остаются друзьями, тем дружба от всего остального и отличается.

Но нет, он не позволит ей умереть. Слишком много всего было пережито, они столько сделали для того, чтобы сквозь мрак рвануться к звездам, и она не умрет теперь.

Алина зажгла две свечи - тот живой огонь заповедного леса, сколько вечеров тогда они провели у костра за зданием клуба, где жили, о чем только не говорили, тогда он и сказал ей о том, что настанет то время, когда она дотянется до звезд, и он поможет ей в этом.

Это тогда звучало, как сказка.

Ей казалось, что он просто ревнует ее к чудаку - профессору, или хочет, чтобы тот заставил ее ревновать к нему. Но это была не ревность, он просто знал, что должен сделать все, для того, чтобы она была не тенью Блока (а именно этого профессору хотелось, в то болото жертвенности и бесцветности он ее и толкал), а просто далеко позади оставила того самого Блока - такие разные взгляды были у них на происходящее. И Олег вступил в эту борьбу с дерзостью 18 летнего юноши.

Тогда, когда в запале он этим сказал, профессор долго смеялся. Но он не знал, он не мог знать, чудак, погруженный в изыскания, и все часы проводивший над чужими творениями, на что способен Олег ради того, чтобы смеяться последним - он никогда не отступал и не сдавался. И с небес, или из Пекла, профессор должен был увидеть это. И все, кто на их пути вставал - тоже увидят, он сметет все и всех, чтобы потом в толпе взирать на нее и знать, что это его Галатея.

Он ненавидел миф о самовлюбленном художнике, который может и оживил статую, но наверняка сделал ее самым несчастным созданием, потому что он никогда не любил ни одной женщины, и заставил ее подчиниться ему, озвучивать его бредовые речи (у нее не было своего голоса и мыслей своих тоже), и страдать от одиночества и пустоты рядом с ним - это ли не ее удел. Он это усвоил с самого начала, и решил стать совсем другим Пигмалионом, таким которой ее не только оживит, но и сделает счастливой. И даже в годы глухие, которые развели их надолго, он знал, что так будет. Новый Пигмалион - он организует с дерзостью самого классного шоумена триумф поражения для любого гения, который захочет противостоять ему, будь он живым или мертвым, они просто не знают, с кем связались. Но обязательно это узнают. Он всегда будет смеяться последним.

Когда он поднялся из высокого и мягкого кресла, Алина уже мирно спала.

На этом он пока и попрощался, и ушел через дверь, как обычно люди, а не призраки уходят, хватит с нее призраков и всего этого, пора появиться живым людям, тем, кто перевернет этот мир.

Он посмотрел на спящую Алина, поправил плед, поцеловал ее в щеку и улыбнулся.

Взял диктофон и продиктовал своим неповторимо сексапильным голосом стихи, завтра она решит, что написала их сама, да так оно и есть на самом деле, Пигмалион не претендовал на авторство и соавторство, ему этого совсем не надо было. И за окнами заканчивался самый странный день - пятница 13

Вероятно, мы не совместимы,
и любовь - мираж в плену страстей
Снова души наши там, незримо,
в пелене уже чужих людей.
Все что было-глупая ошибка,
и не стоит маяться в глуши.
Вероятно мы не совместимы,
не терзай в отчаянье души.
Сказка остается вечным чудом,
но она растаяла вдали.
Вероятно, больше я не буду
говорить о вере и любви.
А Надежда, луч ее последний,
лишний в этом мире суеты.
Ты забудь страдания и бредни.
Ты умен, и желтые цветы

Бросивший к ногам моим внезапно,
я тебя не смею обвинить.
Вероятно, мы в пылу азарта
просто не сумели полюбить.
И простить нелепые обиды,
и во тьме, друг друга отыскать.
Все испортив, не желая видеть,
я устала верить и прощать.
И уже не в силах улыбаться,
слез не буду лить одна в тиши.
В старых зеркалах не отражаться
потерявшей дивный свет души

ВСПОМНИ СКАЗКУ, СПАСИ ПРИНЦА.

ЗНАКОМСТВО В СЕТИ?

А кто к тебе нагрянет.

Был странный день, и гасли, гасли свечи,
Тьма колдовала над душой, шутя,
Тогда явился в этот темный вечер
Но кто он? Это милое дитя.

И этот муж, на все готов я знаю.
Огонь погас, и видно это знак.
И вот душа в отчаянье у края,
Спешит к нему, и окрыляет мрак.
(из дневника Алины)

Когда-то, на заре туманной юности Алина столкнулась с маньяком.
Настоящим одержимым манией насилия и убийства безумцем.

Тогда еще наркоманов никто в глаза не видел, и человек, заикленный
на чем-то, отрешенный от мира и неменяемый был настоящей редкостью.

Темная улица без единого прохожего, до дома ровно такое расстояние, что может произойти что угодно, и посадки в которые можно надолго спрятать любое тело – все оказалось на ее пути.

Она тогда еще вспомнила своих наивных и воодушевленных соседей, которые с такой радостью привозили и высаживали эти кусты, чтобы у них был город сад.

Алина подумала о том, что когда ты творишь доброе дело, то вовсе неизвестно, чем оно может обернуться вдруг, не местом ли твоей гибели станут те самые зеленые кусты?

Она почему-то подумала о том, что именно погибнет. Странные мысли, которых в таком случае и допускать не стоит, возникли сами собой.

Каблуки, высокие и зыбкие, все время подкашивались, и это было такое чувство бессилия и ярости, и обиды в твои восемнадцать, что оставалось только разрыдаться.

Он шел на полшага позади, и спина ее была беззащитна и открыта. В тот момент, когда рука потянулась к ней - она почувствовала это сразу, да и кто бы не почувствовал такое – сама богиня Морена молча стояла за ее спиной, но что-то зашевелилось, завожилось, словно бы паук, а не человек там был теперь. А от него увернуться, убежать еще труднее.

Первым делом ей хотелось сбросить проклятые туфли и бежать босиком из последних сил, но какая-то сила, и пронзительный крик заставили ее остановиться и оглянуться.

Огромный черный пес нависал над серым, без лица типом, который хрипел, странно дрыгая всеми своими конечностями.

Подошел парень, он немного отстал от своей собаки и спросил:

- Вы как?

У пса и негодя спросил ли он или у нее, Алина так и не поняла, скорее всего, все-таки у нее. Она просто еще долго не верила, что подоспела помощь, и она на самом деле спасена.

Он не убирал собаку, пока не подъехала милиция, рядом валялся нож, которого Алина испугалась уже при свете фонариков, освещавших это место.

№№№№№№№№

Как вскоре выяснилось, мистики никакой не было, уже несколько дней они караулили его, и парень оказался из оперативного отдела, и собака была служебная. Только она-то ни о чем никакого понятия не имела, и пережила то, что страшно было и представить потом, через много лет.

Но нет, худа без добра, с той жуткой ночи она вдруг поняла, что есть какая-то сила, которая всегда отведет от нее беду.

На этот раз это оказались оперативники, но не обязательно они, будет кто-то другой, зверь или человек, или призрак, который встанет между ней и опасностью и ничего другого не случится.

Странная уверенность. Говорят, что если повезло один раз, то это вовсе не значит, что удача улыбнется тебе снова. Пусть говорят, она знала о другом.

А она много лет убеждалась, что так и будет.

Были еще какие-то происшествия, не такие ужасные, конечно, но когда у одного из дебоширов просто оказался открытый перелом, когда он свалился на ровном месте, и ничего страшного случится не должно было, она еще раз в том убедилась.

Древний бог Див не оставлял ее без внимания, и когда он чувствовал, что произойти должно что-то страшное, он неизменно во всем своем блеске слепил злодеев.

По-другому эти происшествия назвать никак нельзя было. Жаль только, что он не особенно спешил на помощь к другим, но нельзя и от него требовать слишком многого.

№№№№№№№№

Помня о происшествиях туманной юности, Алина не боялась знакомиться и приглашать в дом разных людей.

Нет, она не испытывала судьбу, хотя такой же черный пит все время оставался рядом в память о той собаке, она все время покупала себе надежного телохранителя, но и это не главное - никто ничего дурного в этом мире сделать ей не сможет. Ну не в этой жизни. Может быть, в прошлой она погибла от насилия, и теперь к ней была приставлена такая сила, все может быть.

№№№№№№№№

И он пришел однажды.

Сначала ворвался в Интернет дерзко и строптиво, напористо.

Ей просто хотелось поболтать о том, о сем. Но когда он стал настаивать на встрече в реальности, она неожиданно согласилась. Потому что никогда не соглашалась прежде. Потому что вспомнила о той опасности и усмехнулась.

Когда человек перестает бояться, ему хочется вернуть хоть на миг это странное чувство страха, переходящего в ужас. Зачем? Чтобы пережить нечто яркое и жуткое одновременно, такой вот странный каприз. Каждый мечтает о том, чего у него уже нет, не будет в дальнейшем.

Хотя она не верила в то, что этот парень может ее чем-то испугать.

Темная аллея, нож, настоящий насильник, жертвы которого исчислялись десятками и какой-то одинокий и скучающий парень на ее территории, когда в соседней комнате тоже Макс, правда, на четырех лапах, с железной хваткой.

Когда ее любимый братец решил перед своими крутыми друзьями немного похвастаться, он сунул руку собаке в пасть, а дальше все произошло мгновенно, разжимать ее пришлось трем здоровенным детинам железным прутом.

Тогда она, пожалуй, испугалась, хотя и точно не знала почему. Его увезли в больницу, она долго успокаивала пса, не могла заснуть до утра.

Потому бояться чужака (она почему-то так назвала парня), было немного смешно.

Вот свидание и состоялось.

Он и на самом деле оказался чужим среди своих. Высокий, светловолосый, странно похожий на ее первого возлюбленного, которому теперь лет на 20 больше, чем ему, он порывисто прошел в дом.

Ее взор упал на кассету, вместо дисков у нее все еще были кассеты. Она так делала, когда хотела что-то понять в госте. Кассета было сотни три, но взор выхватывал всегда только одну в стройном ряду.

На этот раз она вздрогнула на самом деле. К чему бы это?

Такой же светловолосый кумир миллионов девиц взирала на нее, и взор его казался таким незащищенным и неотразимым.

- Знакомьтесь, Джо Блек, - про себя повторила Алина.

Парень удивленно на нее посмотрел.

Кажется, он, и сам не особенно понимал, почему тут оказался, совсем ничего не понимал из того, что она говорит, только и уходить не собирался.

- Да нет, это я так, фильм вспомнила, у тебя нет девушки, ты не можешь до них дотянуться, близкие тебя в упор не видят?

- Ты ведьма? - спросил он, и, кажется, настал его черед, если не испугаться, то растеряться. Они ни о чем таком не говорили, он вообще не рассказывал о себе, только какие-то общие вещи. Это могло показаться странным, ведь именно к такому общению переписка в Интернете и влекла.

- Ну, можно сказать и так, - неопределенно говорила Алина, - сказочница.

Вот и пусть потом убеждают, что интуиция не играет никакой роли.

Но зачем он здесь? Почему он решил прийти к ней. Он что-то говорил о сексе, но это невозможно, даже если бы они оба воспылали страстью.

И чтобы в чем-то убедиться, она позвала пса:

-Макс.

Парень и пес повернулись к ней одновременно.

Алина рассмеялась, вспомнив оперетту, где герой утверждал, что у жены, любовницы и собаки должно быть одно имя, иначе можно окончательно запутаться.

Но ведь это совсем другая история.

Пес между тем смотрел только на нее.

- Собака,- спросил Макс, словно бы он не был уверен в том, что это на самом деле собака.

- Да с той поры, когда я встретила этого парня, я только с собаками и выхожу на улицу.

Почему она это сказала, откуда ему было знать, о каком времени она говорит?

Братец часто ей говорил, что она порой разговаривает так, словно все должны читать ее мысли и знать, о чем она думает.

Но он, кажется, понял ее вполне.

- Это хорошо, что меня тогда остановили, - заговорил вдруг Макс,- сколько бы бед я успел натворить.

Значит, она не ошиблась, когда вспоминала о своей юности, о страхе, который пережила.

Но ведь это было двадцать лет назад, а он так молод, ему едва двадцать только исполнилось. Дориан Грей, он подарил свою душу дьяволу, а старость портрету. Только этот казался совсем иным, беззащитным и страдающим.

Но если ему и на самом деле двадцать, значит...

Она невольно взглянула в зеркало, напротив которого он остановился, пока расхаживал в волнении по комнате.

Можно было и не сомневаться в том, что он там не отразился.

-Скажи, что произошло тогда, когда приехала милиция?- более странного вопроса не придумать..

Она так на него смотрела, словно этот парень должен был ответить на вопрос, который она задавала. Но он ПОНИМАЛ о чем она спрашивала

И он ответил.

- Один из милиционеров оказался братом одной из убитых девушек, он прикончил меня, - как-то просто и буднично ответил парень. - Я даже не успел ничего предпринять. А мне так хотелось жить...

Господи, как же странно прозвучала эта фраза. Если бы их разговор кто-то слышал, то их, наверное, даже не за сумасшедших приняли бы, а вообще, сошли бы с ума те, кто рядом оказался.

Вот и пес тряхнул головой, словно старался что-то сообразить и не мог.

- Но теперь я точно знаю, хорошо, что они тогда поймали меня, - снова заговорил Макс.

Алина хотела коснуться его. Убедиться в том, что он жив. Вместо этого она спросила:

- Зачем ты пришел ко мне?

- Помогли мне, - вдруг взмолился он, и лицо его перекривилось от ужаса, - в этой новой жизни, я никак не могу избавиться от того, прошлого. Когда я нашел тебя, я понял, что во всем мире только ты можешь мне помочь.

- Но как? – удивилась Алина.

И тогда она услышала голос Тараса, а не Макса, конечно, кто кроме него мог бросить этого парня сюда, а она и не подумала даже:

- Ты сказочница, вспомни сказку, одну единственную, ты не должна ошибиться, если сказка будет другая, ты погубишь его.

Противный и наглый голос Тараса она не перепутала бы ни с каким другим.

И тогда Алина испугалась, по-настоящему. А она-то думала, что ее больше ничего не может испугать?

-Сказка, - произнесла она, глядя в голубые бездонные глаза этого парня, который все свои двадцать лет страдал из-за того, что было совершено насильником в прошлой жизни. Понтий Пилат томился из-за собственных косяков, а этот мальчик, только потому, что ему пришлось родиться в тот день и час, когда был убит насильник, и неприкаянная душа бросилась в новое тело, не желая попадать ни в чистилище, ни тем паче в Пекло.

Оставалось только повторить слова Маргариты, о том, что он ни в чем не виноват и не должен быть наказан за другого человека, это высшая несправедливость в мире.

- Сказка, - повторила она, перебирая в уме варианты, она понимала, что если сказка будет не та, она погубит парня.

Разве не так среди иллюзий выбирали себе невест царевичи, когда оказывались в каком-то зачарованном мире.

Но то, что Тарас устроит что-то подобное для нее? Жизнь и на самом деле полна неожиданностей. Вот с такими поведешься, и не такое случится. Но она не сердилась на своего беса, наоборот она прекрасно его понимала и всегда поддерживала, что бы он ни творил. Потом, когда все завершалось, он оказывался прав, как всегда.

Живая и мертвая вода, волшебный перстень, сожженная шкура лягушки, господи, где же она эта сказка.

Парень стоял перед зеркалом, не отражаясь в нем. Интересно, сам он видит или нет, что в нем не отражается, почему тогда перед ним стоит?

Зеркало, тролли разбили зеркало.

Пес тихонько взвыл, словно подтверждая, что это так и есть.

Она подошла и поцеловала его – он был холодным, почти каменным. Первый поцелуй, к тебе возвращается память, второй поцелуй - ты должен остаться в этом мире, слово «вечность» тает на глазах, третий поцелуй, она почувствовала его теплые губы, он закрыл глаза он отвечал ей.

Ну конечно, если Снежная королева так заклинала и забирала принцев, то почему бы и обратного действия не было у этого заклинания?

Тарас заглянул в зеркало, где стояли эти двое. В том, что он сам там не отразился, он не сомневался, хотя это не могло его удивить. Но эти двое, они сделали все, что надо.

Когда Алина отпрянула от парня, она сначала не поняла, что изменилось, а потом догадалась, она увидела его в зеркале. Два раза его там не было, а теперь появился. От ее страхов не осталось больше и следа.

Она вспомнила сказку, хотя кто бы мог подумать, что ей могла помочь именно это сказка.

И как, глядясь в живые струи

Не увидеть тебя в венце,

Твои не вспомнить поцелуи...

Очень тихо, но отчетливо читал где-то рядом свои стихи любимый поэт.

В мире и на самом деле нет ничего нового, все повторяется из века в века, самое главное помнить и найти нужную сказку, и принц будет спасен.

ПОГОВОРИМ, БРАТ

Деревня затерялась где-то среди полей.

Лера ехала туда впервые за много лет.

Как же часто снилась та улица, белый дом, плетень и дед у калитки.

Он то сидел на завалинке, то стоял, немного сторбившись у того плетня.

Сон повторялся так часто, что на этот раз она не выдержала, уговорила Олега- вечно занятого своего друга, и они отправились туда, в сказочный лес, где когда-то целую вечность назад девочка видела и слышала все, что потом вошло в ее сказки заповедного леса.

Таинственные озера, Лешие, Кикиморы, Домовые, - они были для нее все это время реальными персонажами со своими историями, бедами и радостями. Только сказки эти были без начала и конца.

Нет, они когда-то и где-то начинались, но ей это было неизвестно, никогда нигде не заканчивались.

А какими еще могут быть сказки.

И если бы не сны о деревне Миргородка или Миригородка, - как ее называла бабушка, и все родственники, которые там жили, но потом разъехались, кто куда. Если бы не эти сны, то в жизни ее не было бы больших проблем.

Однажды на Радуницу, теплым весенним днем она отправилась на городское кладбище к отцу одна. Так получилось, что все остальные родственники были страшно заняты, а Лера пошла. Нарушить заведенного порядка она не могла, если бы и землетрясение началось. А была только гроза. Задорная весенняя гроза, как когда-то в детстве, когда она в первый раз увидела в лесу Лешего.

Тогда она отстала от деревенских девчонок и заблудилась. Они где-то искали ее, пока не ударил страшный гром, и не сверкнула ослепительно молния, а потом подружки с визгом и писком разбежались кто куда.

Она осталась в том лесу, усыпанном лисичками, и не собиралась оттуда уходить, так здорово там было. Это был ее мир, она была здесь счастлива.

Тогда Леший и вышел откуда-то из-за дерева.

Она знала, что это настоящий Леший, а не какой-то старик, так же по лесу бродивший.

Он подал ей руку и повел медленно к тропинке, через поле до деревни тянувшейся.

Об этом она и вспоминала на Радуницу, когда пришла на городское кладбище к отцу.

Сколько же там было народу, и сколько могил.

И все-таки в той части кладбища, старой, где были похоронены те, кто умер в тот год, когда она родилась, было довольно пусто.

Почти все эти люди умерли во второй раз, когда о них забыли родственники и перестали к ним приходить.

Только более поздние захоронения говорили о обратном.

- Они умерли во второй раз, когда о них забыли, - словно читал ее мысли какой-то старичок, усевшись рядом, чуть ли не касаясь ее, и все-таки не касаясь.

- Дедушка, - успела произнести она, - но ведь твоя могила не здесь.

- Верно, - согласился он, - но ведь ты туда не можешь добраться, вот я и решил тут встретиться с тобой.

Она помнила деда, хотя он умер, когда ей было только три года. Все утверждали, что она не может этого помнить, а она помнила и сразу узнала, словно не было никакой разлуки.

Какие добрые у него глаза, какие темные и сильные руки, это вовсе не сон, а почти реальность.

Но Лере стыдно было даже взглянуть на него. Забытые деревни, забытые могилы.

- Я приеду к тебе в следующем году, что бы ни случилось, живая или мертвая я приеду к тебе.

- Ну, зачем так, - улыбнулся он, - я и сам могу прийти к тебе, разве могила, главное, я пришел за другим.

- Что же еще? – упавшим голосом спросила Лера.

- Я о Павле, почему вы не общаетесь с ним совсем.

Он говорил о старшем и любимом своем внуке.

Лера вздрогнула. Они не только не общались, она практически его не знала, двоюродного брата, их всего-то было два, и второй, ее любимый, погиб, не дожив до 30 лет.

Его словно специально вырвали, чтобы она осталась совсем одна.

- Да, конечно, я понимаю, ты можешь оправдаться, но вас ведь не так много.

Ничего на это не ответила Лера своему деду. Она общалась с целыми классами, когда работала в школе, она общалась со всем миром. А умный, красивый, немного отрешенный Павел, его ни разу не появлялось на горизонте.

- Он твой брат, - напомнил старик, растворяясь в воздухе.

- Он мой брат, - повторила Лера, когда осталась совсем одна.

№ № № № № № № № № №

В этом году она исполнила свое обещание.

Машина неслась по проселочной дороге. Она и узнавала и не узнавала те места.

Самые красивые цветы и фрукты, бутылка дорого вина. Наверное, все это выглядело в заброшенных деревнях нелепо. Но она мчалась на свидание к своему деду, уверенная, что там должно быть все самое лучшее.

Пусть случилось это впервые за много лет, да и то когда ее совесть уже замучила. Он снился столько раз, что не сосчитать, но лучше поздно, чем никогда. Она надеялась, что все еще не слишком поздно.

Как хотела бабушка быть похоронена вместе с ним. Но родственники наотрез отказали ей в этом, - туда на могилу никто не будет ездить.

Веский аргумент. Он так и остался со своими сыновьями, но без жены на сельском погосте.

Знакомые леса, где так хотелось побродить, заблудиться, но она ехала к деду и не могла себе позволить шагнуть в сказку. Она исполнит обещание.

Нет, именно из-за творчества, из-за сказок она слишком часто забывала о реальности, погружалась в этот мир. Вот еще одна книга, еще одна, только дописать и свободен, книга была дописана, но и потом свободой даже не пахло.

Бабушке на городском кладбище грех было жаловаться, они все время там бывали, а вот дедушка, увы, должен был сам их разыскать.

№№№№№№№№№№

Наверное, это странно, но могилу она нашла безошибочно, хотя с того времени кладбище странно разрослось, изменилось. Он лежал рядом с двумя его молодыми сыновьями и первой женой. Остальные восемь его детей, и ее отец, в том числе, были похоронены в других местах. Странно разбросаны по этому миру. А как ей захотелось, чтобы они были здесь все вместе – целый РОД – и все вместе.

Как это странно, как дивно все было.

Когда они приблизились к оградке, то за ее спиной затормозила еще одна машина. Иномарка почти прилетела, как заморская птица, на старое кладбище - этакий дракон иноземный. Странно. Кто бы это мог быть? Она – то была уверена, что будет здесь одна, вернее с Олегом. Одной оставаться на старом кладбище было все-таки жутковато.

Но и чужие люди тоже как-то не особенно вдохновляли, когда ты, наконец, пришел к своему деду.

Незнакомый мужчины шел к этим же могилам. Это уже самом ни в какие рамки.

Лера замерла, он тоже остановился.

Ну, нет, конечно, она его узнала. Не надо быть особенно пронизательной, чтобы почувствовать родную кровь, в какие бы одежды не рядилось тело.

- Павел, - прошептала она.

И обрадовалась, что он оказался в еще более дурацком положении перед могилой их деда, он вообще не мог ее вспомнить. Догадывался, что она родственница, но кто такая.

И встреча на кладбище с дедом тогда, и эта, ставшая ее продолжением поставили их обоих в совершенно дурацкое положение. Ее друг и любимый ученик был так близок, что она взяла его сюда нынче, хотя они просто были в добрых отношениях, а брат, не мог даже вспомнить ее. Не об этом ли говорил дедушка.

Но как это объяснить. Она тихо представилась, надеясь, что Олег не услышит ее слов, не поймет их сути.

Хотя он был страшно пронизателен, надеяться на это особенно не приходилось.

- Да, да, конечно, - улыбнулся ее брат, он был чертовски обаятелен и умел выходить из трудных положений.

Они просто пошли к могиле деда вместе, рядом.

Уселись рядом на низенькую лавочку. Он так растерялся, что забыл о дорогом костюме, стоявшем целого состояния. Прикид, конечно, классный, словно к министру на прием собрался.

Теперь они сидели рядом почти так же, как в прошлый раз она сидела с дедом. Только тогда это был свет и тепло - настоящая Радуница – встреча с предками после долгой разлуки. Она была почти счастлива, поняла всю суть древнего праздника, а сейчас неловкость и пустота, желание сблизиться, потому что дед о том просил и сбежать, не находя точек соприкосновения. Странное чувство, вернее мешанина из чувств, и что с этим делать?

Правда, парень поднялся и начал руками вырывать траву, приводить могилу в порядок.

И на самом деле надо было чем-то заняться. Олег нес перчатки, какие-то лопатки и инструменты из машины.

Недаром говорится, что совместный труд сближает. Хотя тот ли это случай, кто его знает.

Павел заговорил первым, она все еще язык проглотила и лезла за словом в карман, какие можно придумать крылатые выражения для литератора, чтобы совсем уж смешно и нелепо его представить, если он разучился говорить.

- В прошлом году, на могиле отца я видел деда (его отец и ее дядя был похоронен на другом кладбище, в другом конце города). Он упрекал меня за тебя.

Лера замерла с пучком травы в руках, хотя что-то подобное предчувствовала.

- И я обещал ему отправиться на могилу и найти тебя, второе у меня получилось хуже,- признался Павел.

Странно, она могла бы слово в слово повторить все то же самое, но промолчала.

- Ничего, - наконец подала голос Лера, - рано или поздно это случается, мы вспоминаем о могилах и о живых родственниках.

- Хорошо, если не поздно, - усмехнулся он.

- Нет, они успевают что-то сделать, как-то нас о том предупредить.

Потом они сидели молча, чтобы передохнуть. Олег принес цветы, сумку с продуктами, вино.

Павел улыбнулся:

- А я не стал ничего брать, не мог и подумать, что тебя встречу здесь, - смущенно признался он.

Два мужчины и женщина сидели на старом сельском кладбище, говорили негромко, пили дорогое красное вино.

Один из них был лучшим другом Леры, второй – братом. Именно со вторым она беседовала в первый раз в жизни здесь, на могиле их деда.

А ведь такого могло и не случиться за всю их жизнь? - подумали оба одновременно.

А между ней и Павлом уселся невысокий старик в старомодном костюме с доброй и лучезарной улыбкой.

На этот раз он молчал. Но, кажется, он был счастлив рядом со своими взрослыми внуками.

Такие встречи случаются. Очень редко, но все-таки они случаются.

Лера смотрела на дедушку, милого, доброго дедушку.

Их часто пугали страшными историями о призраках. Но она понимала, что он не мог усидеть на том свете, видя, что эти двое никак не могут встретиться, хотя бы изредка, чтобы просто поговорить, вспомнить о том, что они родственники, что в мире их не так много.

И старший в роду, в таком случае должен забыть обо всем и прийти к ним, чтобы хоть как-то все поправить.

Нельзя в этом мире, на этой земле оставаться Иванами, не помнящими родства – нет страшнее ужасика, чем этот.

Но поняли ли это бы они сами, если бы не произошли с ними эти
странные происшествия?

Закат был ал, она пришла из мрака,
Реальность или сон ее вели?
И где-то там разыгрывалась драма,
В поселке, и на краешке земли.
Что их свело тогда? Могила деда,
И голоса ушедших навсегда,
И слушала, но что он ей поведал?
Как падала погибшая звезда.

Но свет ее далекий в час прощанья
Вдруг ослепил пытливые умны.
Что нам осталось, только завещанье
Любить свой странный, разоренный мир,
Где Род и Лада все еще в надежде
Спускаются в отчаянье с небес.
Миргородка, все стоит как прежде,
И на закате к нам приходит дед.

- Ну что, внучата, - спросит он во мраке,
Почто вы оторвались в этот час
Друг друга не узнали, этой драмы
Страшнее нет. И проступает в нас
Опять родство, а было ведь забыто,
Мы как-то жили, ведая о том,
Что есть тот мир, глухой и деловитый,
Мой брат придет однажды в этот дом.

И в бесконечном небе звезды светят,
Закат так ал, как пролитая кровь.
О чем я снова? Говорим о деде,
О мире тех мечтаний, грез и слов..
Ну, здравствуй брат, еще осталось время
Совсем немного, но оно за нас,
Среди полей останется деревня,
И будет сниться, и за все воздаст.

Мы там бывали, он зовет: - Внучата,
Что остается? Призрачная боль,
Он помнит - непокорный и распятый,
Суровый мир, он помнит нас с тобой...

ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ

Три девы прекрасных над миром парили вдали.
Искали напрасно, и счастья они и любви.
В истерзанном мире, так трудно, так страшно найти
И вот уж устали, и сбились те девы с пути.
И нити судьбы человека отдали ему.
А сами в печали, забывшись, ушли в эту тьму.

Это был самый прекрасный и самый несчастный принц на всем белом свете.

Нет, нет, его любимая не стала лягушкой по воле злого чародея.

Он был несчастен, потому что у него не было любимой.

В королевстве, конечно, было немало девиц, готовых заключить нашего принца в объятия и замуж бы выскочили за него с большим удовольствием.

Только ему этого совсем не хотелось. Он не был уверен, что хоть немного нравится тем самым девицам, а не брильянты в короне и власть над остальным миром ослепили их и лишили разума.

А когда так думаешь обо всех, кто тебя окружает, то становится очень грустно.

Принц танцевал на балах то с одной из девиц, то с другой, но те не могли надеяться на что-то серьезное.

- Он слишком юн, - говорили одни.

- Он слишком горд и заносчив, - отмечали другие.

- Он никогда не женится и останется в одиночестве, - твердили третьи.

Слушая эти речи, а девицы старались говорить так громко, чтобы он их слышал, принц только загадочно улыбался.

Как смешны ему были все эти нелепые разговоры.

- Лучше и на самом деле оставаться в одиночестве, - говорил он королю,
- чем стать мужем одной из них.

Король вовсе не собирался терпеть такого безобразия. Ему нужен был внук-наследник. Только убедившись в том, что он мог появиться на свет, старый король собрался покинуть этот мир.

Юноша мог жить, как ему вздумается, если бы он не родился в королевской семье. На этот раз от его желаний почти ничего не зависело.

- Хорошо, если ты не хочешь жениться на наших девицах, давай сделаем так, пусть наши гости привезут тебе невест. С каждой из трех девушек ты проведешь по одной ночи, но ни она не увидит тебя, ни ты ее. Ты выберешь самую лучшую из них после этого, она и станет королевой.

- А две другие?- удивленно спросил принц.

- Они тоже не останутся без мужей.

Король надеялся на то, что на свидание вслепую все будет по-другому. Глаза нам часто лгут, то украшая, то уродуя тех, кого мы пытаемся разглядеть. Вот и выбор мы чаще всего делаем неправильный.

Принц согласился, да и попробовал бы он отказать своему королю. Он надеялся, что хоть одна девушка ему понравится, а если нет, то что же делать?

В первую ночь была прекрасная дева, которая обнимала и целовала его так, что к нему вернулась Вера.

Он перестал смотреть на мир грустными глазами, теперь все немного преобразилась.

От его разочарования и равнодушия и следа больше не осталось.

С замиранием сердца он ждал вторую ночь.

На этот раз, когда ласки стали нежнее, и он пережил страсть и наслаждение, в душе его вспыхнула Надежда.

После этой ночи он улыбался всем и решил, что и для него не все еще потеряно.

На третью ночь он бежал с величайшей радостью.

Экстаз, полет, торжество, и счастье.

Он только шептал в упоении:

- Я знал, я знал, что так будет.

- Но что же делать с двумя другими девушками.

Принц оторопел, он понял, что ему хочется всех трех девушек взять в жены, и более того, он понимал, что без них и последняя не будет так прекрасна, обретая одно, неизменно теряет другое.

Король с любопытством смотрел на него, ему хотелось бы узнать, какое решение примет его сын, кого из хозяек ночи он захочет выбрать?

- Я не могу сделать этого выбора, - прошептал он обреченно. - Прежде не из кого было выбирать, а теперь, когда девушек три – так же тяжело и невыносимо.

- Но что же нам делать? – спрашивал король.

- Пусть они появятся, я хочу взглянуть на них, - не унимался принц.

- Хорошо, но они будут выходить к тебе по одной, таково мое условие, – отвечал король.

Первая дева была в черном, темная и загадочная, она только улыбнулась и исчезла, не желая оставаться долго. Ей не особенно нравилось то, что принц разглядывал ее так пристально.

Вторая стремительно пришла в белом, рассмеялась, закружилась так, что не очень и разглядишь, и тоже исчезла.

Все больше смятение охватывало его душу.

Третья дева - огненно-рыжая, вся в красно-желтом, сделала круг перед ним и исполнила какой-то дивный танец.

Голова принца кружилась все сильнее.

Король не отступал от него ни на шаг.

- Если ты не сделаешь выбора, они исчезнут все сразу, больше никогда не вернуться.

- Я не могу выбрать между ними, - говорил принц, - мне каждая нравится по-своему, видно мне придется оставаться в одиночестве.

Так и после трех ночей ничего не решилось.

Теперь он страдал сильнее прежнего. Страсть, разбуженная в его душе, не давала покоя.

И в тот миг, когда принц сидел у пруда в королевском саду и думал о том, что жизнь ему не мила, когда исчезли все три его невесты, вдруг на озерной глади появилась русалка.

Одеяние ее было черно - белым, волосы рыжими, чем-то таким знакомым и близким от нее повеяло, что принц бросился к воде.

Но в это время его позвала какая-то девушка, она тонула в том самом озере, непонятно как там оказавшись.

Разглядеть ее было невозможно, красавица или дурнушка, как понять, она тонула....

Принц бы и пальцем не пошевелил ради нее прежде, но после трех ночей он стал совсем иным.

Он бросился спасать девушку. У нее должна была оставаться надежда, да и веры в этот мир должно прибавиться. А он станет со временем ее королем, как же он мог бросить бедняжку в беде?

Когда он вытащил ее на берег и, наконец, разглядел, то увидел, что это та самая девушка, одна из трех, между которыми он недавно делал выбор.

- Ты спас меня?- удивленно спросила девушка.

- А что мне было делать, если ты тонула.

- Но тебя звала прекрасная русалка, а ты спас меня, хотя и в глаза не видел на этот раз..

- У тебя должна была оставаться вера и надежда на этот мир.

- А любовь? – тихо спросила девушка.

- Любовь, - это слишком много, я не знаю, что ответить.

- Но если есть Вера и Надежда, то можно дождаться и любви, - подсказала ему девушка, - А почему ты никого из нас не выбрал тогда?

- Потому что мне хотелось всех трех, я не мог выбрать одну из вас.

Девушка во второй раз улыбнулась.

- И все-таки ты спас меня.

Они не заметили, что на берегу того самого озера стоял король вместе со своей свитой.

- Это одна и та же девушка, сынок, - говорил сынок, иногда она дарит Веру, тому, кто с ней рядом, порой оставляет Надежду, ну еще реже ты и Любовь получаешь, если сам ради нее совершишь что-то необычное .

- Но я провел три ночи, так и не понял, что это одна девушка, - удивился принц.

- Вот и прекрасно, она прошла проверку и смело можно объявлять о свадьбе.

- О свадьбе? Но разве я ее уже полюбил? - спрашивал принц.

-Ты забыл о красавице русалка, хотя она чаровница, но бросился спасать ее, хотя и не мог разглядеть, как же это называется, по-твоему, если не любовью. Ты можешь не знать о том, но это и есть любовь. А породили ее в твоей душе Вера и Надежда.

Они помолчали немного. Потом король вдруг сказал:

- Жаль.

- Чего же тебе жаль? – удивился принц.

- Того, что не все девушки могут быть со своими любимыми такими разными, тогда возможно и бед в этом мире было меньше. Но тебе повезло больше , чем многим.

Принц подхватил свою любимую на руки и понес во дворец.

Он улыбался, хотя все еще не верил в собственное счастье.

Но в душе его и на самом деле жили после трех ночей Вера, Надежда и Любовь. Их подарила ему таинственная незнакомка, которая и должна была

стать его любимой женой. А еще говорят, что короли не могут жениться по любви. Иногда такое случается, это точно.

Три девы прекрасных над миром парили вдали.
Искали напрасно, и счастья они и любви.
В истерзанном мире, так трудно , так страшно найти
И вот уж устали , и сбились те девы с пути.

И нити судьбы человека отдали ему.
А сами в печали, забывшись, ушли в эту тьму.
И что ему делать с судьбою не знает с тех пор.
То бесится с жиру, то снова стреляет в упор.

То пишет доносы, то лучшие строки поэм.
О, Демон измены, измаялся бедный совсем.
И понял, что он не способен без них обойтись,
И видит, что надо вернуть, и прощенья просить.

Поди же туда, а куда? И не ясно ему.
Как больно и страшно решать это все самому.
Три девы прекрасных следят за ним снова в тиши.
О, только б не продал души своей он за гроши..

О только б остался собой, не транжиря дары,
Но слаб человек, и не знает он правил игры.
И нити судьбы выпускает небрежно из рук,
Ошибки свершает, страдает от диких разлук.

И снова в пустыне любовь он желает найти.
Измаялся бедный и сбился внезапно с пути.
Но девы обиды не могут простить и забыть,
И все завершилось, и рвется в отчаянье нить.

И кто-то завяжет вдруг узел опять на судьбе,
Грядет испытанье, и быть пустоте и беде.
А пряжи все ждут, и витают в небесной дали.
Как хочется Веры, Надежды и Пылкой Любви..

НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСТИТСЯ ВЫ ПОЕДЕТЕ НА БАЛ?

(Отравлен яростью и злобой)

-Вы поедете на бал?

-Да, поеду...

(детский стишок)

Ежегодно Мессир дает один бал,
Он называется весенним балом полнолуния...

М.Булгаков.

Отравлен яростью и злобой,
Не в силах совладать с собой.
Мой бедный мальчик, ты попробуй
На том балу вдруг дать им бой.
Туда тебя не приглашали?
Не ври себе же самому,
Так отчего душа в печали.
Зачем ты смотришь в эту тьму,
И девочке все лжешь устало.
От них не скрыться, уж поверь.
Бал этот страшен, и средь бала
Ты лишь один из королей.
Но кто тебя спасти пытался,
Еще не понял ты в чаду?
Ты вырвался и не остался,
Они по углям там бредут....
И все зовут тебя обратно.
Но мир отторгнет короля.
И ты почуял, вероятно,
Таких не носит и земля...

Когда человек остается наедине с самим собой, то ему не избежать тех воспоминаний, которые отступают перед толпой, в суматохе, в грохоте музыки.

Юлька очень удивилась, когда заметила, что Кирилл теперь все время проводил в ночных клубах. Он словно не мог и не хотел возвращаться домой ночью.

Наверное, есть и такие люди, но у него никогда не было подобного пристрастия.

- Что за мания такая? – спросила она.

Они очень сильно тогда поругались. Словно бы он и сам подозревал нечто подобное, только не хотел о том думать.

Этим вечером в ночной клуб он пошел один, покинул его последним, и решил, что в самое ближайшее время, когда расстанется со спортом, станет Ди - джем или хотя бы барменом. Если бы кто-то из одноклассников или знакомых о - том узнал, они бы точно решили, что с ним не все в порядке и отправили бы к доктору по психам.

Возможно, он туда и сам отправится скоро, но пока надо как-то все это пережить.

№№№№№№№№

Черный кот в то самое время, когда Кирилл прятался от себя самого (больше прятаться было не от кого) в ночном клубе ругался с Тарасом.

- Ты не сделаешь этого, - повторял он.

- Еще как сделаю, - отвечал тот коту.

Ни ведьмы, ни ангела дома не было, и кот понимал, что Тарас разошелся не на шутку, и натворит много бед.

- Лучше бы сумасшедшего майора, который пальбу устроил, остановил, - огрызнулся кот.

- За майора я ответ не несу, там без меня разберутся, а вот Кирилл – другое дело.

- Тебе его совсем не жаль, думаю, ангел не будет в восторге от этой идеи.

- Ангел может и не будет, но ты - то черный кот, а ведешь себя как самый белый, с чего бы это?

Коту было очень обидно. Но он не хотел участвовать в этом. Хотя Тарас наверняка послал парню самый жуткий сон. Все совершается, хочет он того или нет?

№№№№№№№№№№

Сон можно было назвать даже безобидным, на рассвете не могут сниться такие кошмары, как самой темной ночью.

Но и этого для не слабого и закаленного Кирилла оказалось достаточно.

А видел он во сне огромное железное ведро с водой. Он пил из этого ведра холодную воду и никак не мог оторваться.

И чем больше пил, тем больше хотел. Ведро отлетело в сторону, он рухнул в траву, а дело было в каком-то поселке, где он точно никогда не бывал, и проснулся.

Но так сильно ударился, что даже сам тот удар почувствовал, и бок сильно болел.

Проснулся Кирилл в холодном поту, но старался найти какое-то объяснение.

Ведь ему и раньше, когда он сильно уставал или ел что-то соленое, снились такие сны. Не стоит все сразу в одну кучу валить. Это случайность.

Сон повторялся. Но парень казался стойким оловянным солдатиком. Его учили не поддаваться на провокации, он не поддавался, и только один каприз – засыпал на рассвете.

Если бы он жил с родителями (хорошо, что этого не случилось), то ему трудно было бы объяснить такую блажь.

№№№№№№№№

Алина встретила Кирилла случайно. На первый взгляд действительно случайно. Никто не знал, сколько усилий пришлось приложить Тарасу, чтобы эти двое, до сих пор не знавшие друг друга, вовсе встретились.

Не было для этого никаких причин. Он не был ее учеником, ее знакомым, сыном ее друзей. Не было ни одного повода, чтобы если они даже встретились, то задержались дольше, чем на полминуты рядом.

Правда, потом повод нашелся, Юльку она знала хорошо и давно. А то, что он оказался ее парнем, Алину не удивило.

Откуда взялось в душе дивно красивой девицы чувство ревности никто бы понять не смог. Но она так много раз слышала историю о том, как ее ровесники влюбляются во взрослых женщин, что именно об этом и подумала. Словно в мире не было ничего другого, кроме постели, да еще, если встретились молодой парень, девушка которого вам знакома, и взрослая женщина.

Впрочем, саму Алину страдания Юльки занимали меньше всего. Она почувствовала запах серы и присутствие Тараса, и понимала, что он ее сюда толкнул не случайно. Для этого у него были причины.

И, черт побери, в отличие от безголовой Юльки, она догадывалась какие.

А когда парень отшвырнул стакан с водой, который ему подали в этом кафе, подозрения ее усилились.

Только не это. Она рыдала полгода, она не находила себе места, она стала постоянной гостьей знаменитого доктора и с трудом одолела депрессию не для того, чтобы пережить эту чудовищную историю еще раз.

Убеждение было твердым. Она рванулась и побежала прочь, словно за ней гнался насильник.

Ей даже шаги слышались, правда, они больше были похожи на стук копыт, чем на обычные человеческие шаги. Но она уж не знала, что лучше, парень бы гнался за ней или Тарас.

- И ты все так просто оставишь, потому что твой кот утверждает, что его не надо трогать, что его накажут без нас, что не наше это собачье дело.

Бес дернул ее за рукав плаща, а потом в него вцепился, так что скинуть его было невозможно.

Если бы кто-то на нее взглянул со стороны, то увидел бы, как высокая и стройная блондинка размахивает рукой в разные стороны, словно кто-то на ней повис, но ведь там никого не было...

Что же с ней такое творится?

- Что с тобой творится, - спросил невидимый для других бес.

Алина перестала сопротивляться, она повернулась и пошла назад, туда, откуда бежала совсем недавно очень даже шустро.

Кирилл взглянул на нее так, словно вернулся палач, от которого ему недавно удалось чудом избавиться. Но при этом он облегченно вздохнул.

Юлька теперь совсем ничего не понимала.

№№№№№№№№

Они молча сидели друг напротив друга.

Черная роза в бокале вина.

Откуда она появилась? На это тоже у Алины был ответ.

Юлька, увидев ее первой, пронзительно завизжала.

- Ведь это вы нам рассказывали про поэта. Он приносил девушкам черные розы, когда хотел провести с ними ночь страсти.

Странно, а она-то думала, что Юлька ничего из ее уроков литературы не помнила. Только порадоваться было некогда.

- А знаете, ничего не выйдет, Кирилл старается не спать по ночам, я ему, наверное, так надоела, что он не ходит домой ночью.

- Заткнись, что ты несешь, - ярость в душе его назревала.

- Но ведь это правда, - вопила Юлька.

- Это правда? - спросила Алина, словно он был у нее на приеме в больнице.

- У меня бессонница, но к ней она не имеет отношения.

- В это я могу поверить.

- А может она к вам отношение имеет? – Юлька не могла остановиться в своей растерянной ярости.

- Боюсь, что это так, - почему-то подтвердила Алина, хотя не смогла бы объяснить, что могут значить эти слова, и была уверена, что та по-своему все истолкует.

Но самое главное, что он все правильно понял. В те минуты обольщения и сексе парень думал меньше всего. Даже если бы Николь Кидман была перед ним, уж не говоря о дамах менее знаменитых.

Алина спокойно взяла коктейль, Кирилл так отстранился от него, словно там была заложена бомба. Как странно он побледнел.

Юлька совсем сникла – это был его любимый напиток. Все казалось безнадежным.

Алина мучительно спрашивала себя, что же с ним делать?

- И твой может быть отравлен, я не знаю точно, - шепнул ей на ухо Тарас, но она отмахнулась от него, как от назойливой мухи, не боялась ничего или не верила ему?

Шуточки, конечно дурацкие, только когда Юлька взяла напиток, он полетел на пол, сам по себе вывалился из ее ручек, и лужа осталась на каменном полу.

Она опустилась на стул и разрыдалась. Не везет, так не везет, даже напиться она не сможет.

- Она и не ведает, как ей повезло, - одновременно подумали и Тарас и Алина, и оба они были правы. Но Юлька, как и любая другая девица, не могла знать таких тонкостей.

А потом произошло что-то такое, что уже невозможно было объяснить с точки зрения здравого смысла.

Юлька не успела закатить истерику. К ним подсел еще один молодой человек.

Он сел в полумраке так, что хорошо видеть его мог только Кирилл.

В руках у парня была баночка с водой, обычной водой, ну может быть, чуть лучше, чем обычной.

Он улыбнулся и стал пить ее, ни слово и не говоря. В мире, где водятся говорящие коты, люди часто бывают молчаливы, хотя он мог бы вероятно сказать немало, но молчал, ни звука не произнес.

Призрак просто сидел напротив Кирилла и пил не пиво даже, а воду. Какой странный парень, не правильный парень, в такой поздний час можно было и расслабиться немного.

Алина никак не могла повернуться, хотя она чувствовала дыхание рядом. Как же ей хотелось взглянуть на того еще хотя бы один раз, и обмануться, и запомнить навсегда.

Но Тарас не был так сентиментален. И занят он был совсем иными делами.

Смотрела она, не мигая, на Кирилла, понимая, что если что-то и может случиться еще в эту ночь, то именно с ним.

Он тоже замер, словно здесь совсем не было воздуха, и рухнул на пол, где еще не убрали разлитый Юлькой напиток.

- Ничего подобного, - говорил им Тарас, - я никого не травил, у него просто остановилось сердце. Но почему же у таких молодых парней так часто останавливается ни с того и ни с сего сердце? Прямо беда какая-то с ними.

Вокруг суетились люди. Алина поднялась и отправилась прочь. Хотя поздно, ворвались милиционеры, никого не выпускали.

До утра и ей и Юльке придется давать показания. А с Тараса что взять, да и с того, последнего посетителя, которого никто, даже она сама не видела толком.

Нет, в суде свидетелями могут быть только реальные люди.

Хотя, как же рассказать судьям, что с ними со всеми на самом деле произошло?

Да и кто здравомыслящий поверит их рассказам? Она бы точно не поверила. Надо придумать что-то более реальное.

Когда в мире слишком много зла, чтобы добиться какой-то гармонии, те силы, которые хотят зла, совершают благо. Ну, так, как они его видят и понимают, конечно. И все-таки, то, что они творят, это лучше, чем ничего.

Хотя кто это может знать и оценить. Но они хотя бы что-то делают, вселяя в наши души порой веру в то, что зло все-таки будет наказанным.

Ты говоришь, что это все случайность,
Сцепленье чувств, и мыслей и времен.
Покою он тебе не обещает,
И снова знак, и странный этот сон.
Но если ты к такому не причастен,
И если мир с тобою заодно,
Чего бояться, с девушкой встречайся,
Гуляй с друзьями, смело пей вино.
Откуда страх в глазах твоих зеленый,
И отчего теперь лишился сна,
Остановилось сердце, путь до дома,
Неодолим, печальная весна...

ЗАВЕТ ВЕЛЕСА

В начале был Бог – самый прекрасный из сыновей Лады Велес получил от богини пламенный перстень.

Это было не просто украшение. Он вселял в душу самого бога и того кто оказывался рядом с ним неодолимую страсть и нежность пред которой никто не мог устоять.

Так в бесстрастном и еще недавно неподвижном мире появилась настоящая страсть и любовь.

Как и любой огонь, она могла согреть нас, но чаще пепелила.

Только сначала этого ни Велес, ни Перун не знали, а если и догадывались о том, то старались не думать.

Все было мирно до тех пор, пока не появилась у Перуна жена облачная вила Дива. И не воспылала она страстью к Велесу. Это неизбежно должно было случиться.

Мудрая Лада не стала даже вмешиваться в это. Породили они прекрасного и вечно юного Ярилу. Так впервые страсть оказалась на земле.

Но не мог Перун простить брата своего, как не пытался. Тогда в справедливой ярости и сбросил его на землю, в дремучий лес, который стал заповедным.

Но не спасло этого и не успокоило Перуна на небесах. Не отрывала взора Дива от земли. И хотя сбежать она туда не могла, но окаменела, ничего больше не видела и не слышала.

Последнее, что мог сделать Перун, это облачить брата своего неугомонного в шкуру медведя.

Теперь разглядеть его и отличить от других медведей было невозможно.

Только не один Велес медведем стал. Когда Ярила подрос, он тоже получил от Велеса такую шкуру, когда в зимнюю стужу появился на земле Коляда и ему шкура досталась.

Да и все остальные боги хотели быть таким как он. А может, над Перуном поиздеваться пытались.

Когда увидел он медведей дюжину, то и наложил на них новое заклятье – пусть полюбит медведя какая глупая девица, даже не подозревая, что перед ней молодой и прекрасный бог.

А вот если это случится, тогда только от шкуры он и избавится.

Понял Велес, что произошло. Поняли это и молодые боги. Сначала они опекались, а потом решили, что им и так неплохо живется. Был таинственный остров Буяң, где никакое заклятие Перуна не действовало, всегда находились девушки, ведьмы ли или просто проницательные девицы, которые догадывались, что нет таких животных, есть боги, в звериной шкуре.

Так и существовало предание древнее.

Отважные, жаждавшие не просто мужа получить рвались к своим медведям, чтобы изведать страсть и с богом рядом оказаться.

Невозможно было их в том разубедить, и они находили того, кого искали.

Ну а остальным доставались просто смертные, в лучшем случае чародеи в волчьей шкуре запрятанные.

С ними тоже, наверное, можно было жить, даже полюбить их можно, только это совсем другая жизнь и совсем другая любовь.

Найди своего медведя, он где-то живет в глуши,
И путь в этот мрак неведом, но ты туда поспеши.
Там встретят и лисы и волки, пусть там поют Соловьи.
Найти своего медведя - тот факел вечной любви.

Зажги и он полыхает, на этот свете и том,
И пусть тебя не пугает вид его грозный, зато
Однажды увидишь бога, в печальных его глазах,
И Велес посмотрит строго, и где-то на небесах,

Напрасно Перун ярится, ему не осилить чар,
И будет во мраке биться огонь, и тебя встречать
Он выйдет однажды снова, и в этой лесной глуши.
Найди своего медведя, в объятия поспеши.

Кому-то достались волки, строптивы они и злы,
И снова во мраке воют, а лисы порой милы,

Но хитростью и коварством, они одарят сполна,
И только в медвежьем царстве ты счастлива и вольна.

Там мед и малина снова, там звезды и небеса,
И мира совсем иного откроется полоса.
И пусть нам покой неведом, и пусть умереть должны,
Найди своего медведя, тайны, тревоги, сны.

Его окружают вилы, колдуньи с ним рядом там,
И только он сиротливо все ждет тебя, небеса,
От молний и гроз зловещих в печали раскалены
В преддверии этой встречи лишь мутная спесь луны.

Иду по лунной дорожке, туда в тишину и высь.
И пусть мне страшно немножко, но мне без медведя не жить.
Там звери отступят снова, он факел страсти во мгле,
В преддверии рокового прорвется медведь ко мне

СМЕРТЬ ИНОЙ РАЗ ОТСТУПАЕТ ИЛИ МУДРЫЙ СКАЗОЧНИК

Иногда наши сны реальнее жизни, а реальность похожа на сон.

Мы давно не заглядывали к Алине и Тарасу. Но пора бы там провести вечерок и послушать эту историю.

Когда в полночь Сказочница, наконец, отошла от рукописи и опустилась на постель, Тарас уселся рядом перед зеркалом и достал золотое блюдечко и наливное яблочко, совсем, как в старые и добрые времена.

В век спутникового телевидения и Интернета в музее бы им храниться, но эти двое знали, что именно там они могут увидеть то, чего нет в суперсовременных средствах связи. Все они могут показать нам только вчерашний, но не завтрашний день. Даже новости – это то, что в мире уже совершилось.

Тарас все время стремился нарушить запрет не заглядывать в будущее и при каждом удобном и неудобном случае именно это и делал. И Алину он всегда привлекал к своим проказам.

Было у него то самое блюдце и яблоко, они туда и на этот раз должны были заглянуть. Там они видели завтрашний день.

Алина хотела спать, но это было нереально, когда Тарас вот так усаживался в кресло вместе со своими волшебными вещами.

И именно при помощи этих диковинок он посылал вещие сны своим любимцам и ужасы тем, кого терпеть не мог. Многие заметили, что сбываются именно сны с четверга на пятницу. Что при этом было первично, его ли действия или их догадки, о том, что именно с четверга на пятницу сон сбудется, этого никто не знал. Но часто так и было – примета верная, проверено.

Хотя телевидение наше, вероятно, дарило не меньше ужасов, чем его сны, только были они иными.

- Скажи, что-то должно случиться завтра или на днях? – стала пытаться Алину.

- Я, конечно, не сфинкс, но не хочешь же ты, чтобы я все взял тебе, да и выложил так просто. Сама лучше посмотри да угадай, мозгами пошевели, кто меня уверял, что лучше один раз увидеть, чем сто услышать или как там?

Алина поднялась из мягкой и теплой постели.

Блюдце увеличилось до размеров обычной антенны - тарелки средних размеров, таких везде было полно. Ну, обычный телевизор, только совершенно круглый.

Там прокатилось наливное яблочко, одно из тех, из Ирия, которое богов и делало богами и дарило бессмертие. Появилась картинка – зала какого-то старинного замка.

- Мы к королю Артуру на этот раз, - спросила Алина, она увидела круглый стол, и узнала все, ведь совсем недавно закончила свой лучший любовный роман из жизни в ту эпоху. Тарас тогда ей помогал во всем.

- Ну, что-то около того, что мелочиться - то, - заверил Тарас.

Стол пока был совершенно пуст, и стояло там 12 стульев – ровно дюжина.

Как Алина так быстро сосчитала, сказать трудно, зачем понятно – ей хотелось посмотреть, сколько народу туда приведет Тарас и что это будут за люди.

- Не все, кто идет тебе навстречу на шумной улице или проселочной дороге люди, - изрек он. И прибавил: - Кажется, так говорит твой таинственный маг?

Алина не особенно прислушивалась к словам Тараса.

А за столом появились фигуры, каждая из которых была больше похожа на глыбу мрака – разглядеть в полутьме их было нереально, да и не откроет их Тарас так быстро, можно не надеяться.

- Ты хочешь мне фильм «12» показать, - гадала она.

- Фильм на диске посмотришь, если так уж хочется, стану я из-за него суесться.

Он даже обиделся немного – столько усилий, чтобы просто прокрутить фильм, разве для этого Тарас требуется?

Перед каждым из сидящих за тем столом стояла табличка, как на пресс-конференции, но разглядеть, что на ней написано, было тоже проблематично, словно бы он решил издеваться над ней дальше.

И тогда по движению его руки на стол упал луч света, выхватывая только одну фигуру.

- Кто это? – спросила Алина.

- **Митрополии Филипп**, - охотно ответил бес.

Она даже удивилась тому, как быстро он это сказал, уже думала, как его обмануть и узнать желаемое.

Эпоха Ивана Грозного, он, что решил рекламную кампанию сериалу сделать или ее саму в жены жуткому этому царю отправить?

- Хорошо, хоть не самого Ивана или Малюту привел, ты же знаешь, что я всегда хотела на Андрея Курбского взглянуть, - упрекнула его Алина.

- Прости, Курбский- то здесь при чем? Значит, пока даже не потеплело, ладно, даю тебе вторую попытку.

Митрополит опять стал неотличим от всех, они повернулись к другому человек. Разглядеть его лица было невозможно, но он явно был ее современником, если не из 21 то из 20 века точно.

- Это **Андрей Горчаков** – писатель, - пояснил бес, она это и на табличке прочитав умудрилась, только ничего так и не вспомнила.

- Вероятно, этот человек написал сценарий к фильму об Иване Грозном и всем, кто с ним был там, - предположила Алина.

- И да, и нет, я рад, что ты хоть в каком-то направлении мыслишь, - говорил Тарас, иронично усмехаясь, - но не связывай этих двоих, они неба и земля.

- Зачем же ты их связан?

- Так я тебе и сказал. Что хочу, то и делаю.

Они не продвинулись ни на шаг, но луч света уже вырвал из тьмы лик **императора Николая 2**. Она узнала его, хотя лицо было в тени, но его-то она

узнала бы при любом освещении, потому что он был очень похож на ее любимого отца и не только внешне, но и по характеру они странно совпали.

- Психологи бы с тобой замучались, недаром говорят, что женщина и логика – две вещи несовместные. У тебя так и не появилось никаких соображений? - поинтересовался бес.

Вопрос был излишен.

- Ну, это **просто Дракон**, - небрежно перевел он луч прожектора, - тут много не скажешь, хороший дракон, с чувством юмора.

- По-моему ты издеваешься, - не выдержала она, - твои рыцари выдернуты из разных эпох, времен, книг, я не знаю, что между ними общего.

- Может этот **Булгаковский профессор** поможет – ткнул пальцем Тарас в следующую фигуру.

Он все рассчитал точно, как и все, кто мог оказаться на ее месте – Алина подумала о профессоре Преображенском.

Женскую логику бес знал лучше всех мужчин, и теперь точно ее знакомил с новыми персонажами.

- Профессор занимался омоложением, ты хочешь сказать, что он оживит всех остальных и должно произойти нечто фантастическое? – размышляла Алина, почти уверенная в том, что она была на правильном пути.

Он не разубеждал ее, если женщина виновата – у нее надо попросить прощения, разве не так? А может из других соображений?

- И что мы имеем? – половина уже посмотрели и набрали ноль баллов. Хорошо, вот посмотри, это **писатель Свифт**, по-моему, ты его очень уважаешь, читала раньше других.

- Да, с профессором Преображенским это связано, если кого-то и стоило оживить, вернуть в реальность, то моего любимого писателя, - согласилась Алина.

- Да что ты к профессору привязалась, его мы уже проехали, а результаты плачевные, - со скорбной физиономией говорил он.

Тарас помолчал, а потом спросил:

- Может, угадаешь, кто будет следующий?

- Гулливер, вероятно, если появился писатель, то и герой нужен.

- Ну, почти так, - это **барон Мюнхгаузен**, правда, я не понял, писатель он или литературный герой, это тебе виднее, только получай его вместо Гулливера.

№№№№№№

Близился рассвет.

Наверное, все мы уже какие-то объяснения придумали для этого круглого стола, кто-то даже угадал загадку беса.

Только это случается обычно тогда, когда с нами нет того, кто мешает думать и размышлять, обретя душевное спокойствие. Да и вообще, когда смотришь за любой викториной со стороны, то диву даешься, почему же игроки еще не догадались.

Но там происходит что-то такое, что тормозит размышления.

- Ладно, **Сказочника** тебе еще покажу, – согласился бес.

- Просто сказочника? – удивилась она.

- Мудрого сказочника, если тебе этого хочется. Но больше ничего не скажу.

- Андерсен, - предположила она, - писатели, цари, митрополиты, герои. Правильно он говорил, что не все люди, кто здесь собрались, даже дракон завелся.

А может быть, он хочет ей помочь сюжет для новой сказки подсказать, ведь писали же они вместе о 12 жизнях людей, которые встречаются, то в одном времени, то в другом. И появились очень даже интересные истории, тогда Тарас так же приводил героев, рассказывал о них такое, чего не узнаешь из каких-то книг.

И он мог бы сказать:

- Я был на балконе у Понтия Пилата.

Да что он, даже она могла сказать что-то подобное.

- Хорошо, вот тебе **Городничий**, если хочешь.

- Гоголь, но при чем здесь все остальные, как они связаны с ним, конечно, был юбилей Н.В.Гоголя, но не слишком ли сложно все здесь, чтобы напомнить о нем.

Или это месть Тараса за того черта, которого Вакула нарисовал? Месть – она блюдо, которое подают в холодном виде, но что-то верилось с трудом, чтобы даже из-за Гоголя они всех этих персонажей разглядывали. Хотя и Свифт, и барон ему сродни, но верилось с трудом.

И только когда заиграл знаменитый вальс и появился предпоследний герой, вернее, он не появился, он кружился пока в саду с дочерью лесника, только после этого странно вздрогнула Алина.

Догадка ослепительная, как луч прожектора, осветила ее сознание.

Музыка, конечно, только музыка и могла как - то ее удивить, пленить, но она быстро все расставляла по своим местам.

И снова взглянула Алина на всех персонажей, что-то вспоминая, что-то расставляя по своим местам.

- Да, конечно, как я могла не догадаться сразу, - говорила она задумчиво.

- Ты меня разочаровала, ангел мой, - притворно твердил бес, но может быть, угадаешь, кто сидит на 11 стуле, ну не разочаровывай совсем.

Сказочница на этот раз думала недолго, назвала первое имя, которое пришло ей в душу:

- Генрих Шварцкопф, - выпалила Алина

- Хорошо пусть будет он, хотя вписывается сюда плохо, но этого героя привела ты сама, если бы был другой, я бы тоже согласился, - говорил Тарас.

Смолк чудесный вальс, благородный дворянин уселся на свое место, рядом с ним и был Генрих, которого посадила туда она, по своей воле.

- Теперь ты приведешь его? – спросила Алина, уже догадавшись о самом страшном.

- Нет, это не в моей власти, - развел руками бес. - Всех могу вернуть за этот стол, а о нем не проси, не могу.

Он твердил это, как заведенный.

Алина боялась произносить это слово, но по глазам Тараса, она поняла, что это правда.

- Он умер сегодня утром. Они остались, а он умер, - только и произнес Тарас то, о чем она бы так и не сказала.

Круглый стол теперь осветился каким-то пронзительным светом, так, что Алина прищурилась.

Хотя она была по эту сторону зеркала - тарелки, но прекрасно видела все, что там происходит.

Да, это были его герои, самые любимые, те, с которыми они жили все эти годы, которых они так самозабвенно любили.

Слезы текли по ее щекам, в тот момент, когда поднялся мудрый сказочник, подошел к той самой тарелке и взглянул на нее.

А потом она услышала знаменитое:

- Я, на свою беду, бессмертен. Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки. А пока - ты со мной, и я с тобой. С ума можно сойти от счастья. Ты со мной. Я с тобой.

Слава храбрейшим, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец! Слава безумцам, которые живут себе, как будто они бессмертны, - смерть иной раз отступает от них.... Отступает...

Сколько раз она слышала этот монолог, но сегодня он звучал совсем по-другому.

Тарас подошел к ней и похлопал по плечу.

- Ну, ты чего? Это только сон.

Она смотрела, как таяли сначала фигуры за столом, а потом и сам стол, блюдец затянулось пеленой, а потом стало просто обычным блюдцем.

- Это сон не с четверга на пятницу, но ты сам говорил, что он умер.

- Я соврал, прости, неудачно пошутил.

Наступил рассвет, странно пролетела эта ночь 20 мая – какой короткой она показалась Алине.

Еще ночью начался дождь, он шел и шел, навевая страшное уныние. Небеса рыдали с самого утра и до вечера в тот день.

- Хочешь, я точно угадаю, какой будет первая новость? – спросила у Тараса Алина.

- Не хочу,- отвечал он.

Тогда она отвернулась, села и написала несколько строк
20 мая 2009 года не стало Олега Янковского

Мудрый сказочник с грустной улыбкой
Растворился в тумане дождя.
Но известие было ошибкой.
Без него нам сегодня нельзя.

Пусть солгут в одночасье газеты,
Пусть нам скажут, что все это бред.
С черной лентой родные портреты,
И улыбки растерянной свет.

И уже не понять, не поверить.
Как нам жить, и куда нам идти.
И Дракоң, усмиряющий зверя,
Не возникнет во тьме на пути.

Ланселот его встретит во мраке,
Ну а нам промокать под дождем.
Мы и знали о том, и не знали,
Только свечи сегодня зажжем,

Дождь не кончится, солнце погасло,
Никого ничего впереди.
И душа замирает безгласно,
Остается тоска и дожди...

ОГНЕННЫЙ ТАНЕЦ БЕРЕГИНИ. ЕДИНСТВЕННАЯ

(Славянские сказки)

В ту теплую, темную летнюю ночь юный и прекрасный бог Услад, даривший этому миру невероятные наслаждения, пировал в заповедном лесу среди своих любимых берегинь.

И все было замечательно, пока внезапно не появилась богиня Морена.

Взглянула она на пирующих, и стало ей страшно скучно. А яблоко раздора было в ее руках, совсем как у тетушки ее Эриды. Да и приснилась та ей накануне недаром. Морена решила действовать.

- Здесь конечно не Олимп, но не пора ли нарушить эту идиллию, - подумала она, да и швырнула это самое яблоко на скатерть-самобранку.

И со всех сторон прекрасные ручки юный Берегинь к нему потянулись.

На яблоке том золотистом, правда, было начертано не «Прекраснейшей», как в прошлый раз, этим наших берегинь не проймешь, а «Единственной», а так ничем от знаменитого молодильного, которыми Лада одаривала, не отличишь.

Эта надпись оказалась очень даже действенной.

Не прошло и минуты, а берегини уже перестали улыбаться, они не отрывали взора от яблока, лежавшего в центре скатерти самобранки, и теперь их занимало только одно: кому же это яблоко достанется, кто проведет ночь с Усладом? Многие бы девы юные за это отдали...

Морена торжествовала, она подошла к пирующим, обвела их своим тяжелым взором, губельным для людей и неприятным для духов, и произнесла:

- Услад один, а вас много, пусть он сам выберет ту, которой достанется это яблоко, так будет справедливо, выбор за ним, а не за той, которая шустрее да расторопнее подружек окажется.

Услад хотел объявить, что ему никого не хочется выбирать, он рад всем, но Морена не позволила ему так поступить:

- Выбирай, - произнесла она сердито, и ножкой топнула так, что черная бочка сорвалась с травинки и закружилась перед ними испуганно.

- Выбирай, - словно эхо повторяли за богиней смерти и Берегини.

Когда столько дев и сама богиня смерти требует сделать выбор, что остается делать Усладу?

Он тяжело вздохнул и оглянулся на подоспевшего как раз вовремя бога страсти Ярилу – его верного друга и брата.

Но Ярила молчал. Не позволила бы ему Морена прийти на помощь. Услад должен был сделать выбор сам.

Взял юноша яблоко, подержал его немного в своих прекрасных руках и передал его самой Морене.

Это стало неожиданностью для всех, даже для самой богини. Она ожидала от него любого выбора - только не такого.

Усмехнулась Морена, отшвырнула яблоко в сторону и страстно обняла юношу.

- Ты сделал свой выбор, - заявила она.

Замерли берегини, на глазах у многих появились слезы, молчал Ярила. Он знал, что Услад, как и все боги бессмертен, но если оказался в объятьях этой богини, кто его знает, что с тобой случится.

Когда Морена разжала свои объятья, рухнул Услад на землю и не двигался больше. Окаменело прекрасное лицо, стал он на статую больше похож, а ведь минуту назад с ними тут веселился.

С визгом и криками ужаса разбежались берегини. Отступил Ярила, замер, он не осмелился подойти к мертвому юноше. Только волки где-то завывали, да так, что от ужаса могло разорваться сердце у любого.

Кто мог подумать, что такой бедой закончится их веселая пирушка?

Тогда стали берегини к Ладе обращаться.

- Посмотри, что случилось с твоим любимым сыном, кинь нам молодильное яблоко, его нужно оживить.

Грустно усмехнулась богиня.

- Он сам сделал выбор, что же могу я, не помогут никакие яблоки, никакие волшебные предметы, ну кроме одного...

Замерли берегини, а Лада продолжала:

- Та из вас, которая спустится в подземный мир и станцует такой танец, что дрогнет сердце грозного Ния, и он снимет чары Морены, та и спасет его, это ваш выбор.

Застыли Берегини.

Танец, Ний, Морена, подземный мир.

Каждая из них хотела спасти прекрасного юношу, но не такой ценой. И самое главное, они вовсе не были уверены, что есть такой танец, который способен ледяное сердце Ния отогреть. Но если он и существует, сможет ли она его станцевать?

№№№№№№№№№№

Белый волк рассказал Нию о том, что произошло в заповедном лесу, как погиб внезапно юный Улад и про условие Лады не забыл напомнить своему властелину.

- И ты думаешь, что найдется хоть одна, которая ради этого глупого мальчишки решится на такое? – задумчиво спрашивал Ний.

Проделки Морены ему были знакомы лучше, чем всем остальным, но до такого дошло впервые.

- Не знаю. От наших богинь всякого ожидать можно, - отвечал волк, - но если она появится, ты будь с ней помягче, - попросил он.

Ничего не ответил грозный Ний, только усмехнулся.

Какие добрые волки тут развелись, вон на севере весь мир сожрать готов, а этому какую-то глупую и безрассудную берегиню жаль.

Но он опомнился, потрепал волка по жесткой шкуре и прошептал:

-Посмотрим...

Долго ждать не пришлось. Вскоре ворон доложил Нию о том, что появилась Незнакомка, полыхающая огнем, которая готова спасти Улада.

Усмехнулся Властелин Тьмы, он любил дерзких и безрассудных дев.

Жестом велел впустить ее в свои чертоги.

И в тот же миг заметалось алое пламя по всему темному залу.

Сначала только с любопытством взирал на танцовщицу властелин тьмы, он старался угадать, кто же из богинь или берегинь так любит Улада, что готов его разбудить, да такой ценой.

- Если меня не захватит этот танец, она навсегда останется здесь, но если она покорит меня, и тогда будет одно небольшое условие, - размышлял Ний, - он не собирался освобождать Улада просто так.

И вдруг почувствовал бог Тьмы, как тает его ледяное сердце, оно перестало быть глыбой льда в груди его. Невольно улыбка появилась на суровом, но таком красивом лице, а там, где остановилась незнакомка, расцвела алая роза невероятной красоты.

- Тебе осталось сорвать цветок, - усмехнулся Ний, - и тот, ради которого ты здесь, очнется от сна. Но такой прекрасной ты будешь только в

подземном мире, а там, на земле от тебя отшатнется в ужасе любой. Такова сила этого цветка, такова цена за его воскрешение.

Танцовщица склонилась к цветку.

- Ты слышала меня? – спросил ее Властелин Тьмы.

- Я слышала тебя, - спокойно отвечала она.

- Не рви цветок, - взвыл волк, - Услад не стоит того, Ний не шутит, он вообще не умеет шутить, и безжалостен к тому же.....

Вой волка унесся куда-то в дальние пещеры, пугая их обитателей.

Но она склонилась еще ниже

- Не трогай этот проклятый цветок, - заверещал кот Баюн.

Когда Ний услышал его визг, он, наконец, понял, кто пожаловал к нему и скрывается в этом огненном наряде. Конечно, как он мог не догадаться сразу. Хотя кто бы мог подумать, что она пожалует сюда сама.

Кажется, все зажмурились в тот миг, когда цветок оказался в руках прекрасной танцовщицы.

Она решила свою участь махом, хотя все знали, что она любила Услада не больше, чем всех остальных молодых богов – они были ее учениками и только, почему же она так много заплатила за то, чтобы он стал прежним и вернулся в мир?

Только смех Ния, то раскатистый, то громкий, то приглушенный, несся за Огненной Танцовщицей, котом и волком, когда они уходили из подземного мира.

№№№№№№№№

Очнулся и встрепенулся в заповедном лесу Услад. Он вернулся в реальность из своего дурманного сна.

Только прекрасные бабочки и грозные шмели летали рядом. Свистнул где-то Соловей разбойник, стал разглядывать спасенного бога.

- А говорят, Морена убила тебя, врут плутовки - берегини, а слезы, то как льют, как будто и правду ты помер, - заявил он.

- Она меня убила, но нашла одна, та, которая спасла, и вырвала из подземного мира,- отвечал Услад, припомнив все, что происходило.

- Интересно, кто она такая?- поинтересовался Соловей

- Я бы сам хотел это знать, и все на свете отдам той, которая вернула меня в этот мир.

Но весть о воскрешении Услада уже облетела всех, и Берегини бросились к нему. И высохли слезы на прекрасных лицах дев, они снова засмеялись, закружились вокруг него, словно разноцветные бабочки. А

потом они убежали все вместе куда-то, только звонкий смех и голоса их звучали где-то в чаще лесной.

Леший ворчал сердито, снова не будет от них покоя, только и отдохнули, пока Услад зачарован был да неподвижен.

Но Водяной говорил ему, что жизнь прекрасна, и нам остается радоваться тому, что происходит вокруг.

Вот они все и радовались.

Тихо было только в избушке Яги. Когда там появилась Морена, кот Баюн зарычал, как собака, потом яростно зашипел и бросился на печку.

Морена содрогнулась, когда увидела Ягу.

- Как жесток Ний, - задумчиво произнесла она, - даже я никогда не спорила с ним, зачем тебе это было нужно, ты же была прекраснее Лады самой, а теперь...

Яга молчала, только насмешливо смотрела на Богиню Смерти.

Та развела руками, словно просила прощения за все, что случилось, она была потрясена тем, что увидела.

- Я не хотела этого, - произнесла она, и положила яблоко перед Ягой.

На нем было написано:

- Единственной.

- Вот, оно твое, если тебе захочется стать прежней, ты всегда можешь это сделать.

Яга молчала.

Морена развернулась и ушла. В избушке стояла тишина.

Кот Баюн схватил яблоко и уволок его подальше, спрятал, чтобы Яга не бросила его в печку. А вдруг наступит такой момент, когда ей захочется стать прежней. Они проживут без Услава, он не стоит таких жертв, противный мальчишка, - размышлял кот, косо поглядывая на яблоко.

Яга смотрела на огонь. Ей виделся тот танец, волшебный танец, способный воскресить мертвого бога и растопить сердце Властелина тьмы.

Потом она взглянула на собственное отражение в воде и усмехнулась.

- Это стоило того, - услышал кот ее голос, - не прячь яблоко, плут, оно мне не пригодится.

- Это мы еще посмотрим, - отозвался Баюн

Яга улыбалась победно. Какая у нее неотразимая улыбка

Комедия окончена, мой друг. Тайна шедевра

Вот и сорваны маски, а лица бледны от печали,
И веселые сказки во тьме и в тиши отзвучали,
И нелепые речи, и странные томные взгляды,
Эта жизнь, как увечье, и бродим в тиши звездопада
Тот, кто другом казался, врагом предстает и злодеем,
Тот, кто был нам не мил, оказался лихим чародеем,

Князь шутлом притворился, скажу, у него получилось,
Шут на троне кривлялся, карал и оказывал милость.
- Это только игра,- ты меня в этот миг утешала,
Это творчества плен, отдохнем и начнем все сначала
Только в новых условиях другими должны мы родиться,
И лукавит политик, учитель смешным быть боится.

Но от этого глупости снова вершит неумело,
Жизнь ужасная шутка, и что же нам с этим поделать.
Лишь на свете на том, не важны нам уже маскарады,
Обнаженные души туда не приносят награды,
И костюмы Армани уже не имеют там веса,
Одинаково наги, и Золушка там и принцесса.
Только разница в том, что одна из них спину держала,
А вторая согнулась, и было и больно и жалко
Вдруг в такой суматохе опять там шуты с королями,
То добры, то жестоки, и пытаются править там нам...

Эта невероятная история о мифическом и мистическом романе, которая взбудоражила умы и сердца многих достойных, а еще больше недостойных, но очень влиятельных людей в городе Адмирала началась в последний день февраля.

И начиналась она с телефонного звонка из столицы, как бы ни странно это звучало. Но иногда из столицы приходят послания «во глубину

Сибирских руд» и нынче, а не только в старые, не всегда добрые времена. Звонок раздался в квартире нашей старой знакомой, писательницы и следопыта Алины, которая искала убийц профессора и разгадала недавно тайну близнецов.

Но все это породило синопсисы для детективов, слухи о которых появились еще до самих творений, и ей пришлось садиться за работу... Трудилась она от заката до рассвета.

От Алины требовали отправить в издательство очередной детектив. Редакторша была очень вежлива, что и наводило на печальные мысли о крахе, ужасе, провале. Когда она орала, угрожала, оставалась надежда на то, что ее, как бедного Достоевского, не возьмут за гордо и не бросят в темный подвал с раскаленными утюгами и остальными радостями цивилизации, которые быстро заставляют творцов стряпать именно то, что требуется, а не то, что хочется.

Ну, про утюги и подвалы – это было преувеличение, конечно, что душой кривить. Но моральные пытки казались чудовищными.
№№№№№№№№№№

Алиса взглянула в зеркало и не узнала себя. Да и никто бы не узнал ее, хорошо, что в доме тогда никого не было.

И чтобы хоть как-то прийти в себя, она постреляла по шарикам, но драконов так и не освободила, застряла где-то на 57 уровне, и решила написать сначала что-то более созвучное собственным идеям и стремлением, а потом тот проклятый детектив дописать и отправить, и забыть о нем, как о кошмарном сне.

Но пока перезагружался комп, она поняла, что с этим надо кончать, с творческим насилием над собой.

Винить было особенно некого. Зная, что она работает много и быстро, подруга и заикнулась в издательстве, что полдюжины романов в год ей вполне по силам. Это была правда, только одна маленькая деталь выяснилась позднее.

А то, что это будут детективы с элементами мистики и какими-то отсылками к мифам, сначала приняли прохладно и насмешливо, но потом решили, что это лучше, чем ничего.

То, что должно было тормозить с первой рукописи, написалось довольно быстро и легко (когда была поставлена последняя точка и детище отправлено на редактуру, Алиса и не поверила в это), а потом она вошла в круг, из которого вырвать могло только что-то чрезвычайное. Надо вызвать беса, договориться с ним, подписать кое – какие соглашения, и

ты свободен, как ветер, от всего, что было прежде. То, что она все это уже проделывала, когда подписывала те самые договоры, об этом Алиса старалась не думать.

Но тогда было второе крещение метелью, совсем как у ее любимого гения. На этом снежном костре она уже сторела, или заледенела, что не меняет дела, души почти не чувствовала.

Но разница была лишь в том, что оставалась слабая надежда на то, что ее можно было отогреть и растопить лед, и убедиться, что она мертва или наоборот возрадоваться тому, что вопреки всем кошмарам, она еще жива. На дисплее появились контакты, она спустилась почти в конец списка, медленно отпустила палец пред именем Андрей, отодвинула его на минутку, а потом резка нажала.

Его могло не быть около телефона, телефон мог быть разряжен, вообще симка сменена. Но ничего такого не случилось. Она почти сразу услышала его неповторимый, а потому легкоузнаваемый голос, и невольно улыбнулась. Свидание в старом кафе, где они бывали еще студентами, назначено на вечер, в обычное время для свиданий.

А до этого срока, чтобы отвлечься от детективов, она решила написать небольшой рассказ.

Скорее просто посмотреть, что же осталось от таланта, который оценивали не только влюбленные филологи, но и серьезные критики, мечтавшие в пору их ученичества о своих издательствах, где будут выпускать в свет только настоящую литературу, никакой халтуры, семейных саг и иронических детективов.

Но когда это было? И что стало потом, почему на 100 книг тех самых детективов ни одной серьезной книжки не приходится, это уже второй вопрос, или первый?

И все-таки, словно бы в этом рассказе заключалось ее будущее, Алиса упорно писала, забыв не только о редакторе, но и о свидании, которое сама и назначила старому другу Андрею.

Творчество – страшно заразительная вещь, а она об этом тоже почти забыла, превратившись в чернорабочего, а может и раба литературной попсы.. Но и это пройдет, комедия окончена...

№№№№№№№№№№№№№№№№

Комедия окончена, мой друг,
а жизнь сера, почти невыносима,
И только маска скроет ужас мук.
Куда мечта нас снова уносила

И ночь темна в ракушке бытия,
никто нам эту пьесу не напишет
Но снова убивает спесь твоя.
И возражаю я тебе все тише.

На сцене внезапно погас свет. А они только хотели танцевать прощальный вальс. По тем временам чудный танец был запрещен и считался дьявольским, может быть потому они и включили его в текст пьесы. И зрители с особенным восторгом ждали финала и танца и следили неустанно за красивой парой на сцене. Комедианты могли позволить себе что угодно. Это у остальных были сплошные запреты. Но можно хотя бы посмотреть на то, как в вихре кружатся эти черти, вся жизнь которых – сплошной грех

Зрительный зал замер в тот миг. Протяжный вздох, пронзительный крик. Зрители никак не могли понять, было ли это написано в пьесе, сколько всего напридумывали драматурги или просто вырубили электричество? А когда свет заблестел снова, сцена была пуста.

Что тогда произошло, никто так и не смог понять. Они были разочарованы, не увидев дьявольского действия. Значит, придется приходить еще раз, уж не на это ли актеры и надеялись, а может быть горят уже где-то в пекле, ведь ничего не проходит даром, за все надо платить, а за дерзость и нарушенные запреты, так вдвойне и втройне.

Но многие из них почему - то иначе стали смотреть на Пьеро и Коломбину. Их так называли, потому что никогда не знали настоящих имен. Не интересовались. Да и они сами никак не представлялись. Только вот так - Пьеро и Коломбина.

Кто они и откуда? Да какая собственно разница. Они были актерами. Почти гениальными актерами, а большего о них и не надо было никому знать. Когда исчезает тайна, больше нет загадки, когда срываются маски, то перестает существовать театр. Остаются просто люди, такие же, как и они сами, а это уже скуотица смертная. Нет, пусть остаются в своих масках навсегда.

№ № № № № № № №

Марта сидела перед зеркалом, старинным зеркалом и смотрела в его пустоту. Это дорогое зеркало - единственная ценность в их убогом жилище, казалось особенно нелепым, но она не могла с ним расстаться. Она точно знала, что скоро не увидит там себя. Происходило такое, что

позволяло ей думать, будто она становится призраком. Жизни не было никакой.

В реальности, где никакой драматург не написал для них пьесы, они не знали, как жить и что делать. Сидели в своем вагончике на колесах, готовые в любую минуту двинуться в путь, но пока еще оставались на месте. Актеры почти не разговаривали, глотали, не пережевывая, какую-то еду, невесть как тут появившуюся, и ложились спать, рядом, но не касаясь друг друга. Когда Марк целовал ее на сцене, она была почти уверена в том, что это настоящая страсть, она готова была обмануться, но ей все время не хватало нескольких секунд для того, чтобы поверить в это окончательно. Только овация зрителей, вырывала из той реальности, и она едва сдерживала слезы, когда ей говорили, что она гениальная актриса. А ведь она уже почти поверила, что это не игра, а жизнь. Но и он был ее достойным партнером, и только.

Да какая там жизнь. Пустая и бессмысленная жизнь под шелест осеннего дождя. Для Марты дождь был всегда только осенний – унылый, тихий и бесстрастный, он начнется через несколько минут, когда они сойдут со сцены и ступят на землю, а пока это была только игра. Иногда ей казалось, что игра со смертью.

- Надо ехать, - в тот вечер сказал Марк.

Она ничего не ответила. Она готова была и поехать и остаться. Какая разница, где играть, слышать комплементы и спать рядом, не касаясь друг друга.

А тьма вокруг кромешная. Но так даже лучше. В полумраке ей особенно страшно было смотреть в старинное зеркало. Она боялась не найти себя там, растворится, исчезнуть совсем.

Марк завалился спать, а Марта вышла на лужайку, где стоял их фургон, и уселась на его ступеньку.

Спать совсем не хотелось. Хотя она устала сильнее, чем обычно. Может быть, от того и не могла спать.

Тогда из леса и вышел этот парень. Высокий и плотный. Леший или медведь. Таким он показался ей в ночном тумане. Но голос такой ласковый и тихий, для такого огромного парня.

- Я шел к тебе, - сказал он вдруг.

Наверное, так приходил древний бог Велес, покровитель всех искусств, к своим людям. Говорят, он тоже был удивительно хорош собою. И вечный его соперник, Громовержец Перун, превратил его в медведя, чтобы жена его, оторвала взор от земли и забыла о страстном красавце.

-Барон приказал написать твой портрет. Он был на спектакле.

- Но сейчас темно и сыро, - удивленно отвечала Марта

- Я работал и в худшее время, - просто сказал он.

Марта улыбнулась.

Никто никогда не писал ее портретов ночью, хотя луна была яркой и яркой, но что же видно в такое время.

- Хорошо видно сердцем, главное всегда скрыто от глаз. Она так и не поняла, от волнения, а она и на самом деле волновалась, что казалось уж совсем невероятным. Много лет не испытывала Марта ничего подобного. Но она так и не поняла, говорила ли она вслух о том, о чем думала, или он только угадал ее мысли.

Но это не был предлог, чтобы провести вместе время, как выяснилось очень скоро, он и на самом деле писал ее портрет, и вероятно, делал это так искусно, что ему почти и не нужно было смотреть на листы бумаги. Хотя она все еще сомневалась, что он на самом деле рисует, а не делает вид, и заглянула на лист.

Марта увидела собственное отражение, до такой степени точно была схвачена ее поза, поворот головы, движение рук. Оба они застыли на минутку, и кажется готовы были снова порхнуть в каком-то странном порыве, только это были и не руки уже, а крылья.

Царевна Лебедь. Она, жена шута? Нет, парень и на самом деле странный. И появилась надежда на то, что если она исчезнет с зеркальной глади, то на холсте все-таки останется. Там Марта будет жить, даже когда в этом мире ее уже не будет. Впервые в душе вспыхнула какая-то странная надежда. И когда она пошла, чтобы вынести ему стакан воды, от вина он смущенно отказался, его уже не было, он растворился в предрасветном тумане, она так и осталась стоять со стаканом воды в руках.

Но явью или сном все это было, вот вопрос.

Марта медленно вошла в комнату, опустилась на кровать рядом с мужем и разрыдалась.

Но она плакала очень тихо, чтобы он не проснулся и не увидел слез, хотя вряд ли он бы обратил на них какое-то внимание. И все-таки, это было важно для нее. Она не хотела, чтобы он о чем-то догадывался. Но о ком рыдать, о человеке или духе, а художник это все-таки дух прежде всего, вышедшем из леса, странно на нее смотревшем во мгле, и сумевшем запечатлеть на бумаге то, что было ее оболочкой, а если не только оболочкой, если ему удалось вынуть ее душу?

Она слышала о том, как быстро умирали жены художников. Хотя, возможно, они писали их уже тяжело больных, но она склонна была верить,

что как раз наоборот, они умирали потому что, душа тоже оставалась на гениальном полотне, а без нее долго ли проживешь?

Вот и она на этот раз ничего не видела и не слышала, до самого вечера ходила, словно потерянная. И даже ее муж не сразу, но заметил что-то странное, и как - то неуверенно спросил, что с ней могло случиться.

- Ничего, - говорила она, - случается что-то в драмах и трагедиях, а что может быть тут, в реальности.

Марта развела руками, показывая на вековой лес, окружавший со всех сторон их фургон, на птиц и бабочек. И вроде бы на самом деле здесь не было никаких ураганов и катастроф.

Марк не стал спрашивать больше, только поморщился немного, и решил, что это пройдет само.

Актриса играла вдохновенно, только на этот раз смотрела в зал чаще, чем обычно, словно оттуда кто-то должен был выйти на сцену и сменить ее партнера в очередном действии.

Что за чертовщина такая? А в остальном все как всегда, вот только хлопали им дольше, чем обычно. И видно было, что им и на самом деле понравилась эта история о вечной любви куртизанки к юному и богатому вельможе.

- Она любит меня снова, - почему - то подумал по дороге к своему жилищу Марк. И поморщился. Ведь это значило, что он должен был ночью заняться с ней любовью, а он так устал, что даже есть не хочется. Да и какая там любовь, все, что мог, он отдал зрителям, чтобы они еще раз убедились в том, что он на многое способен, и он заставит их переживать, смеяться и плакать. А она? Да что она, Марта ведь тоже не меньше, чем он устала. Это все только каприз. Завтра, как-нибудь в другой раз, когда они тронутся в путь, и не будет спектакля, он позволит себе такую роскошь, как близость. Марк провалился в сон, засыпая, порадовался, что она не проявляла к нему того самого интереса. Хотя это странно, ведь было видно, что она снова влюблена. Но выяснит потом, не стоит особенно разбираться. Ему снилось бескрайнее море. Он видел ее далеко - далеко, как она могла так далеко заплывать, если никогда не умела плавать, и вдруг она начала тонуть. А он стоял на берегу, и убеждал себя в том, что она выплывет сама, что ему не о чем волноваться.

№№№№№

Марта вышла в свет луны, и нырнула в его мутную серебристую струю. И закружилась, сама не понимая, что происходит. Она кружилась все

сильнее и сильнее. И почувствовала, что не может удержаться на ногах и остановиться.

Такое бывает с детьми в детстве, когда они не понимают, что происходит и только постигают этот мир.

Она бы рухнула, потому что не могла держать равновесия, и если бы не эти сильные руки. Не эти объятия, и тихий голос, его невозможно спутать ни с каким другим.

- Я должен закончить картину, - хрипло произнес художник, где-то над самым ухом, и она закивала не в силах говорить.

Но какое же это было чудо - лунный свет, кисть в руках у юноши, сегодня это была кисть, а не карандаш, как в прошлый раз. И полное изнеможение во всем ее гибком и прекрасном теле.

Холст остался в траве, когда они, не говоря ни слова, поднялись, и почти бегом бросились к деревьям. Они должны были укрыться от мужа, на всякий случай. Хотя ничто и никто больше не сможет их остановить. Но пусть он остается в неведении. Марта не хотела его тревожить. Прерывистое дыхание, дрожь, радость, и спешка, она так торопилась соединиться с художником, что вообще забыла о существовании этого мира. Она даже не сразу поняла, что была его первой женщиной, а он смущался и терялся, и обмирал от переполнявших душу чувств.
№№№№№№№№№№

Сколько раз все это уже она видела в своих мечтаниях, пока он дописывал картину. Но теперь, это должно было повториться еще раз, хотя она уже и не знала, когда это была реальность, а когда только иллюзия. Крик ее, заставивший сорваться с ветки птицу, а за ней еще одну. Сонные птицы не понимали, что происходит, и возмущенно хлопали крыльями, разбуженные среди ночи.

Но где-то очень далеко, услышав птичьи крики, Марта не видела и не слышала того, кто поднялся, оглянулся вокруг и вышел на улицу из фургона. Марк заметил холст в траве. Подошел и взял его в руки. С него насмешливая, кокетливая и страстная, взирала его жена. Но Марты нигде не было. И тогда он положил холст на место. И уселся на крыльце. Спать больше не хотелось. Он понимал, что очень близко его соперник. В это трудно было поверить, но они не потрудились даже спрятать полотно. И что дальше? Она уйдет, а он останется совсем один. Где и когда он найдет новую партнершу для сцены. О жизни как-то и не думалось вовсе, но сцена, он не мог без нее жить, он не умел ничего другого делать, хотя это была не работа, а состояние души и целая жизнь.

Оставалось надеяться на то, что в этом они совпали, и как бы она не была влюблена в незнакомца, она не оставит ради него сцены, иначе. Но он не знал, что будет, если это все-таки случится.

Когда они появились на опушке, все еще не видя этого мира, он незаметно юркнул в фургон и замер. И что совсем уж удивительно, снова погрузился в сон.

Они расстались на рассвете, с собой художник уносил законченное полотно.

№№№№№

Марта сникла к концу пьесы, когда так и не увидела художника в зале. Но впереди был последний танец. Она еще раз оглянулась на зал, и закружилась, как и тогда на лунной поляне. Только руки совсем другие, сильные, но бесстрастные сжимали ее тонкое и гибкое тело. И она кружилась, кружилась не в силах остановиться.

Она подумала о том, что эти руки ее не удержат, и она рухнет в зрительный зал, а не на подмостки, куда, задыхаясь от кашля, должна была упасть ее героиня, но какая разница, где умереть, может быть потом, они так и будут играть финал, надо же немного взбудоражить зрителей. Еще одно движение, более резкое, чем всегда, Марк не понял, что же в тот момент случилось, но ее легкое платье, задев за полыхавшие свечи, вспыхнуло и загорелось.

Они не должны были приблизиться к огню. Он так и не понял, как они там оказались. Какой-то черт дернул туда броситься. Теперь на сцене было настоящее Пекло. Такого спектакля не было прежде, и уже вероятно никогда не будет потом. Странно сверкнули его глаза.

Платье на Марте вспыхнуло в один миг. И в ужасе воскликнула толпа, видя, что актриса полыхает. Этого не могло быть в пьесе, что бы там не написали сумасшедшие авторы. Этого не могло быть. Художник с огромным букетом цветов, рванулся к сцене. Он только что вернулся из города, куда его посылали по делам. И, отшвырнув цветы в сторону, бросился к ней, но было слишком поздно. Видела ли она его, слышала - вряд ли. Если она еще и была жива, то чувств лишилась от адской боли.. Он сорвал тяжелый занавес и закрыл ее, рухнув рядом. Марк тупо смотрел на незнакомца парня. И подумал о том, что, скорее всего с ним она и была накануне в лесу.

Он самодовольно подумал о том, что соперник страдал значительно сильнее.

А он ощущал только пустоту и был уверен, что она все сделала специально, она предала его на глазах у всех, женщины изменчивы и непостоянны. Он знал это с самого начала, и Марта ничем не лучше остальных, она просто искусно умела обманывать, как и всякая большая актриса.

№№№№№№№№

Зрители не расходились. Марк первым развернулся и побрел к выходу, потому что никак не мог пережить того, что тут творилось. Теперь все, кто боготворил его и восхищался его талантом, каждый из них видел и знал, что у его жены был молодой любовник. И она совсем не любила его, все это только искусная игра.

Он шел и шел все дальше в лес, уже не зная, куда и зачем, и понимал, что не выберется, заблудится, что он не сможет вернуться в город, но ему и не хотелось возвращаться. Пусть все там огнем горит.

Он испугался, когда забрел в болото и понял, что не выберется оттуда. Начал кричать и метаться. Ему вовсе не хотелось умирать. Это было страшной глупостью, ведь он так молод.

Но болото не отпускало, и чем больше он рвался, тем глубже в него погружался, пока, наконец, совсем не исчез.

№№№№№№№№

Художник снова и снова рисовал ее портрет. И она все время ускользала от него. Он был уверен, что если бы не задержался, пока искал для нее самые лучшие, самые алые розы, то ничего бы не случилось. Она была бы жива. Но ему так хотелось найти черные розы. Он не мог вернуться без них. Он был уверен, что решается его судьба, и она именно в этих черных розах и заключается.

Так примерно и было. Только небеса распорядились по-другому. Она сторела от страсти. И он остался совсем один в этом мире. Однажды Марта пришла к нему во сне, и прочитала стихотворение, которое он не мог вспомнить, когда проснулся. Но листок с этими стихами лежал перед еще незаконченной картиной, кто и откуда мог это принести? Он мог бы подумать, что сам во сне их записал, но почерк был совсем незнаком. И это единственное бесценное сокровище, которое у него оставалось, хотя со временем он стал очень знаменитым Мастером, и никогда не бедствовал. И только ее голос на опушке леса, залитого лунным светом, заставлял его отключиться от мира, и надолго уйти в старый сад, где он был так несчастен,

но и так счастлив одновременно. Какие странные чувства теснятся в душе, когда особенно ярко светит луна.

Комедия окончена, мой друг,
а жизнь сера, почти невыносима,
И только маска скроет ужас мук.
Куда мечта нас снова уносила
И ночь темна в ракушке бытия,
никто нам эту пьесу не напишет
Но снова убивает спесь твоя.
И возражаю я тебе все тише.

Нет силы на истерику и боль,
сама прошла и больше не терзает.
- О чем ты, дорогая, что с тобой?
И смотрит так устало, и вздыхает.
Мой муж, он слеп душою так давно,
Но этого тогда не замечала,
Что остается? Кислое вино,
наряд принцессы , этого так мало

И красное на черном, словно кровь.
Она еще безжалостно прольется
И все твержу я в забвении: «Любовь,
она придет, ко мне, она вернется»
И даже верю, если повторить ,
она от сна очнется и услышит,
И лишь закат, как мой наряд горит.
И звезды загораются все выше,

А он храпит у самого плеча.
И ничего ему уже не надо.
Художник пишет, теплится свеча,
звезда упала, горечь и отрада
Не сбудется желанье все равно.
Но я о ночи страсти загадаю.
Художник гениален, под луной,
на полотне его я воскресаю.
И буду жить, а что реальность нам,
она мираж, несыгранная пьеса
И эта страсть, нахлынет как волна,
и мы уйдем в тень призрачного леса.

Абрикосами пахла осень. Свидание в полночь

Абрикосами пахла осень,
Этих запахов тьма ночная,
Никого ни о чем не спросим,
Просто жизнь до конца играем.
И в сиянье луны танцуем,
Как когда-то мы танцевали,
Абрикосами пахла осень.
Отчего же темно от печали?

Луна пыталась спрятаться за тучами, но они расступались. И она показалась во всей своей серебристой красе и печали.

Мигнула самая яркая звезда.

Алина закрыла окно и огляделась, словно она была не в своей, а в чужой квартире. Наверное, так воры пробираются куда-то и пытаются понять, что же там творится, что можно взять, что тут можно отыскать.

Но квартира и на самом деле выглядела как-то необычно, что же могло тут так измениться в эту лунную полночь.

Пахло абрикосами, она только мечтала о таком освежителе воздуха, но покупала неизменно «Хвойный»

Запах хвойного леса – единственный, неповторимый, даривший легкое вдохновение, радость и грусть. Самые лучшие стихи рождались, когда в комнате парил аромат хвойного леса, а тут абрикосовый, терпкий, далекий запах восточного детства.

И полузабытые воспоминания снова появлялись в памяти.

- Осень, - неожиданно услышала она голос Сережки.

- Осень, - повторила Алина, словно она была его переводчиком с русского на язык поэзии и вдохновения.

Он выглянул из кухни – кучерявая голова, немного плутоватые глаза.

Сережка всегда готов был придумать что-то, чтобы развеселить ее, даже если родители злились, и в доме что-то падало и ломалось, самое главное,

чтобы она рассмеялась, закружилась по комнате, повисла у него на шее и сказала какие-то ласковые слова.

Ради этого он готов был на все. Никакая буря не страшна, если звучат волшебные чарующие слова, да так, как их умела произносить только Алина.

Одна поваленная новогодняя елка чего стоило. Сережка подбросил ее на вытянутых руках к потолку, а она схватилась за елку, он, конечно, ее поймал, но она потащила с собой елку вместе со всеми игрушками, так они и оказались на мягком ковре, Сережка, она на его груди, и на них колючая елка, с осколками дорогих старинных игрушек.

В тот момент по закону подлости и вошли родители. Папа бросился к ней, бабушка к елке, она чуть не лишилась чувств, когда увидела осколки от своих птичек, а Сережку ругала мама, да так, что поваленная елка шевелилась от ее крика. Его наказали, оставили без праздничного ужина, но когда взрослые куда-то ушли к друзьям, Алина принесла ему все, что удалось спрятать, и все, что еще было на кухне. Они сидели в том самом углу около окна, доедали все конфеты и шоколадки и веселились от души, вспоминая о недавних происшествиях.

№№№№№№№№№№№№

Если бы он не стал самым классным программистом, то обязательно стал бы самым лучшим поваром. Бабушка научила его готовить самые изысканные блюда, но больше всего Алина любила его пирожки...

Вот и сейчас, на кухне пахло тестом и зелеными яблоками, и абрикосами, конечно. Так вот откуда был этот дурманящий запах.

- А что ты затеял? – спросила его Алина

- Пирожки с печенью и яблоками для меня и абрикосами для тебя.

На столе лежало уже разрезанное на дольки тесто.

- Давай сделаем их вместе.

Какое-то время они старательно лепили пирожки.

У него получались ровненькие и аккуратные, у нее – самые разные, причудливые, с налетом творческого беспорядка, но уже шипело масло на сковородке и они, наталкиваясь друг на друга и отклоняясь невольно в сторону от шипящего масла, складывали их жариться.

Треск, шипение, смех.

Звезды за окном. Луна больше не пряталась за тучи, на кухне было как-то светло.

Алина пригляделась.

Как же он молод и красив. Ей почему-то стало страшно. Ведь за эти годы она так постарела. Хотя все знакомые ей говорили о том, что она совсем

не изменилась, да и молодые парни все еще обращали на нее внимание. С некоторыми из них она появлялась на каких-то вечеринках и презентациях, отчего шипели ее подруги и жены ее знакомых и начальников.

Но ничего кроме загадочной улыбки не получали в ответ.

Только в этот вечер она поняла, почему так тянулась к молодым, ей хотелось каким-то чудом задержаться на цифре тридцать, когда было сорок и сорок пять.

Иллюзия, но кажется, ей удавалось это, какое - то время. А он, почему он смотрит насмешливо радостно (он никогда прежде не врал, даже когда это было невыгодно ему самому) неужели он не замечает, как она изменилась, как постарела? Азazelло уже должен был предложить ей свой чудесный крем в обмен на услуги и сказать нечто не очень приятно о том, что было и что стало с этой женщиной.

Но Сережка уже ловко извлекал пирожки и складывал их на большую тарелку, а потом сам один забрасывал новую порцию жариться.

Алина взяла в руки первый абрикосовый пирожок, их не перепутаешь с другими, он клеивал их иначе, чтобы она сразу нашла свои, ребристые края пирожков говорили о том, что это для нее, с абрикосами.

Сколько разговоров по этому поводу было в детстве, насмешек старшего брата.

- Это самое капризное создание, и ты делаешь его еще несноснее, - все чаще с умным видом повторял Женька.

Но он не обращал внимания, делал упрямо свое дело.

Алина обожглась, откусывая пирожок. Или ей только показалось, что обожглась?

Он порывисто взглянул на нее.

- Тебе не больно?

- Нет, радость моя, мне не больно.

Пока пирожки шипели на сковородке, и он незаметно их поворачивал, не глядя, Сергей повернулся к ней.

- Скажи мне, что тогда произошло, я пытался, но так и не мог вспомнить, что было тогда в том 1989 году, в сентябре.

Алина с самого начала ждала и боялась этого вопроса.

Она пыталась проглотить кусочек пирожка с горячим абрикосом и не могла.

Подавилась, стала кашлять.

Он легко ударил ее по спине. Она не сразу поняла, что не почувствовала никакого удара, но ведь видела его руку, приготовилась ощутить его, но ничего не почувствовала.

И все-таки кашлять перестала...

Он стоял перед ней, за спиной его шипели пережаренные пирожки, и Сережка повернулся, чтобы достать их из раскаленного масла.

Когда последний пирожок оказался в большой чашке он снова повернулся к Алине.

Она понимала, что не сможет сбежать от ответа на этот раз, она должна рассказать ему о том, что случилось тогда. Похоже, что он на самом деле ничего не ведал, наверное, поэтому не мог успокоиться.

- Я ехала в автобусе в универ, за мной уселись две девчонки, одна рассказывала другой о страшной аварии, на перекрестке на улице Герцена.

Не знаю, почему я прислушалась к их разговору, но они говорили, что в «Жигулях» были четыре парня, высоких, молодых и красивых, КАМАЗ без остановки ехал на красный свет на всей скорости, он обогнул какого-то пьяного мужика и врезался в машину со всей скорости, он проехал по вашей машине. Водитель был мертвецкий пьян, милиционерам едва удалось привести его в чувства, он не стоял на ногах.

- И что дальше? - спрашивал Сережка.

- Ваш водитель был мертв в тот же миг, парень, сидевший рядом с ним, изуродовал, ты в коме. Я почему - то сразу поняла, что это ты, не знаю, почувствовала. Добежала до телефона автомата, начала трезвонить Коле, и он сказал мне прямо из дежурной части, что один из пострадавших в той аварии с нашей фамилией. Он пытался убедить меня, что в городе сотни людей с такой фамилией, но я знала, что там был ты.

- И что потом?

- Три дня в больнице, в сознание ты так и не приходил. Никого не пускали, я ночью забралась на второй этаж, парни нашли какую-то приставную лестницу, когда поняли, что легче помочь, чем остановить. Сестра куда-то ушла, тогда я и пробралась к тебе в палату.

Сережка посмотрел на свою руку.

- Так это твои слезы капали мне на руку. Я вспомнил сказку, которую ты так любила в детстве, и очень хотел очнуться, мне казалось, что сказка должна спасти и оживить меня, но у меня не хватило сил. Но мне так хотелось на тебя взглянуть, я не поверил, что это была ты, потому что ты никогда не плакала, даже на похоронах отца, я это хорошо помню...

- Потом пришла сестра, пригласила молодого врача, ему удалось вытащить меня из палаты на время, тогда он и сказал, что травмы несовместимы с жизнью.

- Но ведь ты сидела там до конца.

- Да, конечно, они позволили мне это, кажется, тот врач был влюблен в меня, хотя какая разница, почему он все-таки разрешил, а что еще я могла сделать для тебя, только побыть рядом, ты ведь так не любил оставаться один.

- Мне так хотелось тогда пирожков с абрикосами, нет, сам я есть не хотел, просто чувствовал, что ты была голодна, и я все время думал, что, как только очнусь, сразу же испеку эти пирожки.. Но как же долго пришлось ждать этого часа. Вот и сейчас время пролетело незаметно, мне уже пора.

- Не уходи, - встрепенулась всем телом Алина.

- Мне уже пора, они не отпускают нас надолго. Это моему хранителю удалось уговорить их отпустить меня сюда впервые за двадцать лет, он сжалился надо мной и позволил вернуться ненадолго, чтобы, наконец, испечь для тебя пирожки с абрикосами.

- Он сжалился надо мной, - улыбнулась Алина, - еще немного и я стала бы древней старухой, а тебе все так же будет 31 год, каким же молодым и красивым ты останешься.

Он улыбнулся и прижал ее к груди.

- Ничего, все проходит, и старость пройдет, там мы снова будем прежними и у нас еще все впереди.

№№№№№№№№№№

- Не уходи, - шептала Алина, и никак не могла пробудиться.

В комнате было темно, только серебристый лунный свет пробивался сквозь плотные шторы.

И вдруг ударил гром, и сверкнула молния. Она метнулась от нее куда-то вдаль.

Сколько раз просила она Перуна об этом свидании, а случилось оно так неожиданно. За окном зашуршал дождь, она распахнула окно.

На журнальном столике лежали три больших темных абрикоса.

Откуда они могли появиться здесь. Что это, все еще странный сон или реальность.

И снова сверкнула молния. Абрикосы оставались на том же месте.

Какая грозная, печальная и счастливая ночь. Сон – продолжение яви, явь – продолжение сна....

Мне к тебе дотянуться сквозь время
Наступила, Сережка, пора,
Вот и верю уже не и не верю,
Что ты снишься, иллюзий игра,
Абрикосов восточная сладость,

И забытого детства мираж.
Это боль за улыбкой и фразой
Наша встреча, печаль и шантаж.

Твоя детская дивная радость,
И моя вековая печаль.
Я не знаю, что нынче осталось.
Эта осень и больше не жаль
Тех летящих отчаянно листьев,
Звуков музыки, слез и тоски.
Пусть летят в тишину мои письма,
Ты за осенью снова лети.

Эту жизнь проживая устало,
Я тянулась сквозь время и сны,
В наше детство, как было там мало
Дней твоих, все они сочтены.
Небеса распахнули объятья.
На прощанье сказал мне: «Живи,
Ухожу, но вернусь я обратно
В мир Надежды, Мечты и Любви»...

ТРИ НОЧИ СЧАСТЬЯ. ЛЯГУШКА-ЦАРЕВНА

В те осенние дни, наполненные страстью и счастьем, рождались не только чудные стихи, но и особенные сказки.

Алина знала, что сказки рождаются только тогда, когда она влюблена и удовлетворена в постели. Люди несчастные, ворчливые, неудовлетворенные сказки писать не могут. Ведь в них скрыта вековая мудрость, им суждено пережить века и сохранить мир души человека вне зависимости от того, в каком времени он жил – сказки – это повествования о вечном...

На этот раз ей еще хотелось показать Андрею, на что она способна, а вдохновение было особенным, безбрежным.

Это была сказка о царевне - лягушке...

Фея была доброй.

Она увидела лягушку, сидевшую на кочке, и вспомнила сказку, и решила сделать ее царевной. И царевич тут же нашелся. Он появился в тот момент, когда дева выходила из воды, оглядывая удивленно свое прекрасное тело, не в силах поверить в то, что чудо совершилось.

А потом она увидела царевича, взглянула в эти изумрудные глаза и влюбилась раз и навсегда.

Эта была единственная и неповторимая, и очень печальная любовь. Потому что самого главного еще не сказала фея лягушке, ставшей на миг царевной, что длится ее колдовство, будет только три дня и три ночи. На большее у феи заклятия не хватило. Оно было мимолетным. Но ведь это лучше, чем ничего?

А потом, когда чары исчезнут, она снова станет лягушкой и вернется в свое болото, и никакой царевич не найдет и не расколдует ее.

Такая вот странная у нашей доброй феи получилась сказка.

Она только училась колдовать, и училась не особенно хорошо, а потому не знала многих очень важных вещей.

Фея посмотрела на влюбленных и отошла в тень. Пока она одна знала страшную тайну и решила, что расскажет о ней царевне завтра. Может быть, после ночи страсти ей будет не так горько узнать страшную правду.

Фея была легкомысленна. Ей очень нравилось повелевать чужими судьбами. И в тот момент она в смятении и исчезла.

На следующее утро она встретила девушку, когда та ждала своего царевича на том самом месте, где они впервые встретились - ей просто некуда было пока идти. И фея рассказала ей обо всем. А потом она молча смотрела, как рыдала царевна. И ей больше нечего было сказать, снова пришлось поспешно исчезнуть.

- Это даже хорошо, - думала фея, - что рыдать ей осталось только два дня, мы еще и со своей царевной Несмеяной не знаем, что делать. Царь уже всех женихов извел, а рассмешить ее никак не могут. Если их будет в одном царстве две, это уже больно много, что о нас люди подумают.

Фея ушла. Она больше ничем не могла помочь бедняжке и оставаться рядом с несчастной царевной не хотела.

А царевна, оставшись одна, вытерла слезы, и подумала:

- У меня еще осталось целых два дня и две ночи для счастья, это не так мало. Ведь самое главное не то, сколько ты жил, а то, как ты прожил это время.

Она весело рассмеялась и бросилась в объятия царевича.

И парень радовался, что сделал свою любимую такой счастливой.

Как же они любили и как были счастливы.

Когда Царевич отправился к ней на четвертое свидание, то прихватил с собой обручальное кольцо и твердо решил, что сделает ее своей женой. И неважно, что будет говорить отец и братья. Он третий сын, и вряд ли станет наследником трона. А значит, может жениться на той, которую любит.

Пусть ему не достанется трон, зато он будет самым счастливым и любимым из царевичей.

Каково же было его удивление, когда он нигде не нашел свою любимую.

И когда уже сбился с ног и отчаялся наш царевич, мудрый ворон рассказал ему о том, что произошло. Он слышал разговор феи с царевной, и знал страшную тайну.

- Этого не может быть, - только и шептал царевич, но понимал, что все так и есть, как говорит мудрый ворон.

- Фея сама бы тебе сказала о том, но она просто трусливо убежала, - каркнул ворон на прощание.

Он считал, что царевич должен знать правду, или лягушка попросила его о том. Ей не хотелось, чтобы он думал, будто она не любила, а обманывала его и только притворялась влюбленной.

- Но царевна, почему она мне ничего не сказала? - спросил он удивленно.

- А зачем, ведь ты ничего для нее не сможешь сделать. И ты был бы самым несчастным в мире. А тогда ты был с ней самым счастливым. Разве этого мало?

Ничего не ответил царевич и поплелся домой, не разбирая дороги.

Берегини и Леший часто потом видели его бродившим около болота.

Иногда рядом с ним появлялась добрая фея, но она так не решилась к нему подойти и во всем признаться.

Наш царевич все-таки стал царем. Он дождался своего часа. И издал первый Указ, который удивил всех его подданных. В этом Указе запрещалось убивать лягушек, и причинять им какой-то вред.

Сколько не гадали его министры и придворные, они никак не могли понять, почему это он так чудил.

Эту тайну старый царь унес с собой в могилу.

Свет на нее могла пролить добрая фея, вечно юная и прекрасная. Но и она никому не сказала ни слова.

Но это было единственное его чудачество, а в остальном он был обычным царем, не лучше и не хуже других. Только не было у него своей царицы. Он все ждал ту, единственную, надеялся на чудо, но так и не смог дождаться.

Такой грустной оказалась сказка.

И в том тумане, где тонули чувства,
И мысли вырывались из объятий,
Я знала, что меня он не отпустит.
И я ждала рассвета как проклятий,
Но он молчал, еще не понимая,
Что нынче ухожу я навсегда.
Что эта ночь, прекрасная такая,
Последняя. Темна была вода

И так прохладна, снова я лягушка,
И нет царевны, чары снять невмочь.
Целует он, а я печально слушаю.
Шуршанье листьев, и дыханье ночи.
О чем царевич говорит в тревоге,
Какие песни слышит он вдали.
Меня к болоту уводили ноги.
И в мире больше не было любви.

И там, в тиши сидят мои подружки.
Довольные и жизнью и судьбой.
Им нечего терять, они лягушки,
Их принцы не водили за собой.
А мне лихая фея подарила
Всего три ночи, думала смогу
Я счастье испытать, и полюбила
И знала, что спокойно убегу.

- О, дорогая, ты о чем-то плачешь, -
Он спросил вдруг. - Не ведаю сама.
Болотная тоска, и обозначен
Лишь тиной черной век мой, кутерьма.
Но нет, не стоит, это все пустое,
Вдали сияла мутная луна.
И эту ночь побуду я с тобою.
И растворюсь в немых объятьях сна

Букет незабудок для Анны. На грани времен

В момент тяжелой болезни человек находится на грани времен и прошлых жизней. Он упорно ищет причины своего недуга, и тот может оказаться в другой реальности, в другой его жизни...

Главное, не заблудится в этом лабиринте, и вернуться к реальности исцеленным.

Ослепительный свет.

Белые стены, потолок – келья или больничная палата. Анна не была ни монашкой, ни блудницей, что же случилось неделю или месяц назад? Почему она здесь? Она с трудом повернула голову к низкому столику, там в красивой старинной вазе синели незабудки... Какие-то сны и воспоминания о фиалках из этой или какой-то иной жизни... А в реальности незабудки. Но в реальности ли, сразу не понять. Цветы словно окутаны туманом, дымкой и кажутся не реальными – иллюзии и сны.

Кто и когда их мог принести, кто знал, что это ее любимые цветы? Откуда они в изнывающей от жары столице? Она слышала как Макс ее единственный, но не любимый муж спрашивал у медсестры, откуда взялись эти цветы, но она что-то лепетала. Он сердился.

Как он мог вообще увидеть их – цветов было много в ее палате, эти заметить не так просто среди роз и пионов. Тогда Анне показалось, что незабудки ей только снились... Но вот сейчас они были реальными... Словно бы она проснулась в своих покоях в старой усадьбе.

Красавец граф тихо прошел в комнату (она прикрыла глаза, притворилась, что спит) и поставил незабудки на столик около кровати. Как он любил свою молодую жену... Розы благоухали в саду за окном, а он приносил незабудки, находя в них особую прелесть. Это была их общая тайна, странная, необъяснимая. Ничего толком не знали даже сами влюбленные... Миры, жизни перемешались, одна наслаивалась на другую... неизменными во всем этом месиве оставались только цветы и музыка Чернигов, Игорь растерянный и усталый только что влетал к Ярославне

ясным соколом, он все еще оставался в плену. Княгиня не знала, дождется ли его или нет. Тревоги, волнения за любимого мужа бросали ее то в жар, то в холод. В покоях появился грозный князь, отшвырнул служанку и встал перед ней, широко расставив ноги:

- Возвращайся домой, он никогда не вернется, тебе не место в этом городишке, - проревел князь Ярослав.

Она поднялась с постели и встала перед ним, расправив плечи.

- Отец, я никуда не поеду, я буду ждать своего мужа.

Князь яростно скрипнул зубами – каким высоким, сильным, красивым был отец – перед ним трепетал великий князь, что говорить об остальных, развернулся и стремительно вышел, отшвырнув что-то с ковра – это был букет незабудок.

Княгиня бросилась к измятым цветам, схватила их, прижала к груди. Ярославна понимала, что ее муж и отец никогда не станут родственниками, ни примирятся друг с другом, но что же делать ей, как ей быть...

Измятые княжеским сапогом цветы ожили, стали прежними в ее руках. Сокол парил в небесах...

- Ясный Сокол, - повторила Анна и стала пристально смотреть в небеса, ей казалось, что там, высоко- высоко должна появиться эта прекрасная гордая птица.

Ветер распахнул прозрачные легкие шторы, граф прикоснулся к ее щеке, ласковая ладонь скользнула нежно и трепетно:

- С добрым утром, любимая!!!

Внизу отец сидел за роялем, и звуки музыки окрылили графиню Елизавету...

- Отец, он вернулся, Серж, ты говорил с ним, он больше не сердится на нас?- произнесла она, почувствовав себя счастливой. Алые розы рядом с незабудками – это знак того, что отец вернулся, никто никогда не дарил молодой графине такие алые розы – только отец. Они примирились. Они смогли быть любезны и обходительны друг с другом.

Но неужели она дождалась до счастливых времен...

№№№№№№№№

- Отец, алые розы, он вернулся, - шептала Анна. Капельница еще связывала ее с реальностью, с какой реальностью... Как это знать... Она должна была дожить и увидеть незабудки на столике около кровати.

- Кто принес незабудки? - снова слышала она голос Макса. Значит, цветы были здесь, ей не показалось, это не странный сон... Радио. Откуда в палате взялось радио?

Там говорили о какой-то странной аварии на Рублевском шоссе...

-Серж, - простонала она, значит незабудки, это не он, они никогда не смогут примириться. Серж мертв, откуда незабудки, отец приносил алые розы, всегда...

Когда она погрузилась в забытье снова, высокий седовласый мужчина опустился на жесткий стул рядом с кроватью Анны:

- Анечка, доченька, мне снился сон, не поверишь, я был каким-то князем Ярославом, не знаю, кто он такой, но я был с тобой, чего-то от тебя требовал, а потом растоптал букет незабудок...Сколько пришлось искать эти цветы, но мне показалось, что если сейчас я принесу тебе их, то все будет замечательно. Сон с четверга на пятницу, вещий... Ты не представляешь, сколько цветов в мире, и только незабудок никак невозможно было найти, но я их все-таки нашел.

- Князь Ярослав, отец, мне казалось, что ты не вернешься никогда.. Она открыла глаза и взглянула на букет голубых цветов. Они были реальностью во всех мирах, они помогли вернуться ей в реальность, жить и любить.. Самое страшное позади.

Анна пригляделась, за спиной отца стоял грозный князь и пристально смотрел на нее. Что-то похожее на улыбку появилось на его суровом и прекрасном лице.

- Отец, как же долго я тебя ждала...Незабудки...

Ей показалось, что грозный князь Ярослав протянул ей еще один букет незабудок оттуда, издалека.

Значит, все будет хорошо. Музыка. Мажорная баллада Шопена неслась откуда-то издалека, из старой усадьбы.

- Отец вернулся...Он простил нас...Незабудки

УПЫРИ ЗА РУЛЕМ. МЕСТЬ АНГЕЛА - ХРАНИТЕЛЯ

Среди ангелов есть создания, которым страшно не везет.

Думаете так просто хранить какого-нибудь пьяницу или садиста? А хранить – то все равно надо. Ангелы исполняют свой тяжелый долг, не потому ли те так часто остаются живы и невредимы даже в страшных авариях?

Исключительно такие упыри и доставались нашему старому знакомому, которого звали в ангельской среде Эгоист.

Могут ли быть хранители эгоистами?

Наверное, нет, но этот все-таки был, и своих хранимых он никогда не жаловал. Если суд не мог наказать насильника или убийцу, которого он хранил, за дело брался ангел.

И хотя более осторожные друзья намекали ему на то, что так не годится, не положено по должности, так и крыльев, и работы можно быстро лишиться, но у Эгоиста в одно ухо влетало, а из другого вылетало все, что он слышал от своих более удачливых товарищей. И продолжал заниматься своим делом, то хранением, то наказанием тех, кого отмазывали адвокаты и щадили наши безжалостные судьи.

А что еще делать, если прокурор и судья оказались бессильны? Тут за дело должен приниматься Ангел, больше некому. Один ангел в поле не воин, скажете вы.

- Воин, если он Эгоист.

Еще одна особенность была у странного ангела, он дружил с забавным бесом Тарасом, который часто помогал ему совершать возмездие, и при этом отличался невероятной изобретательностью.

Эгоист любил одно чудное место на Красном пути (так называлась улица в граде, где проживал его последний подопечный – 29 летний клерк «Лукойла», получавший зарплату больше, чем любой министр, а потому совершенно отбившийся от рук).

Но ангелу все равно приходилось его хранить до поры до времени.

Так вот на той самой улице Красный путь был ночной клуб, в котором любил бывать Андрейка, - так звал Эгоист своего непутевого клерка, и название у того клуба было не поверите - «Эгоист».

Место знаковое, ангелу даже казалось, что он сам его привел в клуб его же имени (назвали так заведение значительно позднее), но наш герой и ангел там часто бывали.

№№№№№№

Лексус летел по Красному пути так, словно Андрэ собирался взлететь прямо на небеса, если бы ангел не сомневался в том, что его туда и близко примут, то точно бы отправил, так ему надоел этот безбашенный мажор.

Но Эгоист был уверен, что и в ад его не возьмут, если о том сильно и долго не просить, и если бес Тарас не поможет пристроить по благу. А потому при каждом таком полете по Красному пути приходилось останавливать эту прыть Андрея, который чувствовал себя князем, и шел прямым путем из грязи в князи.

И может быть дошел бы, если бы вечером в пятницу не понесся к ночному клубу, уйдя от всех гаишников, впрочем, не сильно они за ним и гнались, халтурщики.

От гаишников курьер Лукойла ушел, а вот парень и девушка стоявшие около того самого клуба, оказались в один миг у него под колесами.

Ангел не успел даже глазом моргнуть, зная своего курьера лучше, чем все остальные, и он никак не мог подумать, что тот будет таранить их родной клуб, чтобы затормозить..

Все оборвалось в один миг, современным Паоло и Франческе, Тристану и Изольде, которых не коснулась вражда родов или какая другая беда, проще всего оказаться под колесами какого-нибудь психопата, любящего скорость и алкоголь с наркотой так сильной, что он никак не может отделить одного от другого. А когда хочет попасть в свой любимый клуб, то тормозит, врезаясь в него. А чего не врезаться, если завтра заплатит за все, когда протрезвеет, или новый клуб построит, ему это раз плюнуть.

А если при этом проехался по какой-то парочке, то земля им пухом, не будут у него на дороге стоять, узнают, кто в городе хозяин.

Но не знал наш курьер, что никакой адвокат ему не поможет, если он привел в бешенство своего ангела - хранителя.

А Эгоист на этот раз и на самом деле взбесился не на шутку, как только услышал от врачей, что девушка уже мертва, да и парень больше не жилец на этом свете, вот и нахранил, называется.

Курьер заскочил в свой лексус, и на той же скорости бросился по Красному пути дальше. Он убегал от полицейских, которые еще и не бросились в погоню, от всех остальных, а прежде всего от самого себя и от своего ангела, почуяв, что тот так его начал хранить, что никаких бесов не надо... Спасаться надо, а жить очень хотелось, больше, чем всегда.

Летел он стремительно, но недолго, на него по встрече летел красный кадиллак, и не было никакого сомнения в том, что они столкнутся в определенной точке, хотя могли бы и уйти от столкновения. Могли бы, если бы грозный Эгоист не следовал за ними и не направил обе машины туда, куда надо.

Они переворачивались со страшным грохотом уже на пустой дороге, когда бес Тарас, наконец, догнал Ангела, он сразу почувствовал неладное, но все-таки не успел.

Да и когда это бес мог угнаться за ангелом, если тот был в ярости.

Машины валялись вверх колесами.

Бес и ангел переглянулись.

- Думаешь, они того?

- Не сомневаюсь, и так будет со всеми, я объявляю им войну.

- Может не надо?

- Надо, бес, надо. Больше все равно некому. Уроды, садящиеся за руль в опьянении, а также уроды, гоняющие по улицам города с недозволенной скоростью - врезайтесь друг в друга (вы этого "достойны"). Омерзительные твари.

Тарас отошел от Эгоиста, ему стало немного страшно, разве мог ангел говорить такое, если у него язык не поворачивался сказать подобное. Ведь оба они знали, что желание Эгоиста сбудется, потому что небесам все равно, какое наше желание исполнять.

- Может не надо всех, сразу? – пытался заступиться за все пьяных курьеров-мажоров бес Тарас.

Но Ангел так на него взглянул, что тот невольно отстранился и решил, что с этим бешеным Эгоистом не стоит связываться.

А потом в разных местах страны стали происходить странные события: летевшие на скорости 150 машины непременно сталкивались друг с другом, и можно было без анализов предсказать полицейским (они стали считать себя ясновидящими), что в крови у каждого из столкнувшихся водил был либо алкоголь либо наркота, а если не было ни и того ни другого, то вместо прав обнаруживалась справка их дурдома.

- Остановись, - просил ангела Эгоиста бес Тарас, - сколько мы их погробили уже, может, хватит?

- Я привык дело доводить до конца, - отвечал тот.

То ли бес рассказал всем мажорам, что судьба их решена, то ли протрезвев, они это сами поняли, но теперь уже встречаются все реже и реже, и никто из них не пытается даже повернуть на улицу Красный путь, такое вот табу у них появилось...

Эгоисту никого больше не доверяют хранить. Но он не обижается, у него и без того дел немало. Своих подопечных, которых поубавилось значительно, он называет теперь упырями.

А что, хорошее русское слово, и очень точное, и где-то в небесах над улицей Красный путь часто звучит:

- Упыри, сажаясь за руль в опьянении, а также упыри, гоняющие по улицам города с недозволенной скоростью - врезаются друг в друга, вы этого "достойны", ни дна вам и не покрывки...

И все сбывается, небесам все равно, какое желание исполнять.

Зачем Мефистофелю Души? Мифомистика 21 века

(Старинные свитки)

Сначала была тьма.

Ей не было конца и края.

Не было солнца на небесах. Не было огня костров на земле, даже еще ни одного пожара не случилось.

Тогда появился Властелин тьмы со своей свитой темных духов. Он был изгнан из какого - то другого мира.

Они нашли этот пустынный мир и поселились тут, решив, что не допустят света и огня сюда, чтобы жить и не тужить вечно.

2.

Но однажды сюда долетела Жар-птица.

На какой-то высокой горе, невидимой во тьме, она оставила золотое яйцо. Сколько не пытались добраться до него воины тьмы – ничего у них не получалось.

Они были упрямы, и решили погасить ослепительное яйцо или отнести его подальше, только гора оказалась неприступной. Так в мире появился свет, и покой хранителей тьмы был нарушен. А уж опасность стала очень зримой.

Они по очереди следили за золотым яйцом, чтобы не прозевать чего-то важного, не допустить рождения огненного мира.

3.

Самый хитрый и коварный страж Золотого яйца Мефистофель, не выдержал и заснул в тот миг, когда из Золотого Яйца на свет появились Лада

и Род. А когда проснулся он, то свет лучезарной богини ослепил его и всех, кто вышел к ним навстречу из Пекла.

Воинство тьмы взвыло от ужаса и бессилия.

Они бросились в пещеры под землю, туда, куда не доходил ослепительный свет, там и спрятались от этого огненного кошмара. И только Мефистофель, знавший, что Властелин его по головке за такое не погладит, остался на земле.

Его глаза стали привыкать к свету, он больше не пугал духа тьмы. В душе же его жила только одна мечта - забота. Ему хотелось исправить сотворенное при его участии - погасить свет...

Вместе со всеми тяжело вздыхал он о временах, когда царила тьма, и хотел только одного - вернуть их назад. Он торжественно обещал, что сделает все для того, чтобы прошлое вернулось.

4.

Из небесного пламени родился бог огня Сварог.

Лада и Род радостно приветствовали своего огненного сына. Зная о том, что свет слаб и мал, они думали только о том, как сохранить и умножить его, чтобы отступила тьма.

Боги охраняли огонь в небесной кузнице, зачаровав это место так, что туда не мог пробраться никто чужой.

Но ведь мало только небесного огня, надо, чтобы он появился на земле. Мефистофель первым поднялся на небеса, только сразу же в плену у чар онемел и не мог и приблизиться у свЕщенному огню.

- Плохо дело, - тяжело вздохнул он, - видно тут он и останется навсегда, ладно, надо хотя бы не допустить его дальше, на землю, мы погибнем, если он окажется еще и на земле. Его и без того слишком много в мире.

5.

А тем временем хранитель огня Сварог, все делал для того, чтобы огня становилось больше и больше.

Неустанно трудился он в своей небесной кузнице, так появлялись боги, волшебные предметы, чудесные животные, сотворенные из небесного пламени.

На небесах появились звезды, на которые в ярости взирал Мефистофель - Это было уже страшной наглостью огненных пришельцев. Да как они смеют так издеваться над тьмой.

Когда появились звезды, отступила тьма, свет завоевал этот мир, если не полностью, то большую его часть.

Но и это не стало пределом творений для солнечных, огненных богов. Еще во время творения звезд и других огненных стихий стали на землю падать искры из небесной кузницы.

Из этих искр на земле появились духи - хранители.

Расселились они по лесам и равнинам и стали хранить мир, наполненный светом.

6.

Кто-то из молодых богов, оказавшись на земле, увидел духов, стал творить создания по их образу и подобию.

Так появились первые люди. Только пока они были неподвижны. Не знали боги, как их оживить, сидели они перед своими творениями в грусти, когда вдруг одна из небесных искр упала прямо на это творение. Встрепенулся и ожил человек. Вторую искру духи-берегини принесли сами и оживили второго человека.

Когда Лада спустилась на землю и увидела первых людей, она похвалила молодых богов:

- Они станут хранителями небесного огня на земле, он никогда не погаснет, пока живы люди, - улыбнулась богиня.

Мефистофель видел и слышал все, что творилось на земле, и понял, что это конец тьмы.

Когда люди стали рождаться и множиться, Мефистофель окончательно приуныл. Он боялся даже показываться на глаза Хранителю тьмы. Но все время думал о том, что же можно сделать, чтобы как-то исправить все и избавиться от света.

Ведь теперь тьма ему могла только сниться.

7.

Звезды в небе, духи, люди, не слишком ли много на земле огня и света, - размышлял хранитель ускользящей тьмы.

Нет, конечно, со всем вместе ему не справиться, только с чего-то надо начинать, не мог же он сидеть без дела, и даже не попытаться вернуть тьму. - Начнем мы с людей, пока их развелось не так много, а потом до духов и до звезд доберемся, - решил он.

Только после всего этого осмелился он вернуться к своему Властелину.

- Явился, не запылится, - усмехнулся тот, - только не говори мне, что все это допустивший, ты знаешь, что теперь можно сделать.

- Знаю, - упрямо заявил тот, хотя остальные хранители либо хихикали, либо тяжело вздыхали за его спиной.

- И что же мы с ними делать станем?

- Для начала их души отнимем, без душ люди останутся только мертвыми куклами - закинем их во тьму, пусть наш огонь пользу приносит, но это будет темное, фиолетовое пламя, чтобы никакого золотого блеска и в помине не было.

- А не слишком ли нас мало, чтобы с людьми справиться, а ведь есть еще и духи, и звезды? – засомневался Властелин тьмы.

- Ничего справимся, надо хотя бы попробовать, - упрямылся Мефистофель.

Властелин хотел отправиться в странствия, чтобы найти новый мир, где бы царила тьма. Но, видя такой напор своего любимчика, он пока решил подождать и посмотреть, что же тот делать станет. Уйти всегда можно, а вдруг у него что-то получится.

8.

Вот с той поры Хранители тьмы и бросились на землю. Они хотели только одного – отнять у людей их огненные души. Чего только они не делали, как только не соблазняли людей, чего только им не обещали, чтобы забрать душу и погасить небесное пламя, дар Сварога и Лады.

И надо сказать, что порой у них все получалось, тогда белые волки несли души во тьму, а люди умирали в тот же миг, получив иллюзию того, о чем говорил Мефистофель и его братья.

Те, кого они никак не могли уговорить и соблазнить, отправлялись в заповедный лес к берегиням, и те помещали их в деревья на хранения до определенного срока, пока они снова могли понадобиться, чтобы оживить новых людей.

Почему Берегини не боролись с Мефистофелем и его помощниками и встречали их благодушно?

Потому что они были уверены, что те, кто окажется в их руках, испорчены, и самое место им оказаться в Пекле, пусть перепекаются, нельзя их снова людям отдавать.

Так им Яга и объяснила, когда они узнали о том, что на людские души объявлена настоящая охота хранителей Тьмы.

- Берегите настоящих, тех, кто стоит того, а в этих и огня с гулькин нос, никакого от них нет прока.

Наверное, Мефистофель даже не догадывался, что, борясь с духами и солнечными богами, на самом деле они даже помогали им и делали доброе дело, иначе бы не было им так легко и вольготно в новом мире. Недаром потом он изрек:

- Я часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо. Страстно желая вернуть тьму, они хранили свет, стирая, словно ненужные черты, мертвые души.

9.

Не сразу понял Мефистофель, что людей значительно больше, чем ему того хотелось. Но ему казалось, как Сизифу в Аиде, что еще немного, и он закатит камень на вершину, и избавится от труда своего мучительного. Но все мы знаем, что в последний момент камень неизменно падал вниз, и ему приходилось снова бежать назад, и все начинать сначала. Так и нашим борцам с небесным огнем. Трудам их не было конца и края. Людей меньше не становилось. Хранители тьмы подозревали, что их было даже больше и больше.

Но и они сами уже не могли остановиться, все забирали, покупали, гасили новые и новые души.

Фиолетовый огонь в Пекле согревал землю в лютые морозы, немного освещал тьму, так что и там она не была уже кромешной. И даже радовал обитателей подземного мира этот мрачноватый свет.

10

Но были такие темные и бедственные времена, когда Хранителям тьмы помогали голод, мор, пожары, войны. Тогда им казалось, что еще немного и свет отступит, и они, наконец, вернут кромешную и такую для них желанную тьму.

Берегини в тревоге доставали последние души из деревьев, тяжело вздыхали и наказывали Домовым и Кикиморам получше их ранить, не дать погаснуть небесному огню.

- Мы все не можем допустить того, чтобы погас огонь, и миром завладела тьма, не бывать этому.

И как-то им все-таки удавалось спасти этот мир. И в очередной раз отступала тьма... Светили звезды, трудились духи, сохранялись люди.

О духах и звездах на небесах Хранители тьмы вместе с Мефистофелем уже и не думали, они хотели только справиться с людьми и погасить хотя бы этот свет.

Иногда люди и сами помогали им так яростно, что берегини с ужасом говорили, что никакого Мефистофеля не надо, если они так стараются себя истребить, и так радостно бросают чужие, а часто и свои души во тьму, погасив небесный огонь.

Казалось, еще немного и нарушится равновесие, и Хранители Тьмы победят... Тогда снова наступит тьма.

11

А Пряхи небесные говорили о Последней битве, когда вырвутся погруженные во тьму мертвые души – их там было слишком много, и погасят

тех, кто горит и сверкает, и хранит небесный огонь. Но в последний момент кому-то из богов удавалось спасать этот мир. Не только Велес, но и вечный его противник Перун выходили на сражение с Хранителями тьмы и побеждали, понимая, что мир без солнечного света и огня погибнет.

А в самый критический момент, когда огонь был погашен, и лютые морозы сковали весь мир льдом, появилась вдруг снова Жар - птица, когда ее уже и не ждали.

Сияние ее и растопило лед, и бежали в ужасе в Пекло Хранители тьмы, понимая, что и на этот раз они не вернут свою любимую Тьму. Сами едва отогрелись у подземного огня.

Но как только поняли, что не погибли, не заморозились совсем, снова принялись за старое. Пошли они по миру гасить огонь наших душ, и забрасывать их безжалостно во тьму.

И всегда находились те, кто с радостью, а кто с яростью бросались в их объятия и радовались, что избавились от огня и от света. Разве мало тех, кому никакого света не надо, только тьму подавай? Берегини называли их мертвыми, пропащими душами, и, махнув на них рукой, хранили тех, в ком не гас огонь, кто готов был передавать его другим.

12.

Вот и сегодня борьба Мефистофеля с Духами и Берегинями продолжается, и с того момента, когда отступила тьма, и им и нам всем покой только снится, а кому-то он и не снится вовсе. И смысл нашей жизни – это хранение небесного огня и борьба с тьмой, хранение огненных душ столько, насколько хватит сил. Но даже когда огонь в душе гаснет, человек не бессмертен, главное, куда отправится душа – на небеса, чтобы не погасли, ярче светили звезды. Лада там стала селить наши души в звезды, чтобы их свет был ярче. Или в Пекло, чтобы он превратился в мрачное фиолетовое пламя, которому уже не суждено стать тем ослепительным светом, без которого не может существовать мир.

Иногда мы сами зовем Мефистофеля или все делаем для того, чтобы он явился, и погасил огонь, порой так получается случайно... Легкомыслие, капризы, безрассудство – разве не это часто руководит нашими действиями. Не надо искать оправдания и на Мефистофеля пенять, Хранители тьмы вовсе не так сильны, как кажется. Мир устроен так, что с ними по силам справиться самому человеку, да и берегини придут на помощь, если мы этого страстно хотим..

Но если человек этого не хочет, если он все делает для того, чтобы оказаться во тьме, вот тогда никто, кроме Мефистофеля, ему помочь не станет. И унесет его белый волк в Пекло, куда ему и дорога.

13.

Проснувшись ночью где-нибудь в чистом поле в теплую летнюю ночь, человек видит россыпь звезд в небесах.

Почему так долго и пристально смотрим мы на эти дивные огненные узоры? Потому что это тот божественный небесный свет, то яркое пламя, которое светило и согревало нас на земле, позволило нам появиться в этом мире в назначенный срок и светить какое-то время, порождая новую жизнь. А когда «звезда с звездой говорит», то это огненные души наших предков, которым никакая тьма не страшна, пытаются до нас докричаться, дотянуться, и напомнить о себе.

Когда прекрасные люди покидают мир, то зажигаются и ярче светят звезды. Они дарят нам надежду на то, что тьма отступила навсегда, что никогда не наступит конца света.

Только всем нам надо быть осторожнее и осмотрительнее. Хранители тьмы надеются ее вернуть. Они все время где-то рядом, и с радостью готовы погасить наши души.

Битва между светом и тьмой продолжается. Ей нет конца и края. Человек находится в самом центре этой битвы. От него не так уж мало зависит. Свет или тьма, тьма или свет? Бергиня или Мефистофель?– это решать каждому из нас...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАНЬЯК. Никаких собак

Женщин обижать не рекомендуется, писательниц- тем более.
(Так говорит кот Бегемот)

Наступил рассвет. Кончилась водка, а нужно было опохмелиться, чтобы ощутить себя в своей тарелке и дописать юмористический рассказ. Нет, его

никто и нигде не ждал, но рассказ должен быть закончен, чтобы оставаться в тонусе, и чувствовать себя юмористом.

- Писатель, - на разные лады повторял Вит, понимая, что это последнее, что ему еще осталось в этой жизни. Со всеми остальными занятиями и с женщинами, с которым он проводил больше, чем одну ночь, пришлось расстаться по собственному желанию, а вернее, желания – то никакого и не было, а все от него что-то требовали, особенно блудливые бабы.

Пить с утра - дурной вкус и последняя стадия алкоголизма, но завтра он бросит, займется делом, вернется в журналистику, станет знаменитым душеведом и напишет шедевр обязательно. Надо только протрезветь.

Когда последняя банка пива была допита, он вздрогнул и увидел оранжевого черта.

- Оранжевых не бывает, - прохрипел Вит.

Черт почесал затылок и ухмыльнулся:

- Если за дело не возьмёшься, то фиолетовым стану, юморист чертов.

- А что делать-то? – спросил Писатель

Черт от ярости, смешанной с жалостью и презрением, усмехнулся.

- Да почти ничего тебе уже не осталось, но вот кое-что я все-таки придумал, маньяка из тебя делать будем.

-Кого? – прохрипел Вит, с чувством юмора у него было в последнее время совсем скверно.

- Литературного маньяка, это что-то новенькое, обычные маньки, это пошло, кто только не маньяк нынче, ты будешь литературным, знаю, что трудно, но справишься, ты же еще не все мозги пропил.

- С бабами не хочу, - стал капризничать тот, - они все дуры безмозглые, и слишком много требуют, а потом динамят и еще смеются.

- Я из тебя не плейбоя, а маньяка делаю. Вот и выместишь на одной из них всю свою ярость.

- На какой? – вяло поинтересовался Вит, понимая, что кому-то из особенно шустрых графоманок, затмивших от него одинокие шедевры своей плодовитостью, можно будет отомстить. Это лучше, чем ничего. Бес врубил комп, полистал страницы и ткнул мохнатым оранжевым пальцем в экран:

- Вот эта?

Вит немного протрезвел от увиденного.

- А чего такая старая и страшная?

-О, дьявол, ты же маньяком будешь, а не Тарзаном, потому и страшная и старая, сказал эта, значит эта. Тебе не жениться на ней, а для этого сойдет и такая.

Но замысел оранжевого беса постепенно стал ясен.

- Эта уже столько написала, издавала, что если ее не будет, то меня заметят, - медленно рассуждал он, решив найти мотив и выгоду для себя любимого.

- Геростратом никогда не поздно стать, - пробормотал бес, но Вит его не услышал.

Он даже не думал о том, что потом бывает с маньяками, попадаться он не собирался, хотя если не попадешься, то, как прославиться? Как Наполеон, он решил сначала ввязаться в драку, а потом разбираться.

- Вот-вот мозги еще не все пропил. Станешь литературный маньяком-завистником, напишешь, как ты убивал главную графоманку, и хотят - не хотят, но они тебя запомнят, издадут, даже с петлей на шее.

- А может не надо? - стал торговаться гений.

-Надо, Вит, надо, - черт говорил убедительно, - это твой последний шанс взойти на Олимп или Парнас, потом посмотрим, куда всходить, но по трупам конкурентов, а как нынче по-другому в маньяки, то есть люди выбиться?

№№№№№№№№№№

В доме Виктории горел свет, она, не разгибаясь, дописывала роман о Мастере, который должен был быть сданным редактору еще вчера. Но она все читала и правила рукопись и никак не могла поставить последнюю точку.

И вдруг на пороге появился белобрысый мертвецки пьяный тип. Она привыкла открывать двери даже в полночь, вот и на этот раз не заморачивалась, решив, что кому-то надо помочь. Спасать мир – это было делом ее жизни. И на те самые грабли она наступала снова и снова.

- Вот я до тебя и добрался, графоманка чертова, - зарычал Вит, - из-за тебя меня никто не видит и не замечает, замолчи и за умную сойдешь, чего всякую чушь писать, а потом издавать на деньги своих любовников, не бывать этому...

Вика растерялась только в первые пять минут, а потом, потом она оттолкнула литературного маньяка, - так она сразу его назвала, но он упал на дверь, которая и захлопнулась, отрезая ему путь к отступлению.

Маньяк усмехнулся, бес служил ему верную службу... Окрыленный рванулся прямо на нее, кажется даже немного возбудился - ну настоящий маньяк, даже играть не надо.

А потом он сделал то, что делать не надо было, схватил за горло свою жертву... И возбуждился еще сильнее, золотого конька не потребовалось, в первый раз за много дней и лет.

Ярость, бессилие, ненависть, которая могла спалить дотла его исстрадавшуюся душу - все смешалось в пьяном бреде в душе непризнанного гения. Он ненавидел женщин, а писательниц особенно, и самую противную из них наконец можно было реально задушить – это ли не счастье, спасибо оранжевому бесу, что толкнул сюда.

-Вы думали, что убили меня, уничтожили, шиш вам с маком, бездарности чертовы.

Вика подумала о том, что мертвая писательница, наверное, станет популярнее, чем живая, но у нее еще столько неоконченных рукописей.

Что произошло в следующий момент? Страшная боль, адская боль в том самом месте, которым маньяк должен был орудовать дальше, ну чтобы завершить свое маньячье дело и прославиться на весь мир, хотя бы в этом амплуа.

Откуда эта дикая боль, если Виктория не шевелилась, и точно не могла пнуть его? Об этом он позаботился, все сделал правильно. В чем он просчитался?

Но руки разжались тут же, рыжая псина, то ли пит, то ли буль – Вит все время их путал, сцепила пасть на его брюках да так, что ее не разжать и железным прутком.

Он вопил так, что слышали все 9 этажей огромного дома. Теперь и Вика пнула его острым каблуком в живот и прошла к двери, там уже трезвонили соседи, нашлось кому ей на помощь бросится, что тоже было приятно.

Полиция приехала очень быстро, что само по себе удивительно, но это спасло маньяка, кажется, откусить пес ничего не успел, хотя там и кусать особенно было нечего.

- Убейте собаку, она бешенная, - вопил маньяк, когда копам удалось разжать пасть пита и освободить его из собачьего плена.

- Обязательно уьем, - пообещали полицейские, - дай только срок.
№ № № № № № № № № №

Рыжий бес присел на нары в обезьяннике.

-Тебе поставили укол, обезболили, это я уговорил их, чего так маяться-то, говорят, это самое болезненное место.

- Ты? А почему ты не сказал, что у этой швабры есть собака?

-Не знал, - не моргнув глазом, соврал бес.

- Не знал...

- Но так еще интереснее получилось, забавнее. Ты же писатель-юморист, что еще можно было придумать, чтобы народ посмешить.

Маньяк готов был прибить беса, но как только дернулся, адская боль уложила его на нары. Обезболивающее действовало плохо, было очень больно...

К камере подошел капитан полиции и бросил газету.

Бес подхватил ее еще до того, когда она успела коснуться грязного пола.

- А вот и статья, полюбуйся.

Маньяк впился глазами в текст, где рассказывалось о писательнице, о романе, который хотел похитить и присвоить очередной графоман, о том, что с ним случилось дальше, и как он теперь оказался безвреден для всех окружающих.

- Раньше он писал дрянь, но хотя бы по бабам ходил, а теперь и этого не потребуется. Нет, ходить - то может, но толку от того.

- Что это? – вопил Вит, - ты же обещал сделать из меня литературного маньяка.

- Прости, с литературным не вышло, пес помешал, мы в другой раз попробуем литературного, но вот тут есть и про литературного.

Он развернул газету, там была громадная статья о философе из Казани, который сначала опубликовал книгу, а потом и совершивши двойное убийство. В реальности он действовал точно так, как было описано в книге. Раскольников наших дней, не больше, не меньше.

- Этот тебя обошел, я же говорил тебе - пиши романы, а не юмористические рассказы, у каждого маньяка свой жанр, тебе одно – ему другое, а я что, я только подсобный рабочий...

Хотелось пить и есть, но, швырнув ему газету, Рыжий исчез. Побежал к своей писательнице или еще какого литературного маньяка творить.

- Упырь, - прохрипел Вит, - осинового кола на тебя нет...

Трудна доля маньяка, но как же тяжело быть литературным маньяком...

Хотя у него все впереди, он выйдет из обезьянника и еще всем покажет, но пока только огромная пасть пса мерещилась гению в полусне, оставалось только благодарить полицейских за то, что они успели вовремя...И надо меньше пить, чтобы фиолетовым, оранжевым, бирюзовым чертям не захотелось использовать тебя в своих целях, твоими руками и другими частями тела творить пиар старухам - графоманкам, будь они неладны, писательницы чертовы.

Только как не запить от жизни такой? Вот и получается замкнутый круг, из которого гению никогда не выбраться, остается только маньяком стать - Литературным маньяком, но в следующий раз надо подумать, как лучше это сделать, и никаких собак.

А потом появилось стихотворение той самой мерзавки, она его посвятила ему, и даже адрес указала, куда обращаться за пиаром...

Житейские размышления кота Баюна

Ко мне вчера пожаловал упырь,
Он был развязан и мертвецкий пьян,
И разговорчив, озверев в пустыне,
На теле и душе полсотни ран,
И комплексов там столько, Велес мой,
Какая чушь летела в этот миг,
Мне показалось, что упырь живой,
Но нет, он мертв, и глубоко проник

Осины кол, не шевелиться вновь,
Кикимора могла б его спасти,
Но он отверг невинную любовь,
И чушь свою все продолжал нести.
Я слушала его, еще шутя,
Жаль упыря, мне, правда, очень жаль,
В его душе старик или дитя
Сражались за иллюзии печаль.

Остановиться он уже не мог,
И все вещал наивно, и кляня,
Сюда он все проблемы приволок,
Не оставлял беспечную меня.
«Я улыбаться мог одним лишь ртом»-
Мне вспомнился Высоцкий в этот миг.
А мой упырь все говорил о том,
Куда мне ехать, как писать, Старик,

Он юношу еще изображал,
Он был безумен и безмерно груб,
Я видела, как от кола страдал,
Но выньте кол, и вырвется из рук.
И вот тогда беды не избежать,
Недаром прикололи упырей,
И Леший мой посетовал: - Опять
Ты с ними носишься, уйди скорей.

- Но как же он? – К Яге перепекать.
- Не выйдет, тут бессильна и она.
А мой упырь все продолжал вещать.
Я думала: - О, бедная страна,
Где столько их сегодня развелось,
Что не увидишь больше и людей,
И вдруг он на меня обрушил злость.
Смеялся Леший: - Ну их, упырей,

Всех не спасешь, и стоит ли спасать,
Оставь его, я приготовил кол
Еще один, - замолк он, благодать,
И дальше пить на сайт знакомств пошел.
Там пыль в глаза пустить всего милей,
А после свой шедевр сюда строчить,
И все же очень жалко упырей,
Которым тяжелей на свете жить.

Ведь Домовой, и Леший начеку,
Никто не хочет больше их понять,
А на болото вновь уволокнут,
Запрут в тюрьму болотную опять.
Кикимора смеется, бес молчит,
Никто не пожалеет упырей,
От боли одиночества кричит,
Пристать к кому-то хочет поскорей.

На те же грабли снова наступлю,
Начну с ним так бездумно говорить,
Я на мгновенье даже люблю
И этот злой азарт, и эту прыть...
Пусть Лада улыбнется с высоты,
И снова расхохочется Ярило:
- Ну ты даешь, куда же, детка, ты
И в этот раз отчаянно вступила.

Купала снова будет защищать,
И лишь Услад махнет рукой устало.
- Что упыри, когда Кащей опять
Там расходился, в Пекле тошно стало...
Да, мир спасать видать настал черед,
Тут не до шуток, осень так уныла.
- Любой упырь к тебе лишь пристает,-

Морена рассмеется, и шутливо

Опять мы в хороводе у костра,
В лесу прохладно, и колдует осень.
Ко мне упырь пожаловал с утра,
Он пьян и сир, его мне жалко очень.
Но лучше не жалеите упырей,
Спокойней так и проще, я-то знаю,
И к Лешему пошлю его скорей,
Ни дна и ни покрывки пожелаю..

Пленники иллюзий.. Тайна Незнакомки

Ночь черным крылом закрыла половину Любинского проспекта, словно старалась отрезать его от остального мира.

Только силуэты людей и призраков появлялись то там, то тут. Луна осветила начало проспекта, скамейку на которой по-прежнему, несмотря на такой поздний час, сидела с раскрытой книжкой стихов девушка в бальном платье...

Наверное, от яркой луны она прикрывалась зонтиком и грустила. Любаша, жена генерал губернатора была грустна, ей хотелось отправиться туда в парк, затеряться в тенистой аллее, хоть недолго побыть в одиночестве. А вот приходилось день и ночь, что за странная причуда, сидеть на железной скамейке и ждать, ждать чего-то...

Может быть Афродиту, которая должна была воскресить ее, но это при условии, что скульптор влюбился бы в нее так, что жить без нее бы не смог.

Но могла ли она на такое рассчитывать? Скорее всего, нет. Судьба ее была печальна с самого начала, такой она и осталась в своем бессмертии.

Скульптор был счастлив, доволен жизнью, творческим взлетом, своей веселой женой поэтессой – душой их компании, ему не о чем было жалеть и не о чем мечтать – удача не отступала от него, наверное, родился в рубашке.

Заказ на скульптуру он принял скорее чтобы доказать своему сопернику – неудачнику, что получит его он, а не тот, кто может быть и сделал бы работу лучше, да кто же ему даст эту работу.

И он сотворил чудо, превзошел себя...Его работа стала знаком – символом города, связала воедино разные времена...

Он не подумал только о грустной девушке, обреченной сидеть под дождем и холодом, грустной улыбкой встречая и провожая прохожих.
№№№№№№№№№№

Дружная толпа живописцев вывалилась из мастерской, расположенной как раз напротив знаменитой скульптуры, они остановились перед ней, каждый что-то попытался сказать:

-Бедняжка, муж вздорный старик страшно ревновал, и вот теперь такая участь, сиди и любуйся на мир

- Говорят, она ему не изменяла, да и теперь ей не изменить даже позы, намертво к скамейке прикована.

- Такая молодая и такая печальная, бедная, бедная Любаша.

- Но Мишель хорошо постарался, она прекрасна.

Веселье куда-то улетучилось, и творцы поспешили каждый в свою сторону, пора немного передохнуть.

Скульптор Мишель Сергеев задержался в своей мастерской. Он долго беседовал по телефону с какой-то Незнакомкой.

Она просила его о чем-то, а он никак не мог понять, что собственно нужно этой даме, которую он в глаза никогда не видел. Но вечером она набирала его номер, говорила о памятнике мужу генералу, и когда он назначал ей встречу, все время уклонялась от свидания.

- Но как же я смогу исполнить заказ, если вы не видели даже эскизы? – удивлялся скульптор.

В этом месте видно села батарея в телефоне, и он с чувством исполненного долга, вырвался на Любинский, отметив, что в мастерских нет ни одной живой души, на него как-то печально взирали только скульптуры...

На этот раз стало немного жутко от этих взглядов, и он рванулся на воздух, вспомнив, что там непременно столкнется с главным своим творением – Любашей...

Ему все время казалось, что она просит его о чем-то, и он даже догадывался о чем, но не хотел думать о том. Это все иллюзии, сны, фантазии, мифы о Пигмалионе.

Мишель любил живых, капризных и непокорных женщин, и не представлял себя, что слепил бы ее такой, какой хотел, а потом бы жил маялся.

Мишель не мог отвечать за всех мужчин, но не сомневался, что сам он никогда не знал, чего именно хотел, даже когда это касается полотен, а что говорить о людях, да еще о женщинах, вечно изменных и непостоянных.

Нет, тут он всегда отдавался в руки судьбы – какая женщина будет, такой пусть остается.

№№№№№№№№№№

Луна блестела яростно...

Наверное, древний бог Див решил ослепить его и заставить забыть обо всем, что было... А это значит.

Но Мишель не успел подумать о том, что это могло значить, и дорогу перейти не успел.

Навстречу ему порхнула Незнакомка. Она была так легка и прекрасна. Она именно летела к нему... А наряд, что за наряд. Неужели снимали какой-то исторический фильм. Странно, что не было съемочной группы и режиссера, и всех тех, кто должен быть на съемках, но ничего удивительного, ведь фильмы часто снимают ночью, чтобы не останавливать движение. А Любинский даже менять не нужно, конец 19 – начало 20 века во всей красе, бери и снимай фильм...

Но как он оказался на съемочной площадке? Какой черт его сюда толкнул?

- Отпусти меня, мой друг, - услышал он голос, от которого кругом пошла голова, - я твоя пленница, но ведь это невозможно, это такой кошмар.

- Но разве я держу тебя? - просто спросил он.

- Даже Атланту захотелось немного побыть свободным, и он пытался переложить свою ношу на плечи Гераклу, а я только слабая женщина. Мишель, наконец, посмотрел в прекрасные печальные глаза Незнакомки. Родинка на правой щеке, ямочки, как долго он возился с ними... Но ведь он сам придумал Любашу, не было портретов, это творил он сам. Неужели в реальности была дама, которую он придумал и сотворил сначала из глины, а потом из металла?

- Пообещай мне, что ты меня отпустишь, ведь ты даже не любишь меня, так зачем же мне томиться под дождем и солнцем. Я не хочу такого бессмертия... Никакой съемочной группы не было.

Мишель оглянулся на то место, где в начале проспекта, с раскрытой книгой сидела его любимое детище.

Железная скамейка была пуста.

Незнакомка в старинном наряде рассмеялась звонко, словно несколько колокольчиков сразу зазвенели.

- Я так долго ждала, пока ты появишься один, без своих друзей, чтобы не наделать шуму. Я смогла на несколько минут вырваться на свидание с тобой, но мне уже пора возвращаться. Ведь я обещала вернуться.

На щеках ее появились слезы, и смех преломился в плач. Пустая скамейка, а если она и утром останется пустой? Что будет тогда с городом и с Любинским проспектом?

- Я не в силах чего-то изменить, - бормотал Мишель.

Незнакомка в тот же миг исчезла.

Под ослепительным блеском луны он стоял один.

- Приснится же такое, - бормотал Мишель.

Мимо пронесся какой-то лихач на невероятной скорости, еще бы шаг, и он оказался бы под колесами. Но удача и на этот раз не изменила ему – он остался цел, только протрезвел окончательно.

Уж не предупреждение ли это ему?

Когда он перешел дорогу и медленно остановился перед скамейкой, железная Любаша в бальном платье взглянула на него с сочувствием.

Он присел на скамейку.

- И что же нам делать, Любаша?

- Ничего, все обойдется, не печалься, я уже привыкла, - услышал он тот же голос рядом.

Незнакомка в бальном платье за его спиной закрыла ему глаза ладошками.

- Кто вы такая, откуда вы,

Ах, я смешной человек,

Просто вы дверь перепутали,

Улицу, город и век

- бормотал художник любимые строчки Окуджавы.

Ему показалось, что та, за его спиной склонилась и поцеловала его, да и это железная Любаша не скрывала сочувствия.

- Это я твой пленник, ангел мой, - пробормотал художник, - и мне не вырваться из этого плена. Но ведь не моя вина в том, что ты стала женой старика губернатора, что рано умерла, а потом родилась эта красивая легенда о любви и печали. Люди в любые времена любят такие легенды, и мне придется трудиться, а тебе напоминать им о вечном и прекрасном...

Мишель очнулся, он по-прежнему сидел на железной скамейке перед своей скульптурой.

Давно надо было отправиться домой.

Ночь откровений закончилось.

- Пошли, я провожу тебя, - шепнула Незнаком, раз уж я сама назначила тебе свидание, какая непростительная дерзость.

Они дошли до набережной Иртыша, до его дома.

Он простился и торопливо ушел домой.

Дева в старинном бальном наряде еще стояла на набережной и смотрела в темные воды Иртыша.

Это был ее город, и ее мир... Она хранила его, и будет хранить вечно...

А плен, да что плен, все мы пленники любви, власти, страсти...

И никуда от этого плена не сбежать, не укрыться.

Вот так и сидит, опаленная солнцем апрельским,
А дождик прольется, и зонт не успеет раскрыть.
Моя Незнакомка, ты дивный цветок эдельвейса,
В просторе незримом тебе Вдохновенье хранить.

А Любинский шумный пронесится мимо куда-то,
Веселые стайки студентов и гости, и тени,
Забыв все балы, и едва ли припомнив утраты,
Ты в век двадцать первый вживаешься так постепенно.

Отложена книга, в ней все уже было когда-то,
Былая интрига не трогает этих парней,
Ты так одинока, печальна и все же крылата
И в тихую полночь, в мерцании ярких огней,

Поднимешься вдруг, но останется зонтик и книга,
И в эти просторы отправишься снова парить.
Моя Незнакомка, в стихии у дивного мига,
И «Лунной сонаты», в мой город окно отворить

Еще суждено тебе там, где пространство и время
Сойдутся на миг в эту полночь у всех на виду,
И замер художник – пустая скамейка, не верит,
Что стало с Красавицей, снова попала в беду?

Да нет, не исчезла, к рассвету, не бойся, вернется,
Присядет на миг, а останется здесь на года.
Замрет от печали, и только апрельское солнце,
Ее ослепит, как прекрасна и как молода,

Да только печальна, но ветер уносит печали,
И надо б узнать, чем закончился этот роман,
А мир просыпается, птицы во мгле закричали.
И смотрит она удивленно – все сон и обман.

Танец призраков в тишине 31 июля

ТЕНИ ЛЮБИМЫХ СОЗДАНИЙ. ОСТАНОВИЛОСЬ ВРЕМЯ

31 июля – последний день Светлой памяти Леночки

Последний день июля, я все еще дома, а ведь должна быть там далеко-далеко, обещала и обещания не исполнила.

- Ничего страшного, ведь не последний день, - кричу я в телефонную трубку.

Они в дороге, и слышно плохо

-Ну, когда же ты приедешь? - слышу ускользящий голос Леночки.

Что за коварная сила слов, как говорил поэт «мысль изреченная есть ложь»...Ведь не последний день – неужели и это тоже окажется ложью.

Потом, сколько бы дней и лет ни прошло, я буду помнить эти свои слова «Не последний же день».

В ту ночь мне снилась усадьба деда, старый сад в такую же июльскую ночь, и в самом центре этого сада вдруг появились призраки, они кружились и кружились над озерной гладью, такие прекрасные и воздушные в своих белых нарядах.

От усадьбы ничего не осталось, снесли даже дом дедушки, но она жила в моей памяти, и вот теперь приснились призраки. Я пыталась к ним приблизиться и не могла, они отдалялись по мере того, как я подходила.

Но как же великолепен был танец, наверное, берегини собрались тут снова, чтобы совершить свой ритуал. Они образовали круг, взялись за руки, и

вдруг одна из них покачнулась и исчезла. Оставшиеся шесть тянули руки, но не могли дотянуться, образовалась дыра в этом хороводе.

Мне надо было приблизиться и встать на пустое место, но я не могла до них дотянуться.

Вот в этот момент и пробудилась.

-Ничего, это не последний день и не последний сон, все наладиться, - пыталась я утешить себя.

№№№№№№№№

Тетушку я так и не дождалась, но перед отъездом на дачу позвонила я, как же мне хотелось с ней встретиться еще в начале июля, но она все не ехала и не ехала. Вот и сегодня сказала, что не последний же день живем.

Алина всегда знала больше, видела дальше, и потому слова ее показались какими-то странными, словно бы она говорила об одном, стараясь меня утешить, а думала совсем о другом.

Нет, она не может меня оставить совсем одну, хотя кто сказал, что в 45 она собралась умирать, глупости какие-то. Конечно, умирают и те, кто моложе нас с ней, но этого не может быть, потому что не может быть никогда. Ведь у меня больше никого не останется.

Нет, родственники есть конечно, даже бабушка еще жива. Но этот холод, дикий холод, который таится в их душах, он рано или поздно превратит меня в снежную королеву, а она дарит тепло и надежду. Не заберет же он ее у меня, этого не может быть...

Ничего, вот отдохну немного на даче, приведу ее в порядок, она и придет, надо только там немного прибраться, все расставить по своим местам, хотя она в творческом пылу и не замечает беспорядка, но это нужно мне самой... Это самое дорогое место, где я была и еще буду счастлива, обязательно буду, когда она наконец придет.

Авария на дороге, какой кошмар. Вот так вот счастливая несешься навстречу отдыху, новым впечатлениям, а тут в один миг не только машина, но и жизнь твоя поворачивается, если она вообще остается - жизнь, и ты уже изломанный, изуродованный, отправляешься не на свою дачу, а на больничную кровать при счастливом стечении обстоятельств, конечно.

Муж за рулем только напрягся и отвернулся. У него какие-то проблемы, но ничего не говорит, ему хочется, чтобы я отдохнула после всей этой суматохи. Но мне нужна Алина, чтобы я на самом деле отдохнула, поговорила по душам, тихими вечерами послушала ее истории, посмеялись вместе, чтобы она рассказала мне о нашем прошлом, о роде, о родичах... Прежде я и не думала, то это так важно.

№№№№№№№№

Сегодня последний день июля, какой-то странный день, не люблю августа, потому что с ним связаны самые печальные события 7 – расстрел Н. Гумилёва, 21 – гибель А. Блока, мне вообще порой кажется, что август притягивает все беды и несчастья.

Но подошла какая-то странная дама, из городских сумасшедших, судя по прикиду, хотя никогда раньше я ее не видела, подошла и говорит:

- Завтра ты полетишь в столицу.

- Уже завтра? – спросила я, чтобы просто что-то сказать, промолчать показалось неприличным.

- Напрасно ты мне не веришь, ведь мы не знаем, что будем делать даже вечером, даже через час.

- Научили на свою голову – я думала о романе века, уж больно похоже это было на слова иностранного профессора.. Сколько раз я повторяла этот монолог на уроках литературы.

- Завтра, завтра, потому что на сегодня билетов нет

Да уж, вот так идешь, никого не трогаешь, и вдруг тебя уверяют в том, что ты полетела бы в столицу уже сегодня, но нет, только завтра. Откуда такое сваливается на голову. Она не попрошайка, ей важно, чтобы ты потом вспомнила, убедилась в том, что она была права. Ей только этого и надо, судя по всему.

Уж лучше в Прагу. Мне страстно захотелось в Прагу хотя бы на одну ночь. Единственный град, без которого страдаю и впадаю в уныние. Но нет, про Прагу она ничего не сказала, значит в суету столицы.

Вспомнился утренний Аленкин звонок. Надо было все бросить и ехать, лететь, бежать, ну что она одна будет делать на даче? И что может быть важнее нашей встречи?

Незнакомка уже растворилась, пошла выбивать из колеи других, а мне, пока я еще не улетела в столицу, надо было многое сделать. Ведь оттуда так быстро не вернуться, а потом буду разрываться между двумя мирами. Зависать в интернете, жалеть о том, что поддалась эмоциям.
....

Лексус врезался в Джип прямо у меня под носом, так что я в ужасе отпрянула и врезалась спиной в киоск с мороженым. Но все наоборот ринулись туда, к дороге, машины вертелись, и кажется, готовы были раздавить еще кого-то, страшный треск, скрип, ужас, не видеть бы такого никогда. Но что же творится в этом ужасном мире? В это время зазвонил телефон, но мои руки так тряслись, что я не смогла дотянуться до него, даже не сразу поняла, что это у меня хрипит Высоцкий «Спасите наши души, мы стонем от удушья, спасите наши души, спешите к нам»

№ № № № № № № № № № №

Я не могу до нее дозвониться, что же мне делать, боль, страшная боль не дает дышать, и никого нет рядом, совсем никого, даже соседей нет на даче.

Мне бы только услышать голос Алина, и все пройдет, я знаю, что пройдет, если услышу ее голос. Алина, где же ты, Алина, ты же говорила, что это не последний день, для тебя может быть, но что творится со мной? Откуда эта боль?

Надо выбраться из домика и побыть немного в тени под яблоней, может быть пройдет. Не может не пройти. Лекарство подействует, хотя я не могу понять, что болит.

Странные легкие призраки кружатся в хороводе. Какая дивная музыка, как они танцуют, и вдруг круг разомкнулся, дева в бирюзовом, она выпала из этого круга и исчезла где-то в траве. Две руки тянутся, чтобы замкнуть круг и не могут дотянуться.

Гром, а ведь ничто не обещало дождя. Говорят, в это время нельзя оставаться под деревьями, говорят нельзя.

Где-то в домике затрезвонил телефон, надо дойти туда и ответить, не могу же я тут оставаться совсем одна, тем более гроза надвигается.

Но звонки оборвались. Может она все-таки передумала, и летит сюда, тогда мне остается только дожидаться ее. Только дожидаться, ты права, это не последний день, не последний.

№№№№№№№№

Та странная дама была права, мне надо лететь в столицу, сегодня, прямо сейчас, но она говорила, что на сегодня билетов уже нет, если она все угадала, наверное, стоит поверить в это.

Билетов не было, осталось отправлять СМС-ки одну за другой: - Это не последний день, Аленка. Это не последний день... Подожди немного, несколько часов, ты не можешь оставить меня одну.

Картина «Призраки»

<http://www.plutenko.ru/>

Когда дворец окутан тьмою, спит,
и видит сны тревожными ночами.
Они выходят в мир, забыв обиды,
и кружатся, и снова их встречает
Ленивая, и сонная луна.
О чем она им пела и светила,
И только дева дивная одна,
Забыв нас всех, кружилась и кружила

Других во мгле: - Зачем же их терзать,
они ответят за свои поступки,
Луна плывет, давайте танцевать.
Поверят ей, и горести отступят.
От мести душу вдруг освободив,

и не играя больше словесами,
Рой призраков над мрамором скользил.
И танцевать они могли часами.

О только б не кончалась эта ночь.
Не начинался день - пора лихая.
И тени тихо падали у ног.
И снова девы белые взлетали.
И в этом танце жизнь еще текла,
и как свеча последняя светила.
Вдруг говорит: -Когда же умерла,
опомнилась и жизнь я полюбила,

Но слишком поздно, поняла, что мы,
хрупки и смертны, темными ночами
Приходят снова призраки из тьмы,
и их луна покорно освещает.
Художника уверенны штрихи,
он видит их, и слышит в этом зале,
Но как они беспечны и легки,
на полотне, как прежде танцевали..